

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Кафедра археологии, этнографии и источниковедения

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ВЫПУСК 2

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2006

ББК 63.4я43

Т338

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук *Ю.Ф. Кирюшин*;
доктор исторических наук *Н.Н. Крадин*;
доктор культурологии *Л.С. Марсадолов*;
доктор исторических наук *А.В. Харинский*;
доктор исторических наук *Ю.С. Худяков*;
кандидат исторических наук *В.В. Горбунов*;
кандидат исторических наук *А.Л. Кунгуров*;
кандидат исторических наук *А.А. Тишкин* (отв. ред.)

Т338

Теория и практика археологических исследований : сборник научных трудов / отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. – Вып. 2. – 176 с.: ил.
ISBN 5-7904-0623-8

В сборнике представлены материалы научного семинара «Теория и практика археологических исследований», который после проведения Всероссийской научной конференции «Западная и Южная Сибирь в древности» (Барнаул, январь 2006 г.) решено сделать постоянным. В нем публикуются статьи на актуальные и дискуссионные темы.

Издание рассчитано на исследователей, занимающихся теоретическими, методическими и практическими проблемами археологии.

ББК 63.4я43

Т338

*Подготовлено и издано при частичной финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект №06-01-60181з/Т),
а также в рамках реализации научно-исследовательской работы
кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ
по теме «Комплексное изучение материальной и духовной культуры
древних и традиционных обществ Сибири»*

© Оформление. Издательство Алтайского
государственного университета, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
--------------------------	---

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Кунгуров А.Л.</i> Элементы производительных сил палеолитического и мезолитического общества Предалтая и их эволюция.....	7
<i>Кирюшин Ю.Ф., Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П.</i> К вопросу о критериях разделения памятников неолита и энеолита Алтая.....	15
<i>Сотникова С.В.</i> О символике перевернутого сосуда и его роли в андроновском ритуале	25
<i>Ларичев В.Е.</i> Реконструкция систем счисления времени культуры плиточных могил Забайкалья и семантика образов художественного творчества эпохи палеометалла (по материалам знаково-символической композиции святилища Баин-Хара, Бурятия)	31
<i>Тишкин А.А., Шелепова Е.В.</i> Изучение «поминальных» сооружений пазырькской культуры Алтая	38
<i>Горбунова Т.Г.</i> Источники для реконструкции конского снаряжения эпохи раннего средневековья.....	49

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Быков Н.И., Тишкин А.А.</i> О роли фактора сезонности при ориентации погребенных людей в курганах пазырькской культуры	54
<i>Марсадалов Л.С., Миллер Н.О.</i> К вопросу об абсолютном дендрохронологическом датировании археологических памятников Алтая	59
<i>Тишкин А.А., Хаврин С.В.</i> Использование рентгенофлюоресцентного анализа в археологических исследованиях.....	74

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ В АРХЕОЛОГИИ

<i>Тур С.С., Фролов Я.В.</i> Половозрастная дифференциация смертности и ее отражение в погребальном обряде населения староалейской культуры (по материалам могильника Фирсово-XIV)	87
<i>Матренин С.С.</i> Палеодемографический анализ и реконструкция половозрастной структуры населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени	98
<i>Гуляева Н.П.</i> Социальные реконструкции в археологии: проблема глазами социолога.....	109

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Тишкина Т.В.</i> Археологические исследования Н.С. Гуляева в окрестностях д. Большая Речка в 1912 г.	124
<i>Михалев В.В., Михалева Т.В., Здор М.Ю.</i> Материалы о лошадях в архиве М.П. Грязнова (Музей археологии и этнографии ОмГУ)	133
<i>Тишкин А.А.</i> Об археологических находках из частных коллекций	147
<i>Савинов Д.Г.</i> К истории открытия и изучения тесинских «лабиринтов»	154
<i>Рыбаков Н.И.</i> Новый памятник тесинской культуры (святилище Оргинек в междуречье Июсов)	159
<i>Тишкин А.А., Иванов Д.Н., Патин Д.В.</i> Разработка информационно-аналитического портала «Археология Алтая»	167

РЕЦЕНЗИИ

<i>Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.</i> Пятое издание учебника по археологии	171
<i>Марсадолов Л.С.</i> Об учебном пособии А.А. Тишкина, П.К. Дашковского «Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая»	173

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	174
--------------------------------	------------

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время археология занимает ведущее место в исторических исследованиях. Она изучает огромный период существования человечества и решает значительное количество проблем, которые не под силу другим отраслям знаний. Однако до сих пор не произошло полного оформления археологии в самостоятельную науку. Основная причина заключается прежде всего в недостаточной разработанности теоретических и методологических положений, а также в отсутствии четкого категориального аппарата и соответствующей строгой терминологии. После выхода в 1991 г. монографии Л.С. Клейна «Археологическая типология», где широко рассматривались и решались проблемы многих археологических понятий, а также были предложены новые термины и подходы, теоретические вопросы в России как-то отошли на дальний план. Исследователи главным образом сосредоточились на публикации многочисленных находок и результатов раскопок. Однако в настоящее время с накоплением материалов опять обозначилась потребность в постановке и решении целого ряда теоретических и практических проблем археологии. А.И. Яблонский в 1977 г. написал, что принципиальные теоретические нововведения появляются в любой науке, несмотря на большое количество проводимых исследований, в простой линейной прогрессии. Л.С. Клейн (1977) определил интервал в реализации новых теоретических положений в мировой археологии в 20 лет. Именно через столько лет, по его мнению, рождаются идеи в нашей научной дисциплине. С этим можно соглашаться или спорить, но реальная ситуация заставляет аккумулировать имеющийся опыт исследовательской деятельности для оформления и продвижения имеющихся знаний.

Основная цель научного семинара, а также этого сборника и последующих выпусков заключается в демонстрации и обсуждении общих и частных моментов теории и практики археологических исследований. В предлагаемом издании статьи размещены по следующим четырем разделам:

I. Результаты изучения материалов археологических исследований.

II. Использование естественно-научных методов в археологических исследованиях.

III. Социальные реконструкции в археологии.

IV. История археологических открытий и исследований.

Публикации отражают различные аспекты современных работ в указанных направлениях. Поиск путей разрешения проблем не всегда заключается в придумывании чего-то нового. Создать объективную и принципиально отличающуюся концепцию довольно сложно. Для этого необходимо выйти за рамки существующих стереотипов, определяющих форм и используемых понятий. В результате происходит возврат к старым идеям, часто непризнанным или неподдержанным в свое время коллегами. Для этого необходимо знать историю открытий и исследований, что в определенной мере представлено в настоящем сборнике и найдет отражение в последующих выпусках. Еще один подход реализуется путем использования в археологии методов других

наук. Особенно продуктивными стали исследования, в которых принимают участие представители естественно-научных областей знаний. В ходе такой деятельности получены объективные, а порой единственные сведения. Однако при этом имеются и серьезные проблемы. Особенно они связаны с абсолютной датировкой древних памятников радиоуглеродным и дендрохронологическим методами. Существуют и другие моменты, которые нашли отражение на страницах издания. Социальные реконструкции на основе данных археологических раскопок становятся стабильным направлением, но и они требуют серьезной теоретической проработанности. Обозначенные ситуации, возможно, создадут условия для плодотворных научных обсуждений.

Порядок расположения статей в сборнике в основном соответствует хронологическому определению представленных материалов: сначала рассматриваются наиболее древние, а затем последующие. Авторы статей, публикуемых на актуальные и дискуссионные темы, представляют различные учреждения из таких городов России, как Санкт-Петербург, Новосибирск, Барнаул, Омск, Тобольск и Красноярск.

А.А. Тишкин

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.Л. Кунгуров

Алтайский государственный университет, Барнаул

ЭЛЕМЕНТЫ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО И МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ПРЕДАЛТАЯ И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ*

Анализ типологических реестров палеолитических памятников Предалтайской части Западной Сибири (Предалтая), соотнесение их со структурой известных комплексов палеолита и мезолита Евразии позволяют сделать достаточно обоснованные наблюдения и выводы о развитии производительных сил древнейших обществ региона и сложении первоначальных культурных традиций. При исследовании основных закономерностей культурной и технологической эволюции индустриальной традиции мы опираемся на методический прием анализа взаимосвязи элементов материальной культуры, вытекающий из методологических принципов всеобщей взаимосвязи процессов и явлений органической и неорганической природы, а также диалектического единства общего, частного и единичного. Эта позиция позволяет рассматривать производительные силы палеолитического и мезолитического общества (и прежде всего их основу – каменные индустрии) как живое, развивающееся явление, отражающее процесс адаптации охотничьих коллективов к меняющейся природной среде. В этом случае типологический реестр составных элементов индустрии рассматривается нами как отражение средств присвоения обществом природных биологических и минеральных ресурсов региона. Разделение указанного средства присвоения на функциональные составляющие приводит нас к необходимости выделения обобщающей дефиниции, позволяющей исследовать процессы взаимосвязи функционирования производительных сил и производственных отношений общества каменного века.

Речь идет о *сопряженных индустриальных группах* (СИГ) – структурных частях комплекса каменных изделий, связанных общим динамическим алгоритмом функционирования в процессе присвоения обществом биологических и материальных ресурсов природы. Для адекватного использования понятия СИГ в процессе реконструкции жизни древнего общества следует его разделить на понятийные составляющие: назначение, структура, динамика и роль во взаимодействии производительных сил и производственных отношений.

Назначение СИГ – достижение максимально быстрого и эффективного присвоения природных ресурсов человеком. В конечном итоге применение материального выражения описываемой дефиниции – получение жизнеобеспечивающих ресурсов (пища, одежда, комфортное проживание и безопасность).

Структура СИГ определяется прежде всего уровнем развития производительных сил общества. Она включает в себя полный цикл «круговорота» минерального сырья и сопровождающие его процессы различного уровня: поиск необходимых выходов камня; добывающий и обрабатывающий блоки индустрии; приемы первичной, вторичной переработки, модификации и использования сырья и конечного продукта; технологию и методику его применения.

Динамика СИГ. Прежде всего это понятие отражает выработку обществом наиболее простого, доступного и эффективного способа изготовления орудий с максимально высоким КПД. Процесс поиска указанных способов добывания, первичного расщепления и модификации сырья, все более и более усложняясь, не прекращался в эволюции производительных сил до периода утраты приоритетного значения камня с появлением металлургии.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №06-01-60105а/Т).

Роль СИГ во взаимодействии производительных сил и производственных отношений. Это наиболее сложная часть анализируемого понятия, связанная с оценкой уровня развития общества на основании изучения его материальной культуры. Потребность в быстром и эффективном присвоении природного продукта посредством СИГ требовала от человека постоянного совершенствования умений и навыков, что приводило к накоплению знаний, опыта, методов передачи их подрастающему поколению и в конце концов к появлению определенных технологических культурных традиций.

При оценке уровня и значения взаимодействия производительных сил (в данном контексте СИГ) и производственных взаимоотношений мы используем понятие «технологическая культура», которое не только демонстрирует общий уровень развития СИГ, но и играет вполне утилитарную роль – позволяет расчленивать разновременные индустриальные комплексы. Проблема отнесения того или иного культурного слоя или памятника к определенной эпохе или историческому периоду в настоящее время стоит достаточно остро и решается несколькими путями, среди которых можно выделить интенсивные и экстенсивные. На наш взгляд, к экстенсивным путям решения проблем датировки и периодизации памятников каменного века следует отнести естественно-научные методики. Это ни в коем случае не отрицает и не принижает их значения, однако упор при решении основополагающих вопросов гуманитарного знания только на естественно-научные методы и методики во многом их обезличивает.

Анализ техники первичного расщепления и орудийного набора мустьерского времени дает возможность выделить достаточно устойчивые СИГ, ориентированные на достижение обществом палеантропов максимально возможного присвоения минеральных и биологических ресурсов в условиях использования среднепалеолитических технологий и стратегий производства, а также орудийного набора. При этом мы стараемся учитывать то, что материальные свидетельства этого процесса дошли до нашего времени ущербно. Для реконструкции «цепочки сопряжения» различных сегментов индустриального набора мы выбрали следующий алгоритм:

- потребность общества;
- орудие (охотничий или хозяйственный инструмент);
- заготовка (приемы, тактика и средства модификации);
- сырьевой ресурс (специфика добывания, способы первичного обогащения, виды первичной утилизации здесь не рассматриваются);
- поиск минеральных ресурсов для удовлетворения потребности общества.

Несмотря на обширный список потребностей конкретного первобытного коллектива, наиболее полно описанный Брониславом Малиновским (1999, 2004), при обосновании экономической антропологии (школа функционализма), для реализации стоящей перед нами задачи их можно достаточно четко структурировать: пищевые потребности, безопасность и потребность в комфортном проживании. Все остальные потребности, столь колоритно описанные английским исследователем, являются вторичными.

1.

Пищевая потребность	Добывание пищевых ресурсов при посредстве охоты и собирательства
Орудие	Орудия охоты, разделывания добычи, транспортировки
Заготовка	Треугольные и пластинчатые сколы, цельнокаменные изделия
Сырьевой ресурс	Достаточно крупные по размерам отдельности кремнийсодержащих пород
Поиск сырьевого ресурса	Осмотр осыпей, цокольных выходов, разработка системы примет

2.

Потребность в безопасности	Создание защитного орудийного комплекса или использование охотничьего
Орудие	Комплекс, применяющийся при охоте на крупных животных
Заготовка	Соответствует первому
Сырьевой ресурс	Соответствует первому
Поиск сырьевого ресурса	Соответствует первому

3.

Потребность в жилье и одежде	Сооружение и обустройство жилища, шитье одежды
Орудие	Деревообрабатывающие и скорняжные изделия
Заготовка	Соответствует первому
Сырьевой ресурс	Соответствует первому
Поиск сырьевого ресурса	Соответствует первому

Суммируя приведенные элементы производительных сил, мы можем вычленить основные СИГ мустьерской эпохи, необходимые для максимального удовлетворения основных потребностей общества палеантропов – охотничий и скорняжный комплексы. Без нормального функционирования этих блоков индустрии никакое устойчивое существование человека в условиях достаточно агрессивной природно-экологической обстановки просто невозможно. Продолжая выявлять закономерности существования СИГ, мы можем определить наиболее устойчивые и взаимозависимые явления:

- наличие вблизи базового стойбища пригодных для изготовления орудий минеральных ресурсов, соответствующих имеющейся технологии производства орудий;
- возможность реализовать потребность в орудиях с максимальной эффективностью и без существенных временных затрат;
- существование и эволюцию комплекса умений и навыков эффективного применения орудийного набора.

Материальным выражением приведенных умозаключений является реальная «кормовая» территория коллектива охотников с примитивной инфраструктурой, в которую входят базовое стойбище, разрабатываемые местонахождения камня, оберегаемые от чужаков уголья с расположенными на них временными охотничьими стоянками, наличие технологии изготовления и опыта использования орудий труда. Основной индустриальной цепочкой в этом случае становится линия *«отдельность (нуклеус, преформа) – скол (заготовка) – законченное орудия (ручное, рукояточное) – применение орудия»*. Отдаленность сырьевых ресурсов, бедность охотничьих угодий (временная, постоянная), несоответствие качества сырья существующей технологии, потеря опыта изготовления и применения орудий нарушают устоявшуюся структуру и вынуждают коллектив начинать поиск нового места проживания. При успешной реализации всех указанных потребностей общество может существовать на кормовой территории неограниченное время, постепенно глубже и полнее осваивая имеющиеся ресурсы. Наличие на исследованной территории долговременных базовых стойбищ, часто многослойных, свидетельствует о существовании в регионе большого количества пригодных для успешного существования мустьерского присваивающего хозяйства лакун. Конкретной СИГ, на которой базируется вся структура предобщины среднего палеолита, в регионе являются следующие цепочки получения необходимых орудий труда: *нуклеус – скол – орудие; заготовка – изделие – орудие*. Все многообразие мустьерской индустриальной традиции, включая стратегии расщепления, вторичную и первичную обработку вписывается в эти схемы. При наполнении спецификой первичного и вторичного расщепления таких схем становится несколько больше. Для различных регионов Предалтая можно определить следующие СИГ:

Рудный Алтай.

Блок (преформа) – бифас – копье, топор, клевец (рубильце).

Блок (преформа) – обушковый бифас – нож.

Нуклеус площадочный – скол треугольный – копье, дротик, нож.

Нуклеус площадочный – скол пластинчатый – нож.

Нуклеус цитрон – скол обушковый – нож.

Горная Шория.

Валун – бифас – копье, топор, клевец (рубильце).

Нуклеус площадочный – скол треугольный – копье, дротик, нож.

Нуклеус площадочный – скол пластинчатый – нож.

Интересно то, что ни один элемент из цепочки просто исчезнуть не может, не разрушив всю линию. Поэтому находка одного-единственного треугольного или пластинчатого скола, выполненного леваллуаской техникой, или мустьерского асимметрично-треугольного снятия автоматически предполагает наличие всего комплекса СИГ. Ярким примером, подтверждающим приведенные рассуждения, стала находка в 1960-х гг. пластины у с. Бобково, которая позволила А.П. Окладникову высказать предположение о наличии на Алтае среднепалеолитических памятников. Спустя десятилетия леваллуазскими и мустьерскими находками в горах и предгорьях Алтая никого не удивишь, но в те времена гипотеза академика наделала много шума и вызвала волну скепсиса у ученых, не принимающих выводы, сделанные на основании единственной находки (Окладников А.П., Адаменко О.М., 1966, с. 382; Цейтлин С.М., 1974, с. 157–159; 1979).

Внутри цепочки СИГ стратегии утилизации первичной и вторичной модифицирования могут частично налагаться друг на друга. Примером служит первичное расщепление мустьерского времени на стоянке Машинка-3, где документирован переход от радиально-первичного раскалывания ядрища к оформлению площадки и продолжению расщепления в леваллуазской технологии (Кунгуров А.Л., 2002а, с. 98–102; 2002б). Однако такие варианты являются скорее исключением, чем массовым приемом получения требуемой заготовки.

Начало верхнепалеолитического времени и связанные с процессом становления человека современного физического типа новации первоначально осложнили СИГ несколькими «синкретическими» цепочками, отражающими поиск оптимальных технологий. Этот процесс отразился как в появлении новых СИГ, так и в разнообразной модификации старых элементов производительных сил. Следует отметить увеличение разновидностей площадочных нуклеусов в связи с появлением новых стратегий утилизации. Прежде всего это призматическое и торцовое расщепление, а также инновационное изменение классического леваллуазского в плоскостное (Деревянко А.П., 2001; Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., 2000). Несмотря на сходство в самых общих параметрах (площадочные ядрища для получения заготовки необходимой и заранее запланированной формы), происходит качественное изменение стратегии первичной утилизации сырья. Прежде всего упрощается и ускоряется процесс расщепления нуклеуса на заготовки, а также происходит внедрение в технологию умений и навыков мастеров камнеобработки расщеплять гораздо более мелкие отдельности породы. Этот момент связан с эволюционными достижениями Homo Sapiens S., прежде всего способностью к более тонким кинематическим манипуляциям и более четкому прогнозированию последствий тех или иных действий. В связи с этим вновь возникшие системы СИГ принципиально отличались от существовавших ранее, несмотря на формальное сходство. Модернизированные старые технологии в верхнепалеолитических производительных силах еще некоторое время функционируют, постепенно деградируя и исчезая. Уже в период расцвета верхнего палеолита выраженных леваллуазских и мус-

тьерских стратегий утилизации минерального сырья в Предалтае не фиксируется. Специфику составляет галечная технология, однако о ней речь пойдет особо.

Таким образом, новые СИГ имеют следующую структуру:

1. *Нуклеус площадочный призматический – пластина – составное или цельное орудие.*
2. *Нуклеус площадочный торцово-клиновидный – пластина – составное орудие.*
3. *Нуклеус площадочный плоскостной – заготовка – орудие (скребло, скребок, скобель).*

Потребность охотничьего хозяйства в крупных цельнокаменных изделиях продолжает существовать на протяжении всего каменного века, поэтому сохраняется цепочка СИГ, отражающая именно эту потребность производительных сил: *валун – бифас – копье, топор, клевец (рубильце).*

Следует отметить еще одну инновацию индустриальной культуры верхнепалеолитического времени, которая объясняет достаточно многие вопросы и в датировке, и в интерпретации имеющихся в регионе разнофациальных памятников и прежде всего каменоломен-мастерских. Вновь возникшая призматическая традиция требовала более качественного сырья для своей полной реализации. Именно поэтому в Рудном Алтае были заброшены каменоломни по добыванию роговика и начато усиленное использование местонахождений более качественных пород (яшмы, микрокварциты, фтаниты и т.п.). Роговик по сравнению с другими кремнийсодержащими минералами различного состава проигрывал в прочностном качестве. Если для крупных изделий данное сырье соответствовало потребностям использования, то при всеобщей миниатюризации орудийного набора это соответствие исчезло. Именно поэтому в ранних верхнепалеолитических (р.в.п.) комплексах сырье, подобное давидовскому роговику, постепенно исчезает из обращения. Использование минералов, имеющих слабые прочностные характеристики, продолжается только в тех местах Предалтая, где существуют общие проблемы с сырьевыми минеральными ресурсами, прежде всего в отрогах Салаирского хребта (Верхнее и Среднее Причумышье). С другой стороны, территории Предалтая, имеющие однородные минеральные ресурсы (прежде всего Горная Шория) не демонстрируют смены сырьевых предпочтений, и в мустьерских культурных слоях, и в более поздних верхнепалеолитических горизонтах используется одно сырье. Вместе с тем в указанных регионах отмечается увеличение количества привозного камня, имеющего более высокое качество, т.е. потребность пластинчатого призматического расщепления все равно удовлетворяется, хотя и в меньшем объеме.

В индустрии расцвета верхнепалеолитического времени (развитом верхнем палеолите) мы уже не фиксируем наличия мустьерских технологий утилизации сырья, хотя некоторые традиции продолжают сохраняться. Это и неудивительно, так как они в наибольшей степени были адаптированы к региональным особенностям имеющихся ресурсов. Подобные «рудименты» ни в коей степени не свидетельствуют ни о примитивности, ни об отсталости уровня развития камнеобработки в регионе, а лишь документируют максимальное использование всех ресурсов, имеющихся на кормовой территории верхнепалеолитических племен.

Отмеченное нами ранее появление инородных «мальгинских» традиций камнеобработки (Кунгуров А.Л., 1996; Барышников Г.Я., Кунгуров А.Л. и др., 2005, с. 50) привнесло в картину СИГ эпохи развитого верхнего палеолита новые элементы. Они вполне вписываются в обобщенную характеристику технологии утилизации сырья, однако имеют вполне конкретную специфику, заключающуюся в использовании техники «карене» и модернизированного радиального расщепления, которое в автохтонных индустриях Предалтая исчезло почти полностью. Таким образом, появляются еще две цепочки СИГ, не имеющие местного эволюционного «прошлого»:

нуклеус (кареноидный) – пластина – орудие с выемками;
валун – радиальный нуклеус – пластинчатая заготовка – орудие (скорняжное, скобель).

Эти СИГ не просуществовали достаточно долгое время, постепенно растворившись в местных традициях, что свидетельствует не только о проникновении небольших групп населения из восточных районов Сибири, но и о недостаточном соответствии отмеченных технологий первичной утилизации местным сырьевым ресурсам. В позднелептостеинских индустриях Предалтая нет никаких свидетельств сохранения этих традиций камнеобработки. Имеющиеся нуклеусы с радиальным принципом получения заготовки в куюмской и нижнекатунской культурах долины р. Катунь принципиально иные по стратегии утилизации, ориентированной на получение «непластинчатой» заготовки (Кунгуров А.Л., 1991а, с. 63). Некоторые элементы привнесенных инноваций закрепились только в орудийном наборе и технике вторичной обработки горношорских индустрий (Кунгуров А.Л., 1993б, с. 22–24; 1987, с. 52–70).

СИГ позднелептостеинского времени региона чрезвычайно интересны с позиций их структуры и выявления не зафиксированных при исследовании более ранних периодов технологий первичного расщепления камня. В куюмской культуре присутствует устойчивая цепочка СИГ:

валун (галечный нуклеус) – непластинчатая заготовка – скребло;
валун (заготовка) – унифас – рубящее, скобящее, скребущее орудие.

Ничего подобного в предшествующие периоды развития верхнего палеолита не отмечено. Мало того, галечные традиции очень слабо представлены и в позднемустьевских индустриальных ансамблях Предалтая, за исключением комплекса стоянки Одинцовка-4 (Лапшин Б.И., 1982, с. 20–25; Кунгуров А.Л., 1984, с. 22). Этот памятник, представленный только сборами с галечных осыпей в месте слияния Бии и Катунь, стоит особняком среди палеолитических стоянок Предалтая. Выявление модернизированных галечных традиций, теснейшим образом переплетенных с позднелептостеинскими, в куюмской каменной индустрии наводит на мысль о том, что существовал пока неизвестный, но выразительный комплекс позднемустьевского времени – начала верхнего палеолита, связанный своим происхождением с архаичной технологией расщепления. Эта технология, которую, вслед за среднеазиатскими исследователями и З.А. Абрамовой, можно предварительно именовать «мустье-соан» (Палеолит СССР, 1984, с. 146), основана на унифасиальной стратегии утилизации валунов и галек с максимальным использованием их естественной формы. На территории Предалтая, кроме материалов Одинцовки-4, есть еще один памятник с подобным своеобразным комплексом расщепления и оформления орудий труда – грот Малый Иконостас в среднем течении Бии (Кунгуров А.Л., 1993а). Достаточно уверенно и убедительно интерпретировать и датировать отмеченные местонахождения, несмотря на их «относительную» стратифицированность, нет никакой возможности. Тем не менее наличие выразительных галечных форм в сочетании с характерной леваллуазской техникой расщепления, представленной как нуклеусами, так и продуктами расщепления, позволяет очень осторожно назвать Одинцовку-4 и Малый Иконостас возможными истоками своеобразной куюмской традиции.

Вторая цепочка СИГ куюмской культуры традиционна для призматического торцово-клиновидного расщепления: *нуклеус – пластина-заготовка – составное орудие*. Эта цепочка СИГ является вершиной эволюции технологии получения призматической пластины в верхнем палеолите Предалтая, наилучшим образом соответствующая и сырьевым ресурсам, и потребностям производительных сил. Следует отметить то, что торцово-клиновидное призматическое расщепление присутствует в развитых формах и в нижнекатунской, и в

ушлепской позднепалеолитических культурах, а также в синхронных материалах Горного Алтая, наряду с четким проявлением дуальности этих индустриальных комплексов. В нижнекатунской культуре призматическая СИГ сочетается с цепочкой плоскостного расщепления и технологией изготовления модернизированных бифасиальных орудий:

валун (заготовка) – бифас – рубящее, режущее, скребущее, скобящее орудие;

нуклеус (плоскостной) – непластинчатая заготовка – скребущее, режущее, скобящее орудие.

Наиболее вероятны истоки этой традиции в леваллуазском индустриальном комплексе и наследующей соответствующие рудименты и архаичные приемы утилизации р.в.п. традиции и технологии развитого верхнего палеолита. На наш взгляд, нижнекатунская культура является продуктом эволюции *автохтонных традиций* утилизации, вторичной обработки и орудийного набора индустриальных ансамблей. При этом влияние «мальтинского» элемента на облик нижнекатунского орудийного набора не прослеживается. Продолжает существовать нижнекатунская структура СИГ и на поздних этапах развития культуры, представленных материалами стоянок Майма и Красная Гора (Лапшин Б.И., Кадиков Б.Х., 1981; Кунгуров А.Л., 1991б, с. 80–82). Основное отличие этих комплексов заключается в увеличении доли призматического расщепления и в появлении группы «труднотипологизируемых» комбинированных орудий. Именно эта черта (появление индустриального «экспериментаторства» в оформлении орудий) характерна для переходных периодов между эпохами, в данном случае между палеолитом и мезолитом.

СИГ ушлепской культуры позднепалеолитического времени содержат несколько иные индустриальные цепочки, не позволяющие называть характер утилизации сырья и соответствующий орудийный набор дуальным:

валун (заготовка) – бифас – рубящее, скребущее, скобящее орудие;

валун (заготовка) – унифас – рубящее орудие;

нуклеус (плоскостной) – пластинчатая заготовка – скобящее, скребущее, режущее орудие;

нуклеус (торцово-призматический) – пластина – составное орудие.

Подобная структура, на наш взгляд, сложилась в процессе слияния «мальтинской» и автохтонной традиции и создала своеобразие индустриального ансамбля горношорской индустрии.

Мезолитические СИГ резко отличаются по структуре от предшествующей верхнепалеолитической эпохи. Прежде всего совершенно исчезает их дуальность (мезолитические индустрии Горной Шории нам пока в достаточной степени неизвестны, поэтому сравнивать известные мезолитические материалы с ними некорректно). Практически единственной устойчивой СИГ остается торцово-призматическая: *нуклеус – призматическая пластина – составное орудие*. Специализированных технологий получения заготовок для других типов и категорий изделий нет. Полностью исчезают сопряженные группы скребел, разнообразных рубящих орудий (бифасов и унифасов), других инструментальных групп. Все непластинчатые орудия (преимущественно скребки, скобели, остря) мастера камнеобработки оформляют из отходов производства призматического расщепления. Вместе с тем наибольшее технологическое сходство в технике утилизации сырья мезолитические комплексы имеют с нижнекатунской культурой (включая слабопредставленную бифасиальную традицию обработки единичных долотовидных инструментов и наконечников стрел и дротиков).

Особняком на фоне достаточно многочисленных мезолитических комплексов Предалтая стоит индустрия, которую автор назвал традицией «нижнебийского типа» (Бийская стоянка, Одинцовка-1–3, Прогресс и др.) (Кунгуров А.Л., 1999, с. 144–145; 2000,

с. 246–252). Материалы этих слабоизученных памятников имеют «отщепово-галечный» характер с использованием галечных микроформ. Стратиграфические условия залегания культурных слоев свидетельствуют об их раннеголоценовом возрасте, синхронном мезолиту Предалтая. Одно время автор считал одним из показательных и базовых памятников «нижнебийского типа» Нижнеенисейскую стоянку, однако ее раскопки Н.Ю. Кунгуровой документировали неолитический характер комплекса. Не исключено и то, что другие стоянки со сходной отщепово-галечной индустрией являются разнофациальными неолитическими объектами.

Библиографический список

Барышников Г.Я., Кунгуров А.Л., Маркин М.М., Семибратов В.П. Палеолит Горной Шории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 280 с.

Деревянко А.П. Переход от среднего к позднему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. №3. С. 70–103.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П. Характер перехода от мустье к позднему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №2. С. 33–51.

Кунгуров А.Л. К вопросу о датировке палеолитических местонахождений у с. Одинцовка // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1984. С. 20–25.

Кунгуров А.Л. Палеолит Солтона // Северная Азия в эпоху камня. Новосибирск: Изд-во ИИФиФ, 1987. С. 52–70.

Кунгуров А.Л. Относительная хронология палеолитических памятников бассейна Средней Катунь // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991а. С. 50–63.

Кунгуров А.Л. Позднепалеолитическая стоянка Красная Гора // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: Б.и., 1991б. С. 80–82.

Кунгуров А.Л. Культуры палеолита-мезолита Северного Алтая // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993а. С. 22–24.

Кунгуров А.Л. Палеолит и мезолит Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993б. 89 с.

Кунгуров А.Л. Мальтинский культурный слой поселения Ушлеп-6 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. Вып. VII. С. 45–50.

Кунгуров А.Л. Нижнеенисейская стоянка на р. Бия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. Т. V. С. 140–145.

Кунгуров А.Л. Бийская палеолитическая стоянка (по архивным материалам С.М. Сергеева) // Алтайский сборник. Барнаул: Алт. полигр. комб., 2000. Вып. XX. С. 246–252.

Кунгуров А.Л. Каменный век Рудного Алтая. Ч. 1: Палеолитические памятники. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002а. 176 с.

Кунгуров А.Л. Предварительные итоги изучения каменоломни-мастерской Давыдовка-1 (Рудный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002б. Т. VII. С. 98–102.

Лапшин Б.И. Каменные орудия из района слияния Бии и Катунь // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 14–23.

Лапшин Б.И., Кадиков Б.Х. Позднепалеолитическая стоянка у с. Майма в Горном Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск: Наука, 1981. С. 9–21.

Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: Росмэн, 1999. 120 с.

Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М.: Росмэн, 2004. 958 с.

Окладников А.П., Адаменко О.М. Первая находка леваллуа-мустьерской пластины в среднеплейстоценовых отложениях Сибири // Четвертичный период Сибири. М.: Наука, 1966. С. 373–382.

Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. 384 с. (Археология СССР).

Цейтлин С.М. Геология палеолитического местонахождения Бобково (результаты полевых исследований) // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1974. №41. С. 157–159.

Цейтлин С.М. Геология палеолита Северной Азии. М.: Наука, 1979. 284 с.

**Ю.Ф. Кирюшин, П.В. Волков,
К.Ю. Кирюшин, В.П. Семибратов**

*Алтайский государственный университет, Барнаул;
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск*

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ РАЗДЕЛЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА АЛТАЯ*

В современной научной литературе нет единых критериев разделения неолита и энеолита. По мнению большинства исследователей, неолит оканчивается с появлением меди вне зависимости от степени ее применения, наличие даже единичных медных предметов позволяет считать культуры энеолитическими (Ошибкина С.В., 1996, с. 6; Массон В.М., Мунчаев Р.М., 1977, с. 10; Чайлд Г., 1952, с. 40; Фосс М.Е., 1949, с. 34). Ряд других специалистов к неолиту относят культуры, в которых медно-бронзовые орудия еще не начинают и не образуют типологических рядов местных форм, но могут оказаться в качестве вещей или в виде местных подражаний таким вещам (Брюсов А.Я., 1947, с. 15; 1952, с. 5). Третьи предлагают считать неолитическими культуры, в инвентаре которых на фоне господства кремневой индустрии зафиксировано спорадическое появление меди в форме украшений и колюще-режущих орудий, а энеолитическими те, которым присуще широкое внедрение металла в производство и прежде всего появление орудий и оружия ударного действия (Рындина Н.В., 1978, с. 80; Мерперт Н.Я., 1981, с. 13).

В.М. Массон (1982, с. 6) во введении к тому «Энеолит СССР» пишет: «Однако следует иметь в виду, что в руки исследователей попадает лишь определенная выборка древних изделий, состав которой во многом обусловлен источником информации. Так, при раскопках могил это будут в первую очередь украшения; крупные металлические изделия неизменно шли в переплавку и лишь в редких случаях попадали в состав культурного слоя, обычно представляющего собой по существу бытовой мусор». Он также отмечает, что одним из косвенных показателей широкого внедрения в хозяйство медных изделий является определенная деградация кремневого инвентаря, проявляющаяся в небрежности техники расщепления, резком сокращении тщательно оформляемых ретушью изделий, в сокращении или исчезновении ряда категорий, в частности геометрических микролитов. В целом мы согласны с данным положением, хотелось бы только отметить, что термин «небрежность техники расщепления» нуждается в уточнении. Не совсем ясно, с чем связана «небрежность техники расщепления», с утратой навыков расщепления камня в обществе или с какими-то другими причинами.

Эту проблему мы хотели бы разобрать на примере материалов неолита-энеолита поселения Тыткескень-2, которое находится на второй левобережной надпойменной террасе Катуня, на правом берегу ручья Тыткескень, в его предустьевой части. Стационарными раскопами под руководством Ю.Ф. Кирюшина с 1988 по 1994 г. вскрыто более 1100 кв. м (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993, с. 25). Поселение является многослойным памятником, культурные горизонты которого разделяются стерильными прослойками, состоящими из светлого песка золотого происхождения (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2002, с. 88; Кирюшин К.Ю., 2004, с. 4, 10–11).

К финальному неолиту относится долговременное жилище №2 четвертого горизонта. Внутри и около него сделаны многочисленные находки. Его котлован, размерами 21х16 м, хорошо прослеживается с глубины 0,45–0,5 и до 0,6–0,65 м. Внутри и снаружи по конту-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №05-01-01390а).

ру жилища прослеживались столбовые ямки диаметром 0,2–0,4 м и глубиной 0,2–0,4 м. Внутри жилища прослежены выложенные из мелких камней очаги со следами золы и прокала. Расчищена производственная площадка для изготовления каменных орудий. Там обнаружены большие плоские камни-«наковальни», вокруг которых лежали отбойники, нуклеусы, заготовки, отходы производства и готовые орудия.

К третьему горизонту относятся долговременное жилище (№1), врезанное в более ранний неолитический слой, и легкие наземные жилища (к югу от долговременного), перекрывающие жилище четвертого горизонта (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993). В результате того, что жилище врезано в более ранний слой, произошло механическое смешение разновременных материалов. находка металлического шила в жилище №1 третьего горизонта позволила отнести материалы данного комплекса к эпохе энеолита (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993, с. 25). Вскрытая площадь третьего горизонта более 1100 кв. м и нельзя исключать, что данная находка могла не попасть в зону раскопа при меньшей вскрытой площади.

При анализе нуклеусов данного комплекса бросается в глаза наличие крупных нуклеусов высотой более 6 см (табл. 1). По нашему мнению, абсолютные, метрические показатели нуклеусов дают важную информацию для определения хронологии и периодизации данного комплекса. Для решения поставленной задачи наиболее интересны несколько нуклеусов.

Таблица 1

Размеры нуклеусов поселения Тьткескень-2

Размеры нуклеусов (высота в см)	Горизонты и комплексы (кол-во в шт.)								Итого
	8	7	6	5А	4-А	4	3 (жил1)	3	
От 1,5 до 2	1		7		1	1			10
От 2 до 2,5			16	4	2	1			23
От 2,5 до 3	12	6	17	2	7	3			47
От 3 до 3,5	15	6	23	3	5	6	6	1	65
От 3,5 до 4	6	2	16	4	11	4	1		44
От 4 до 4,5	1	4	3		4	3	5		20
От 4,5 до 5	2	1		2	1		8	2	16
От 5 до 5,5						2		2	4
От 5,5 до 6					1		1		2
От 6 до 6,5							2	3	5
От 6,5 до 7					1				1
От 8 до 8,5							1		1
От 8,5 до 9							1		1
Итого:	37	19	82	15	33	20	25	8	239

Размеры нуклеусов (высота в см)	Горизонты и комплексы (кол-во в %)							
	8	7	6	5А	4-А	4	3 (жил1)	3
От 1,5 до 2	2,70	0,00	8,54	0,00	3,03	5,00	0,00	0,00
От 2 до 2,5	0,00	0,00	19,51	26,67	6,06	5,00	0,00	0,00
От 2,5 до 3	32,43	31,58	20,73	13,33	21,21	15,00	0,00	0,00
От 3 до 3,5	40,54	31,58	28,05	20,00	15,15	30,00	24,00	12,50
От 3,5 до 4	16,22	10,53	19,51	26,67	33,33	20,00	4,00	0,00
От 4 до 4,5	2,70	21,05	3,66	0,00	12,12	15,00	20,00	0,00
От 4,5 до 5	5,41	5,26	0,00	13,33	3,03	0,00	32,00	25,00
От 5 до 5,5	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	10,00	0,00	25,00
От 5,5 до 6	0,00	0,00	0,00	0,00	3,03	0,00	4,00	0,00

Размеры нуклеусов (высота в см)	Горизонты и комплексы (кол-во в %)							
	8	7	6	5А	4-А	4	3 (жил I)	3
От 6 до 6,5	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	8,00	37,50
От 6,5 до 7	0,00	0,00	0,00	0,00	3,03	0,00	0,00	0,00
От 8 до 8,5	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	4,00	0,00
От 8,5 до 9	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	4,00	0,00
Итого:	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

1. Призматический, двухплощадочный, с замкнутой поверхностью скальвания. Данный нуклеус имеет две противоположные, округлые по контуру, выпуклые, горизонтальные площадки (рис. 1.-1). У изделия обе площадки подработаны по периметру мелкими продольно-поперечными сколами. Фронт снятия замкнут по периметру площадки, снятие производилось с разных площадок попеременно. Фронт скальвания выпуклый, подпрямоугольный по контуру. Обращают на себя внимание крупные размеры нуклеуса (высота 8,9 см). На фронте имеются многочисленные заломы, негативы снятий неаккуратные и непараллельные.

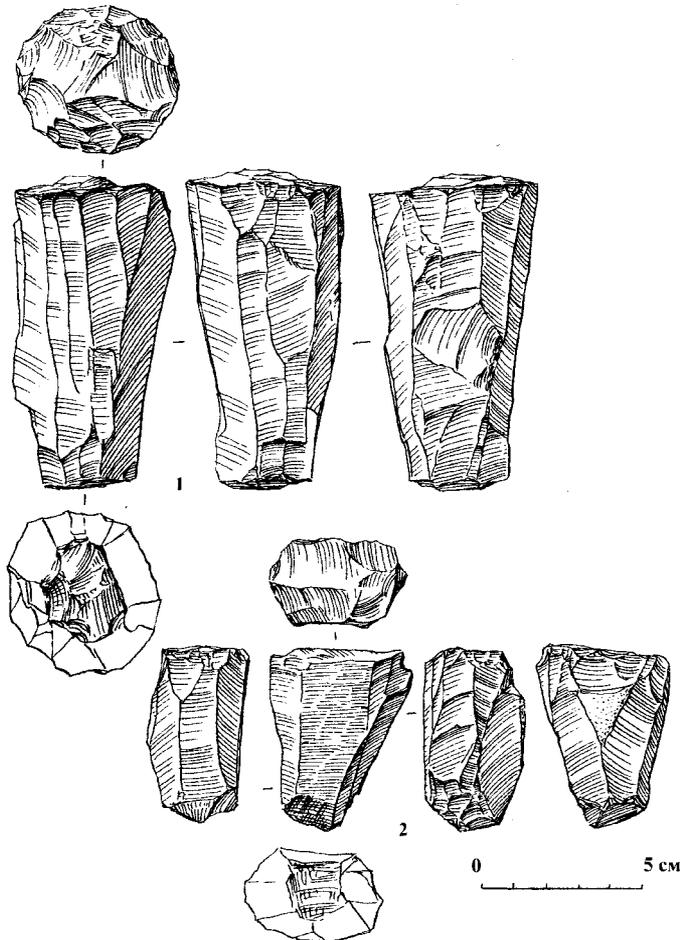

Рис. 1. Нуклеусы третьего горизонта (жилище №1) поселения Тыткескен.

2. Призматический, двухплощадочный, с полуконцентрической поверхностью скалывания, которая составляет s площадки и не замкнута по периметру (рис. 2.-2). У этого нуклеуса одна площадка округлая по форме, косая, горизонтальная, другая полуовальная по форме, косая, латеральноскошенная. Фронт скалывания выпуклый, подпрямоугольный по контуру. Нуклеус крупных размеров (высота 6,6 см). На фронте имеются заломы, негативы снятий неаккуратные и непараллельные.

3. Призматический, двухплощадочный, однофронтальный (рис. 2.-1), высота которого составляет 6,5 см. Одна ударная площадка подпрямоугольной формы, прямая, горизонтальная, подработана мелкими продольнопоперечными сколами. Другая овальной формы, косая, латеральноскошенная, выполнена крупным продольным сколом и подработана несколькими поперечными. Снятие производилось с разных площадок попеременно. Фронт подпрямоугольный по контуру, плоский по рельефу со стороны одной из площадок, плоский с другой. Фронт заходит на одну из латералей. На фронте имеются заломы, негативы снятий неаккуратные и непараллельные.

Технологический анализ описанных изделий показал, что снятие пластин с них осуществлялось посредством удара, который наносился опосредованно через посредник, сделанный из более мягкого материала, чем кремь, из которого изготовлен нуклеус. Такой посредник мог быть сделан из кости или рога.

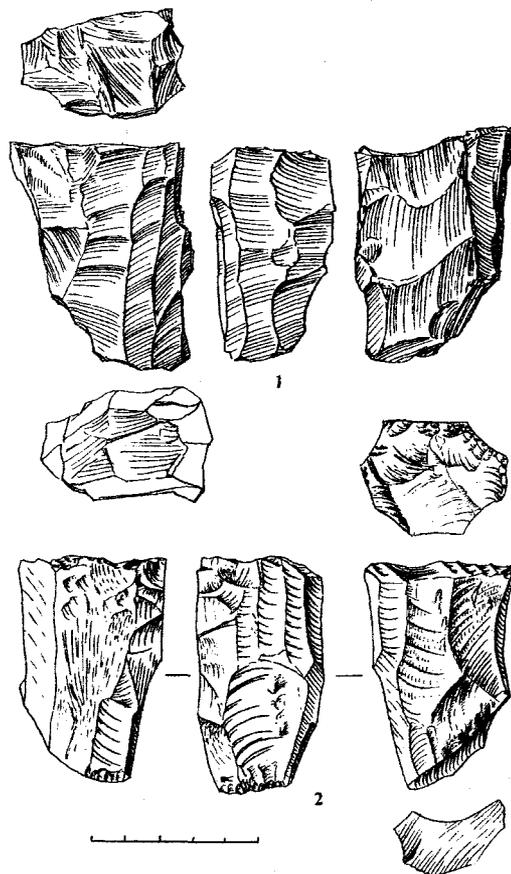

Рис. 2. Нуклеусы третьего горизонта (жилище №1) поселения Тьткескень-2

Применение ударных техник имеет ряд недостатков. Ограниченная возможность управления плоскостью расщепления при ударных техниках приводит к формированию нерегулярного рельефа поверхности скалывания нуклеусов и, следовательно, к меньшей, чем при отжиме, стандартизации заготовок – сколов, к вариабельности в очертаниях и оформлении спинки пластин. Кроме того, «ударные техники скола не обеспечивают достаточного контроля длины и толщины снятия. В результате на поверхности скалывания возникают заломы, сравнительная неровность граней, что приводит к нарушению регулярности рельефа поверхности скалывания и, следовательно, отражается на морфологии заготовок (рис. 3).

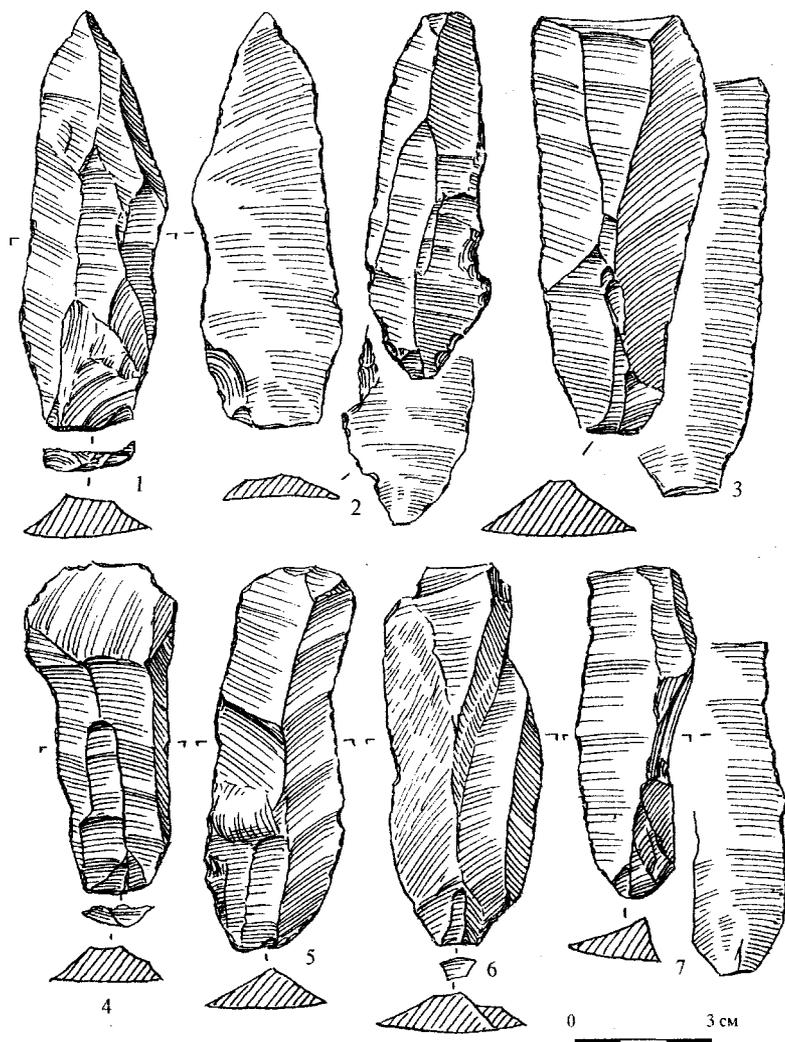

Рис. 3. Пластины третьего горизонта (жилище №1) поселения Тыткескень-2

Еще у трех нуклеусов средних размеров имеются заломы на поверхностях скалывания, наблюдается неровность граней и нарушение регулярности рельефа поверхности скалывания (рис. 1.-2).

П.В. Волков и Е.Ю. Гирия (1990) связывают появление крупных пластин и орудий на них в эпоху энеолита с появившейся конкуренцией орудий из металла, все шире внедряющейся во все сферы производственной деятельности.

В неолитических слоях поселения Тыткескень-2 от раннего неолита до позднего неолита (7-4А – горизонты) техники расщепления, основанные на использовании удара, применялись только на этапе оформления преформы и пренуклеуса, при снятии пластинчатых отщепов и реберчатых сколов. На стадии получения пластин использовались отжимные технологии с помощью мускульной силы или веса человека. С 8 по 4А горизонт крупные пластины единичны и их количество колеблется от 0,46 до 2,28%, а крупные нуклеусы вообще отсутствуют. В материалах четвертого горизонта отсутствуют крупные нуклеусы (табл. 1), но зато появляются реберчатые сколы (рис. 4.-1, 2) длиной до 11 см и в большом количестве встречены пластинчатые отщепы крупного размера, крупные пластины (рис. 4.-3-5) составляют 11,13% от общего количества пластин. Признаков деградации призматической техники расщепления в материалах четвертого горизонта не отмечено, наоборот, можно сделать вывод, что именно в этот период она достигает своего пика. Все это позволило отнести материалы четвертого горизонта к финальному неолиту.

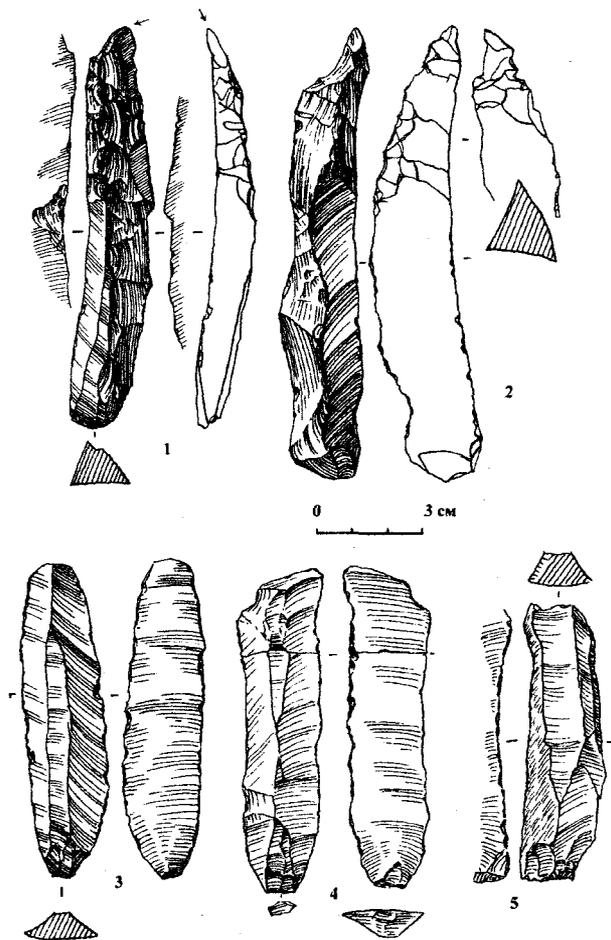

Рис. 4. Реберчатые сколы (1, 2) и пластины (3-5) четвертого горизонта поселения Тыткескень-2

По нашему мнению, отмеченная В.М. Массоном небрежность в технике расщепления в энеолите связана с переходом от отжимной техники скалывания пластин к ударной. Применение ударных техник имеет ряд недостатков. Так ограниченная возможность управления плоскостью расщепления при ударных техниках приводит к формированию нерегулярного рельефа поверхности скалывания нуклеусов и, следовательно, к меньшей, чем при отжиме, стандартизации заготовок – сколов, к вариабельности в очертаниях и оформлении спинки пластин. Кроме того, ударные техники скола не обеспечивают достаточного контроля длины и толщины снятия. В результате на поверхности скалывания возникают заломы, сравнительная неровность граней, что приводит к нарушению регулярности рельефа поверхности скалывания и, следовательно, отражается на морфологии заготовок (Волков П.В., Гирия Е.Ю., 1990, с. 42–43).

Изменения в технике расщепления, по нашему мнению, носят объективный характер, отражающий эпохальные изменения, связанные с появлением орудий из металла. На примере памятника Тыткескень-2 мы можем говорить о том, что одним из критериев для отнесения поселенческих комплексов к эпохе энеолита является наличие крупных нуклеусов (высота свыше 6 см), с которых пластины (длиной свыше 6–7 см, а шириной больше 1,5–2 см) сняты посредством удара через посредник из рога или кости. При обилии высококачественного каменного сырья процесс вытеснения каменных орудий металлическими занял достаточно продолжительный отрезок времени (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2005).

В материалах жилища №1 третьего горизонта прослеживается сокращение в составе орудийного набора резцов, острий и проколов, а среди коллекций легких жилищ эти категории и вовсе отсутствуют.

На границе заполнения жилища №1 третьего горизонта и слоя слабогумусированной супеси был собран материал, который получил обозначение – комплекс 5А. Выделенный комплекс содержит материалы, образовавшиеся в результате механического смешения артефактов развитого неолита, залегающих в слое слабогумусированной супеси и большемысских, из жилища №1, которые относятся к эпохе энеолита (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993, с. 25; Кирюшин К.Ю., 2004, с. 11). К материалам комплекса 5А относится сланцевая плитка с прорезанным орнаментом (рис. 5.-1).

Поверхность плитки, на которой выполнен орнамент, подшлифована. В некоторых случаях линии, образовавшиеся в процессе шлифовки, и линии, образованные в результате нанесения орнамента, визуально неразличимы. Плитка с орнаментом была подвергнута трасологическому анализу, в результате которого установлено, что линии, образовавшиеся в процессе шлифовки поверхности, имеют в профильном сечении желобообразную форму со сглаженным дном и бортами (рис. 5.-1Б). Линии, образованные как следствие прорезки острым, предположительно металлическим, предметом, образуют царапины, имеющие остросужающее дно и угловатое сопряжение стенки желоба и поверхности камня (рис. 5.-1В). Отчетливая дифференциация по указанным выше признакам позволяет легко отличить линейные следы, образовавшиеся в процессе шлифовки поверхности, от следов орнамента. На прилагаемой схеме (рис. 5.-1А) отмечены линии, непосредственно создающие орнамент (технологические следы шлифовки не указаны). С большой долей вероятности можно утверждать, что орнамент на плитке прорезан металлическим ножом. Таким образом, можно с большой степенью достоверности считать, что данный артефакт относится к большемысскому комплексу и его попадание в более ранний слой связано с механическим перемещением.

Летом 2005 г. начались раскопки в Тавдинском гроте. В ходе работ выявлен комплекс, относящийся к позднему этапу среднекатунской культуры (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., 2005). В этом же слое встречено два изделия из рога (рис. 5.-3–4). На

поверхности первого артефакта (рис. 5.-3) отмечены следы продольного формообразующего строгания изделия, предположительно металлическим ножом. На поверхности второго (рис. 5.-4) артефакта прослеживаются следы интенсивного заглаживания изделия руками человека в древности, а также фрагментарные следы продольного строгания изделия для корректировки его формы. На широкой части артефакта зафиксированы следы поперечной резки металлическим ножом, вероятно, с целью подготовки изделия к излому.

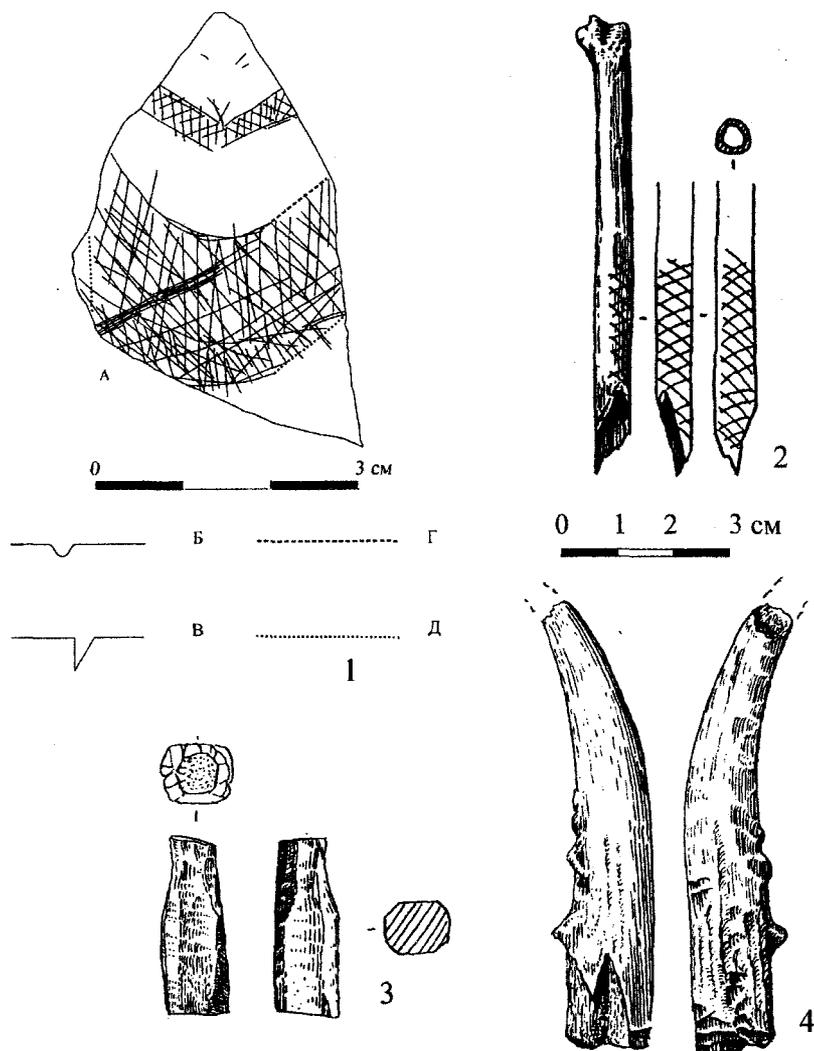

Рис. 5. 1 – поселение Тыгкескень-2, 2 – грунтовый могильник Новоалтайск-Развилка, 3-4 – Тавдинский грот (1 – сланец, 2 – кость, 3-4 – рог)

Использование металлических орудий населением среднекатунской культуры зафиксировано трасологическим методом на обоих артефактах. Этот вывод подтверждает находка медного шила в одном слое с материалами среднекатунской культуры.

В археологической литературе начало металлургии меди в Западной Сибири традиционно связывали с появлением на Алтае населения афанасьевской культуры в конце IV тыс. до н.э. Находка медного шила вместе с каменными изделиями и керамикой среднекатунской культуры заставляет вновь обратиться к проблеме нижней границы освоения металлургии меди. Не исключено, что начальные этапы освоения металлургии меди относятся к середине IV тыс. до н.э. и связаны с носителями среднекатунской культуры. Находка медного шила в материалах Тавдинского грота отчасти объясняется удачей (вскрытая площадь 8 кв. м), но мы склонны считать, что этот памятник использовался как культовое место (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., 2005) и часть найденных артефактов специально оставлялась в гроте как подношение духам. Один из авторов статьи уже отмечал, что едва ли в районах, где не было своих медных источников, могли выбросить испорченное крупное орудие или оружие, потерять его или даже положить в могилу. Такие вещи, скорее всего, использовались для изготовления новых изделий (Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 13). По нашему мнению, находка медного шила является своего рода исключением, которое только подтверждает правило. Видимо, на позднем этапе население среднекатунской культуры использует металлические орудия.

Летом 2005 г. во время раскопок грунтового могильника Новоалтайск-Развилка в погребении №2 найден игольник, изготовленный из лучевой кости птицы (размером с крупную утку) и украшенный орнаментом из прорезанных линий, образующих «сеточку» (рис. 5.-2). Трасологический анализ прорезанных линий выявил следы работы металлического ножа, который использовался в качестве резчика. Некоторые линии проработаны неоднократно. На изделии отмечены следы продольного строгания (вдоль продольной оси) и поперечной подшлифовки на мелкозернистом абразиве. Наиболее близкими аналогами находке являются изделия из неолитических погребений Ангары (Окладников А.П., 1974), но ангарские образцы отличаются более крупными размерами. В.И. Молодин (1999, с. 46) отмечает, что костяные игольники характерны для неолитических захоронений таежной зоны Евразии, продолжают бытовать в период энеолита и раннего металла и при этом имеют тенденцию к уменьшению в размерах и оформлению орнаментом. Указанные В.И. Молодиным тенденции полностью совпадают с результатами трасологического анализа изделия.

Кроме игольника, при расчистке погребения было найдено каменное шлифованное долото, подвеска из нижнего клыка барсука, кость птицы, скопление из двух костей птицы, локтевой кости косули (нижний фрагмент) и крестца мелкого хищника, четыре резца бобра, два прямоугольника, выполненные из створок крупных речных или озерных моллюсков, четыре каменных отщела, реберчатый скол и кусочки охры (Кирюшин К.Ю., Волков П.В., Пугачев Д.А., Семибратов В.П., 2006).

Обнаруженное погребение относится к группе наиболее ранних на территории Алтая, таким как Фирсово-ХI, Усть-Иша, Большой Мыс, Солонцы-5, НТП-1, Каминная пещера (Кунгурова Н.Ю., 2005, с. 57). Полученная по костям человека из погребения №2 радиоуглеродная дата 5000 ± 150 тыс. лет назад (Le-7425) позволяет сделать вывод, что в рамках этой группы памятник Новоалтайск-Развилка является наиболее поздним.

Вопросы периодизации этих памятников являются дискуссионными. Большинство исследователей отнесли памятники Усть-Иша, Большой Мыс, Солонцы-5 к неолиту (Матющенко В.И., 1973; Окладников А.П., Молодин В.И., 1978; Кунгурова Н.Ю., 2003). Ю.Ф. Кирюшин могильник Большой Мыс и восемь погребений грунтового могильника Фирсово-ХI отнес к эпохе энеолита (Кирюшин Ю.Ф., 1986; Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., Нехвидавичюс Г.Л., 1994), а Усть-Ишу – к неолиту.

Зафиксированные следы использования металлического ножа в качестве резчика для нанесения орнамента позволяют нам уверенно отнести артефакт и все погребение к эпохе

энеолита. Благодаря трасологическим исследованиям у нас появились объективные данные, позволяющие уверенно отнести погребальный комплекс к эпохе энеолита.

Как уже отмечалось, в современной научной литературе нет единых критериев разделения неолита и энеолита. Мы поддерживаем мнение исследователей, считающих, что неолит оканчивается с появлением металлических (медных) изделий вне зависимости от степени их применения (для орудий) или форм использования (для украшений) (Ошибкина С.В., 1996, с. 6; Массон В.М., Мунчаев Р.М., 1977, с. 10; Чайлд Г., 1952, с. 40; Фосс М.Е., 1949, с. 34). Отсутствие в поселенческих и погребальных комплексах металлических орудий не должно означать автоматического отнесения их к неолиту. Изменения в составе каменных орудий вместе с увеличением размеров отдельных артефактов (нуклеусов и пластин), а также изменением их морфологии (заломы, нерегулярность негативов снятий и т.д.) уже являются основанием для постановки вопроса об их принадлежности к энеолиту. Если эти процессы сопровождаются исчезновением некоторых категорий инвентаря (геометрических микролитов, резцов, резчиков, шильев и проколов), комплексы следует считать энеолитическими. Основанием для отнесения комплексов к энеолиту могут также служить следы использования металлических орудий, зафиксированные трасологическим путем на отдельных артефактах.

Библиографический список

- Брюсов А.Я. Белевская неолитическая культура // КСИИМК. М.; Л., 1947. Вып. XVI. С. 15–21.
- Волков П.В., Гиря Е.Ю. Опыт исследования техники скола // Проблемы технологии древних производств. Новосибирск: Полиграф, 1990. С. 38–56.
- Кирюшин К.Ю. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. 23 с.
- Кирюшин К.Ю., Волков П.В., Пугачев Д.А., Семибратов В.П. Грунтовый могильник Новоалтайск-Развилка – памятник энеолита Барнаульского Приобья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2006. Вып. XV. С. 222–228.
- Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Новые находки эпохи позднего неолита на Средней Катуни // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. 1. С. 80–84.
- Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Реконструкция некоторых аспектов хозяйственной деятельности населения поселения Тыткескень-2 // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2005. Вып. 2. С. 3–13.
- Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Исследования Тавдинского грота в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. Т. XI, ч. I. С. 333–339.
- Массон В.М. Постановка вопроса: Понятие «энеолит» // Энеолит СССР. М.: Наука, 1982.
- Массон В.М., Мунчаев Р.М. Энеолит СССР // Новейшие достижения советских археологов. М.: Наука, 1977. С. 10–14.
- Мерперт Н.Я. К вопросу о термине «энеолит» и его критериях // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. С. 4–21.
- Молодых В.И. Неолитическое погребение на озере Иткуль и некоторые соображения по поводу погребальных комплексов данной эпохи в предгорьях и горах Алтая // Проблемы неолита–энеолита юга Западной Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. С. 36–58.
- Рындина Н.В. К проблеме классификационного членения культур медно-бронзовой эпохи // Вестник Московского университета. Серия: История. М., 1978. Вып. 6. С. 74–86.
- Фосс М.Е. О терминах «неолит», «бронза», «культура» // КСИИМК. М.; Л., 1949. Вып. XXIX. С. 33–47.
- Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952.

О СИМВОЛИКЕ ПЕРЕВЕРНУТОГО СОСУДА И ЕГО РОЛИ В АНДРОНОВСКОМ РИТУАЛЕ

Многочисленные археологические памятники андроновской эпохи свидетельствуют о том, что сосуды относились к той категории вещей, которые не только использовались в быту, но и были активно вовлечены в ритуал. В ритуале они в одних случаях сохраняли свою бытовую функцию, например, когда содержали напутственную пищу; в других функционировали в качестве символа, например, когда в погребении или жертвенном комплексе сосуды устанавливались вверх дном. В последнем случае вещь приобретала некий скрытый смысл, выяснение которого представляется весьма сложной задачей.

Вопрос о символике перевернутого сосуда неоднократно рассматривался как в этнографических, так и в археологических исследованиях.

В 1979 г. М.А. Итина обратилась к выяснению символики перевернутых сосудов, относящихся в основном к эпохе бронзы. Ею было предложено несколько возможных толкований данного обряда. Перевернутые горшки в андроновских погребениях Южного Зауралья исследовательница, вслед за К.В. Сальниковым, связала с культом огня или солнца. Находки перевернутых сосудов вблизи водных источников М.А. Итина (1979, с. 15–19) истолковала, опираясь на достаточно отдаленные этнографические аналогии с территории Африки, как проявление близнечного культа.

В 2005 г. гипотеза М.А. Итиной о связи перевернутых сосудов с близнечным культом была использована И.А. Кукушкиным для интерпретации материалов андроновского могильника Лисаковский. Два погребения с перевернутыми сосудами, совершенные в одной ограде, он предложил рассматривать как захоронения близнецов (Кукушкин И.А., 2005, с. 308–311).

На андроновском материале рассматривал вопрос о символике перевернутого вверх дном сосуда Ю.И. Михайлов. Он обратил внимание на те погребения, в которых перевернутые сосуды находились в одном комплексе с сосудами, установленными устьем вверх. Он считает, что подобный способ их размещения передавал образ поднимающихся на поверхность и уходящих под землю вод (Михайлов Ю.И., 2002, с. 90, 239–240).

Автор данной статьи также обращалась к интерпретации андроновских погребальных комплексов, содержащих перевернутые вверх дном сосуды. Мною было высказано предположение, что символику перевернутого сосуда следует рассматривать в более широком контексте символики перевернутой мировой оси. Это был путь, направленный от богов к людям и связанный с ситуацией начала Творения (Хабарова С.В., 2000, с. 217–219). Однако высказанные в этой работе положения требуют, на мой взгляд, дальнейшего уточнения и осмысления.

На широком этнографическом материале рассматривает символику переворачивания посуды Ю.В. Балакин. Он полагает, что переворачивание сосуда входит в ряд ритуальных действий для общения с Нижним миром. Оно символизирует движение вниз по мировой вертикали, но цель его – возрождение к жизни. Кроме того, перевернутый сосуд нейтрализует зло (Балакин Ю.В., 1998, с. 208).

М.Ф. Косарев неоднократно обращался к вопросу о символической функции перевернутых сосудов. В своих выводах он опирался в основном на сибирский этнографический материал. По мнению М.Ф. Косарева (2003, с. 150–151), такое ритуальное действие как «переворачивание» символизировало замену одного пространства другим, это было важным условием попадания в Нижний мир.

Переворачиванию предметов, в том числе и посуды, в погребальном обряде восточных славян посвящена статья Н.И. Толстого. Исследователь считает, что переворачивание предметов есть действие, символизирующее переход из одного состояния в другое и входящее в сферу общения «этого света» с «тем светом». Н.И. Толстой обращает внимание на тот факт, что ритуальное переворачивание имело место не только в погребальном обряде, но также в родильном и свадебном. Кроме того, оно использовалось как средство защиты от нечистой силы и являлось одним из способов лечения ребенка (Толстой Н.И., 1990, с. 119–128).

Символика перевернутого котла в ритуалах тюркских народов Южной Сибири рассматривается в работе Э.Л. Львовой, И.В. Октябрьской, А.М. Сагалаева, М.С. Усмановой. Они считают, что перевернутый котел выступал символом несчастья, хаоса, смерти. Авторы приводят ряд примеров, когда котел использовался для установления связи между мирами (Традиционное мировоззрение..., 1988, с. 144–145).

Даже далеко не полный обзор литературы показывает, насколько неоднозначно решается вопрос о символической функции перевернутого сосуда. Нередко археологические материалы рассматриваются как «немые» свидетели прошлого, за них «говорят» этнографические аналогии. Однако круг этнографических параллелей может быть очень широк, особенно когда речь идет об определении символической функции вещей. Возникает необходимость его ограничить. В некоторых случаях ограничение накладывает сам археологический материал.

В андроновских памятниках имеется ряд ритуальных комплексов, которые представляют собой преднамеренно составленные композиции из костей жертвенных животных и/или вещей, где перевернутый сосуд занимает центральное место. В данном случае сосуд помещен в определенный ритуальный контекст, его позиция далеко не случайна. Наличие такого контекста делает поиск аналогий более целенаправленным и накладывает определенные ограничения в выборе вариантов интерпретации. Обратимся к рассмотрению этих комплексов.

Среди ранних памятников наиболее выразителен ритуальный комплекс Синташтинского могильника (СМ) (Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992, с. 234–235). Жертвенный комплекс I (уч. Б, В/9) находился в яме почти квадратной формы размерами 130x115 см, ориентированной по сторонам света. Вдоль восточной стенки ямы вплотную друг к другу параллельно в ряд были положены пять черепов лошадей. Все черепа установлены на нижние челюсти лицевыми частями к середине ямы (на запад). В юго-восточном углу, рядом с крайним черепом лошади, лежал череп барана. Симметрично им вдоль западной стенки размещались пять черепов, северный череп принадлежал лошади, остальные – безрогим быкам. Черепа также положены на нижние челюсти лицевыми частями к центру ямы (на восток). На лобных костях всех черепов быков имеются пробоины диаметром 2–2,5 см.

В середине южной стенки между черепами стоял вверх дном крупный сосуд. Рядом с сосудом был поставлен вверх затылочной частью череп барана. К северу от сосуда полосой по средней части ямы между черепами лежали в большом количестве кости ног и первые позвонки лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Подобные же кости находились и под лицевыми костями черепов, но в меньшем количестве. Таким образом, поставленный вверх дном сосуд и череп овцы, установленный вверх затылочной частью, представляли собой своеобразный центр композиции, от которого шли три ряда: средний – из костей ног, два по краям – из черепов. В данном комплексе сосуд расположен на средней полосе, что указывает на его связь с символикой центра.

В могильнике Алакуль между погребениями 6 и 9 кургана №8 в толще чернозема располагался жертвенный комплекс (40x35 см) из костей овцы. Там были положены рядами

кости ног нескольких животных копытами к северу. На середину этих костей поставлен вверх дном сосуд, а вокруг него поверх костей ног разложены кругом черепа овец (Сальников К.В., 1952, с. 55). В данном случае композиция также представлена черепами и костями ног домашнего скота и сосудом. Черепа овец выложены кругом, а центром композиции выступает перевернутый сосуд.

В андроновских древностях имеется еще один не менее сложный по композиции ритуальный комплекс, но несколько иного характера. Речь идет о могиле 7 кургана №24 нуртайского могильника Бозенген в Центральном Казахстане (Ткачев А.А., 2002, с. 226). Этот ритуальный комплекс определен А.А. Ткачевым как кенотаф. Могилка располагалась в западной части ограды, представляла собой каменный ящик трапециевидной формы размерами 2,45x1,2–1,5x0,7 м, ориентированный по линии ЮЗ–СВ. На перекрытии стояли три поминальных сосуда и находились кости конечностей крупного рогатого скота. Основные находки были сосредоточены на дне в западной половине ящика, занимая квадрат размером 0,8x0,8 м. В центре квадрата находился установленный вверх дном сосуд. Углы квадрата были образованы четырьмя костяными наконечниками стрел, воткнутыми в дно могилы под углом 45 градусов. Древки наконечников должны были образовывать пирамиду и сходиться над сосудом. Это сооружение было покрыто двумя видами ткани из грубо- и тонковолокнистых нитей. Отдельные куски этих тканей встречены на разных уровнях заполнения могилы. На ткань были нашиты пастовые бусы, образующие concentрические круги. На дне обнаружены в разных местах семь костяных наконечников стрел, подвеска из раковины и кусочек красной охры.

В данном ритуальном комплексе композиция представлена исключительно вещами, расположение которых подчинено определенным принципам. Границы пространства имеют форму квадрата, образованного четырьмя костяными наконечниками стрел, воткнутыми в дно могилы. В центре находится перевернутый сосуд.

Рассмотренные комплексы являются целостными символическими объектами, представляющими собой особым образом организованное пространство. Его границы имеют форму квадрата или круга. Квадрат ориентирован по четырем основным сторонам света. Во всех комплексах четко выделен центр или середина, где помещен перевернутый сосуд. Таким образом, вещи в данном ритуальном контексте служат средством моделирования мира. Особая роль в этой андроновской модели мира, переданной «языком вещей», отводится перевернутому сосуду. Он занимает центральную, наиболее сакральную точку пространства. Из центра начинается Творение мира. Через центр проходит мировая ось, основным назначением которой является организация пространства по вертикали и горизонтали. Следовательно, перевернутый андроновский сосуд, находящийся в центре композиции, наделялся весьма высоким семиотическим статусом.

Данный вывод был получен только на основании археологических наблюдений. Обратимся к этнографическим материалам и данным древних письменных источников, происходящим из этногенетически близкой «андроновцам» иранской и индийской среды. Наибольший интерес представляют те из них, в которых содержится описание изготовления сосудов.

У горных таджиков до относительно недавнего времени изготовление сосудов осуществлялось без применения гончарного круга. Этим занимались только женщины. Изготовление и обжиг сосудов должны были происходить в определенные месяцы и дни года. К месту обжига допускались только ритуально чистые женщины и дети. Первый сосуд ставила старшая женщина или ребенок, причем произносились заклинания, обращенные к духу – покровителю ремесла. В некоторых селениях на почетное место сажали кукол, изображавших покровителей гончаров, с ними разговаривали, а потом хоронили на клад-

бище (Антонова Е.В., 1984, с. 205, прим. 3). Как показывают этнографические данные, технологический процесс и ритуал тесно переплетались и составляли одно целое. Приуроченность их к определенному времени, ограничения в выборе участников, а главное, присутствие духов-покровителей ремесла свидетельствуют о том, что процесс изготовления сосуда был сакрализован и, вероятно, воспроизводил ситуацию Творения. Вещь, причастная к сакральному миру, обладала наивысшим семиотическим статусом.

В Шатапатха-Брахмане дается описание ритуала изготовления сосуда для жертвенного огня – *ukhâ*. Изготавливая основание, жертвователю восклицает: «Ты – Земля!», вылепляя нижнюю часть стенки, обращается к ней как к Воздуху, завершая лепку верхней части, называет ее Небом. После того, как готов весь сосуд, он взывает ко всем богам и извещает, что окончил все стороны света. По поводу этого сосуда в тексте источника также говорится: «[Сосуд] так велик, именно как эти Миры и стороны света, так велик, как все это [мироздание]» (Литвинский Б.А., 1991, с. 70–71). Таким образом, данный древнеиндийский текст свидетельствует о том, что в ходе изготовления сосуда моделировался процесс создания Вселенной как в ее горизонтальной проекции, так и в вертикальной.

Можно предположить, что подобные представления существовали и у андроновского населения. В орнаментации стенок андроновских сосудов достаточно четко выделяются три зоны. В тех случаях, когда орнамент наносился на днище, он, как правило, был представлен четырехчастной композицией или концентрическими окружностями с выделенным центром.

Вероятно, сохранение наиболее архаических представлений и ритуалов именно в технологической сфере далеко не случайно. А.К. Байбурин (1981, с. 221) отмечает, что «...технология сравнительно поздно выделилась в самостоятельную область. До ее выделения технологические процессы входили в общую космологическую схему, являясь как бы своеобразным продолжением операций по символическому созданию и воссозданию вселенной». Сложнее объяснить другой факт: почему центр композиции в андроновских комплексах представлен именно перевернутым сосудом?

Изучая функцию посуды в восточнороманском фольклоре, Т.Н. Свешникова и Т.В. Цивьян показали, что переворачивание пустой и наполненной посуды имеет различное семантическое значение. Пустая посуда заключает в себе особую опасность, и ее переворачивание помогает нейтрализовать зло. Переворачивание наполненного сосуда «...имеет смысл возвращения земле взятого у нее, для того, чтобы снова получить у земли плодородие и богатство». В подтверждение они приводят ряд примет. Например, если прольется ведро с водой прямо у колодца, то будет веселье (Свешникова Т.Н., Цивьян Т.В., 1997, с. 368, 370). Опираясь на данные восточнороманского фольклора, можно предположить, что переворачивание полного сосуда связано с возрождением жизни и земного плодородия.

Мотив переворачивания сосуда, наполненного водой, присутствует и в гимнах Ригведы. Данный мотив связан с различными ведийскими божествами, обитающими на небе. Они подтягивают из колодца или источника и переворачивают небесную бадью, воды из которой текут с небес на землю. Обратимся к рассмотрению этих текстов*.

Прежде всего с небесными водами, выливающимися из перевернутой бадьи, связан Варуна – владыка изначальных космических вод (РВ V. 85. 3): «Варуна вылил бочку с ободком, обращенным вниз, на небо и землю и на промежуточное пространство. Тем самым царь окропляет землю всего мира, подобно тому, как дождь окропляет ячмень». Вытекающие из бадьи и изливающиеся потоками дождя небесные воды связывают все три мира – небо, землю, воздушное пространство – и служат возрождению жизни.

Данный мотив встречается также в гимнах, посвященных другим божествам. Марутам (V. 53. 6): «(Та) бадья неба, которую очень щедрые мужи подтянули для почитающего

* Тексты Ригведы V.53.6 и V.83.8 даны в переводе Т.Я. Елизаренковой по: Ригведа. Мандалы V–VIII, 1999. Остальные переводы – по: Кейпер Ф.Б.Я., 1986, с. 160.

(их), – (из нее) они изливают дождь на два мира. Струи дождя движутся по пустыне»; (I. 85. 11): «Они опрокинули колодец в ту сторону (?) /и/ вылили родник для жаждущего Готамы»; Парджанье (V. 83. 8): «Тяни большую бадью, вылей ее! Пусть потекут освобожденные речушки»; Насатьям (Ашвинам) (I. 116. 9): «Вы, о Насатьи, оттолкнули прочь источник, вы сделали его дно повернутым кверху, а край наклонным».

Гимны Ригведы свидетельствуют о том, что небесные воды, творящие жизнь и проходящие через все три мира, могли выполнять символическую функцию мировой оси, соединяющей все сферы мироздания. Перевернутый сосуд мог выступать символом льющихся вод. По существу небесные воды играют ту же роль, что и мировое дерево.

В индоиранских текстах мировое дерево также нередко предстает перевернутым. Корни такого дерева обращены вверх, в небо, т.е. питаются небесной влагой, а ветви тянутся вниз, к земле. В Ригведе мотив перевернутого дерева (как и перевернутого сосуда) связан с Варуной (I. 24. 7)*: «(В пространстве) без опоры царь Варуна – со светлыми мыслями держит вершину дерева. Вниз (спадают ветви), вверху их основание (корни). Пусть (будут) установлены внутри нас (эти) лучи». Относительно перевода и понимания этого стиха среди исследователей существует много споров. Большинство из них считают, что Варуна держит корни вверх перевернутое космическое дерево (Кейпер Ф.Б.Я., 1986, с. 159; Огибенин Б.Л., 1968, с. 85; Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н., 1997, с. 322).

Традиция изображения космического дерева перевернутым получила дальнейшее развитие в Упанишадах: «Наверху (ее) корень, внизу – ветви, это вечная смоковница. Это чистое, это Брахман, это зовется бессмертным» (Катха-упан. II. 3. 1); «Наверху (ее) корень – трехстопный Брахман, (ее) ветви – пространство, ветер, огонь, вода, земля и прочее. Это Брахман, зовущийся единой смоковницей (Майтри-упан. 6. 1)». В этих философских сочинениях перевернутое дерево, как отмечает М. Элиаде (1999, с. 99–102), символизирует весь Космос.

Представляет интерес и тот факт, что при описании перевернутого мирового дерева особо выделены корни и ветви. Вероятно, для человека мифологического мышления они символически выражали главные ценности – начало (истоки) жизни и ее постоянное обновление (возрождение). В этой картине мира смерть не являлась прекращением существования, она была условием обновления жизни.

Каким бы образом не представлялась мировая ось – в виде космического дерева, укорененного в небе, или в виде вод, льющихся из перевернутого небесного сосуда, она не только соединяла миры, но поддерживала жизнь и способствовала ее постоянному возрождению. Животворная вода, поступающая с небес на землю, в ведийской космологии была связана с изначальными космическими водами, порождающими жизнь, владыкой которых выступал Варуна. Ж. Дюмезиль (1986, с. 55) отмечает: «Варуна соотнесен с гораздо более подвижным и таинственным элементом – водой, в особенности с огромными массами воды, обволакивающими землю; так люди представляли и океан *samudra*, и отягченные мифологией небесные воды, время от времени изливающиеся потоками дождя, и, в более общем плане, космические воды, давшие, по некоторым воззрениям, начало вселенной».

Возвращаясь к материалам андроновских комплексов, где перевернутый сосуд занимает центральное место, можно сделать следующее предположение. Вероятно, в андроновском ритуале действительным объектом поклонения являлся не перевернутый сосуд, а то, что открывалось через этот символ. Это были космические воды, поступающие с небес на землю и обеспечивающие постоянное возрождение жизни.

В качестве рабочей гипотезы можно высказать предположение, что в ходе андроновского ритуала переворачивался сосуд, наполненный водой или каким-то напитком, симво-

* Перевод дан по: Огибенин Б.Л., 1968, с. 85.

лизирующим небесные (космические) воды. Это предположение основывается на гимне Ригvedы (VIII. 72), в котором описывается ритуал приготовления священного напитка сомы и его приношения жрецами-хотарами в огонь. Причем действия жрецов в этом ритуале воспроизводят действия богов по переворачиванию небесной бадьи или источника (VIII. 72. 10)*: «Они (хотары) выливают с поклоном неистощимый источник, движущийся по кругу (?), с дном, обращенным вверх, /и/ краем, перевернутым вниз». Т.Я. Елизаренкова в своем комментарии к этому гимну отмечает, что небесная бадья или источник выступают здесь прообразом чана с соком сомы (Ригведа. Мандалы V–VIII, 1999, с. 717).

Однако в андроновских памятниках не обнаружено прямых свидетельств приготовления и использования в ритуале священного напитка типа индийского сомы или иранского хаомы. Тем не менее возможность существования подобного ритуала в андроновской среде не исключается. Имеются косвенные свидетельства существования культа священного напитка в погребальных памятниках комплекса Синташты, где достаточно часто в одной могиле встречаются каменные плитки или крупные камни с плоским основанием и каменные песты. Исследователи (Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992, с. 140, 153, 214, 234) интерпретируют эти находки как давилые камни для приготовления сомы (основание давилы и пест-толкушка). Ю.И. Михайлов приводит дополнительные аргументы в пользу связи этих находок с культом сомы/хаомы. Он обратил внимание на тот факт, что некоторые из них изготовлены из камня зеленого цвета, что соответствует цвету каменных ступок для приготовления хаомы из Персеполя и облику побегов хвойника (Михайлов Ю.И., 2001, с. 148). Это растение, по мнению И.М. Стеблина-Каменского (1981, с. 239), служило сырьем для приготовления напитка.

Безусловно, сложно ожидать полного повторения ведийского ритуала в андроновской среде. Например, следов использования огня в рассмотренных выше андроновских комплексах, где сосуд занимал центральное место, не зафиксировано. Следовательно, у андроновского населения существовали свои традиции, связанные с почитанием небесных (космических) вод. Можно предложить следующую реконструкцию андроновского обряда. Вероятно, в ритуале воспроизводилось действие космогонического характера, в ходе которого влага (вода, священный напиток), имеющая прообразом небесные (космические) воды, выливалась из опрокинутого сосуда. Тем самым задавался Центр – наиболее сакральная точка пространства. В этот Центр и помещался перевернутый сосуд, как символ льющихся с небес космических вод, связанных с началом Творения.

Андроновский ритуал представлял собой символическую деятельность по созданию организованного пространства. Символом упорядоченного пространства в андроновской модели мира выступали круг и квадрат, в них выделены середина или центр. Через центр проходила мировая ось, организующая пространство по вертикали и горизонтали. Наиболее полный вариант андроновского микрокосма представлен в могильнике Бозенген. Пространство земного мира в этой модели символически выражено квадратом, образованном четырьмя наконечниками стрел. Небесная сфера представлена двойным (?) пологом с узором в виде концентрических окружностей. Центральной осью является перевернутый сосуд.

Таким образом, рассмотренные андроновские комплексы, вероятно, были связаны с почитанием небесных (космических) вод. Андроновский ритуал разворачивался по космогоническому сценарию, в ходе которого символически воссоздавалась Вселенная. Центральное место в андроновском микрокосме отводилось перевернутому сосуду как символу небесных вод. Этот ритуал мог быть направлен на обеспечение плодородия, возрождение жизни, обновление Космоса.

Библиографический список

- Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М.: Наука, 1984. 262 с.
- Байбурин А.К. Семиотический статус вещей и мифология // Сборник МАЭ. Т. XXXVII: Материальная культура и мифология. М., 1981. С. 215–226.

* Перевод дан по книге: Кейпер Ф.Б.Я., 1986, с. 160.

- Балакин Ю.В. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. Новосибирск: Наука, 1998. 288 с.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. 408 с.: ил.
- Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М.: Наука, 1986. 234 с.
- Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. О ведийской загадке типа brahmodya // Из работ московского семиотического круга. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 303–338.
- Итина М.А. Реконструкция некоторых первобытных обрядов методом аналогий // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 15–19.
- Кейпер Ф.Б.Я. Небесная бадья // Труды по ведийской мифологии. М.: Наука, 1986. С. 156–162.
- Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.: ил.
- Кукушкин И.А. Близнечный ритуал в погребальной практике андроновских племен // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 308–311.
- Литвинский Б.А. Семиреченские жертвенники (индоиранские истоки сакского культа огня) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М.: Наука, 1991. С. 66–87.
- Михайлов Ю.И. Мирозрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. 364 с.
- Огибенин Б.Л. Структура мифологических текстов «Ригведы» (ведийская космогония). М., 1968.
- Ригведа. Мандалы V–VIII: Пер. Т.Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1999. 744 с.
- Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // Материалы и исследования по археологии СССР. 1952. №24. С. 51–71.
- Свешникова Т.Н., Цивьян Т.В. К функции посуды в восточнороманском фольклоре // Из работ московского семиотического круга. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 344–375.
- Стеблин-Каменский И.М. Памирские языки о мифологии древних иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). М.: Наука, 1981. С. 238–241.
- Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. Ч. 1. 289 с.
- Толстой Н.И. Переворачивание предметов в славянском погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М.: Наука, 1990. С. 119–128.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. Новосибирск: Наука, 1988. 224 с.
- Упанишады: Пер. с санскрита, иссл., коммент. и прил. А.Я. Сыркина. М.: Восточная литература, 2003. 782 с.
- Хабарова С.В. О семантике перевернутых сосудов в андроновском погребальном обряде // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 217–219.
- Элиаде М. Трактат по истории религии. СПб.: Алтейя, 1999. Т. II. 416 с.

В.Е. Ларичев

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

**РЕКОНСТРУКЦИЯ СИСТЕМ СЧИСЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ
КУЛЬТУРЫ ПЛИТОЧНЫХ МОГИЛ ЗАБАЙКАЛЬЯ
И СЕМАНТИКА ОБРАЗОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ТВОРЧЕСТВА ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА**

**(по материалам знаково-символической
композиции святилища Баин-Хара, Бурятия)**

Вводные замечания. Культуры эпохи поздней бронзы и раннего железного века горно-степной зоны юга Восточной Сибири – Забайкалья, разделили на финальном этапе их развития трагическую судьбу тагарского сообщества ранних кочевников юга Западной Сибири. Плавный, со значительными достижениями в материальной и духовно-интеллек-

туальной сферах жизни процесс, который, как можно догадываться, подводил к порогу начала становления государственности («кочевой державности»), был жестоко прерван опустошительным вторжением гуннов.

Что привнесло это внезапное событие в размеренный ход общественной жизни, экономику и быт аборигенного населения, изучено удовлетворительно. До сих пор, однако, остается не ясным, какие утраты стали следствием нападения на регион пришельцев из Центральной Азии для его элиты, жреческих кланов, представляющих интеллектуальные центры культуры. Вопрос этот нелегок, ибо при отыскании ответа на него необходимо по возможности точнее и глубже разобраться с мировоззренческими и духовно-нравственными установками руководителей подобных центров, выявить широту познания ими окружающего мира, что, думаю, в первую очередь определяло характер религии кочевого сообщества, а с нею и культово-обрядовые действия членов его.

Постановка проблемы. Источниковые материалы. Методические установки.

Как засвидетельствовал опыт практической работы, мироведение эпохи первобытности с наибольшим успехом восстанавливается в ходе изучения погребальных комплексов и связанных с ними структур, а также разного вида святилищ. Из последних в особенности привлекательны для того храмового типа объекты с наскальными изображениями. Но трудность использования их в качестве источников для решения поставленной задачи очевидна для каждого, кто пытался интерпретировать образы, знаки и символы первобытного художественного творчества – постоянные сомнения в точности семантических реконструкций, когда в исследованиях используется метод подбора этнографических аналогий и соответствующие сопоставления.

Воспользуемся иным методом, позволяющем получать заключения, которые могут быть проверены и обрести доказательность на уровне требований естественных наук. Для столь нетрадиционного для гуманитарного искусствоведения метода, пифагорейского по стилю, примечательно использование числа в качестве ключа расшифровки смысла как отдельных образов, так и всей композиции, воспринимаемой сложноинформационным организованным цифровым текстом, скомпонованным из отдельных записей.

Ясно, что использование такого метода предполагает выбор подходящего источника. Он должен обладать очевидной числовой составляющей (цифровой контекст знаковых записей). Они, такие источники, наличествуют в публикациях, посвященных наскальным изображениям Бурятии, и дело стоит только за тем, чтобы воспользоваться ими.

Источник. Структурные составляющие одной из композиций и числовой контекст ее. Программа исследования. Изберем для анализа превосходной сохранности композицию грандиозного святилища Баин-Хара, открытого экспедицией А.П. Окладникова на юго-востоке Бурятии, в бассейне р. Чикой, притока Селенги (рис. 1; подробности см.: Окладников А.П., Запорожская В.Д., 1969). Ее составляют четыре блока знаково-образных записей, исполненных красной охрой:

- *a* – многоэлементная (82 знака, без учета птицеобразного существа в центре), яйцевидная по очертаниям фигура (рис. 1.-*a*);
- *б* – многофигурная (8 знаков) структура, основу которой составляют три изображения людей, одного орла и четырех округлых пятен (рис. 1.-*б*);
- *в* – многофигурная (18 знаков) структура, основу которой составляют четыре изображения людей и 14 округлых пятен (рис. 1.-*в*); одно пятно располагается левее, вне обведенных прямоугольной «рамкой» фигур и пятен;
- *г* – многофигурная (12 знаков) структура, основу которой составляют три изображения орла и девять округлых пятен (рис. 1.-*г*).

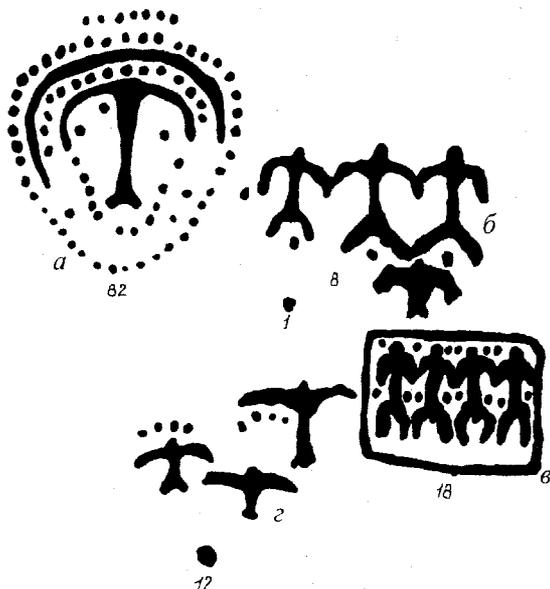

Рис. 1. Композиция святилища Баин-Хара, Забайкалье
(по: Окладников А.П., Запорожская В.Д., 1969).
Числовой контекст образно-знаковых блоков

Количество знаков, связанных с яйцеобразной фигурой, 82, календарно-астрономически значимо. Оно отражает длительность в сутках трех *сидерических* (смещение ночного светила на фоне зодиакальных звезд) месяцев:

$$82 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 3,0014 \approx 3 \text{ сид. мес.}$$

$$82 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 2,7767 \approx 2 \frac{3}{4} \text{ син. мес.}$$

Эта характерная деталь позволяет высказать догадку, что и остальные блоки избранной для расшифровки композиции представляют собой некие календарно-астрономические тексты.

Догадка требует подтверждений. Предъявим доказательства оправданности ее, рассмотрев по отдельности каждый блок композиции. Поиск ориентируется на решение двух задач:

- выявить варианты счисления времени по знакам и символам, включенным в композицию;
- раскрыть семантику запечатленных в ней образов змия, орлов и антропоморфных фигур.

Яйцевидная фигура и ее знаково-образный текст. Тестирование чисел. Реконструкция систем счисления времени по Луне и Солнцу. Семантика образов змия, орла и фигуры в целом, как некоего целостного объекта. Вне яйцевидной, обращенной вниз приостренным концом фигуры размещается лишь *семь* (2 + 5) округлых пятен (здесь и далее см. на рисунке 2 соответствующие числа). *Внешний контур овала* образуют 42 пятна, а далее размещаются 18 пятен *второго овала* (они позиционируются ниже изогнутого дугой змия), 11 пятен – *третьего овала* (они вместе с крыльями образуют подобие внутреннего контура яйцевидной фигуры, а три пятна располагаются поблизости от центра (по сторонам верхней части тела орла под крыльями его – 2 и 1).

Каждое из упомянутых чисел календарно-астрономически значимо:

- 7 есть $\frac{1}{4}$ сидерического оборота Луны (7 сут. : 27,32 сут. = 0,2562 $\approx \frac{1}{4}$ сид. мес.);
- 42 есть $1\frac{1}{2}$ сидерического оборота (42 сут. : 27,32 сут. = 1,5373 $\approx 1\frac{1}{2}$ сид. мес.);
- 18 есть $\frac{2}{3}$ сидерического оборота (18 сут. : 27,32 сут. = 0,6588 $\approx \frac{2}{3}$ сид. мес.);
- 11 есть интеркаляционный период, позволяющий выровнять лунный годовой цикл с годовым циклом Солнца (354 сут. + 11 сут. = 365; $\approx 365,242$ сут.);
- 2 есть период, в течение которого Луна не наблюдается на небосклоне вследствие совмещения ее с Солнцем;
- 1 (змей и одиночное пятно около тела орла) есть символ базового элемента календарной системы, суток единения дня и ночи; если им предшествуют двое суток невидимости Луны (период новолуния), то за ними следуют сутки явления на западном небосклоне первого серпа «новорожденного месяца» (неомение).

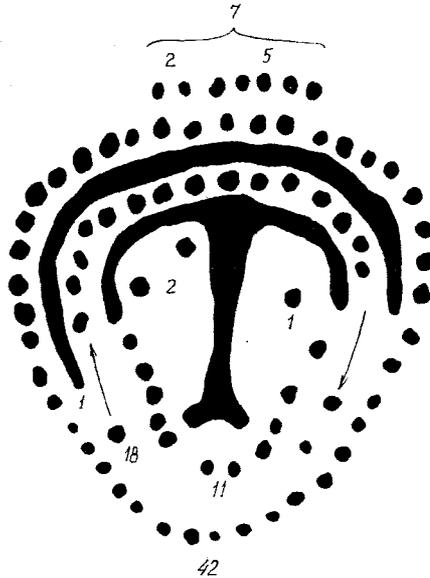

Рис. 2. Яйцеобразная фигура и связанные с ней числовые записи

Общее количество знаков, связанных с яйцевидной фигурой, 82, соответствует, как уже отмечалось, длительности трех сидерических оборотов Луны (истинная, относительно Земли, продолжительность круговорота ночного светила) и около $2\frac{3}{4}$ синодических оборотов.

Это заключение открывает путь к реконструктивной части исследования – к выявлению алгоритмов счисления разного вида календарно-астрономических периодов.

Реконструкция системы счисления сидерического лунного года. Четырехкратный проход по всем связанным с фигурой структурам в последовательности

$$7 \rightarrow 42 \rightarrow 1 \text{ (змей)} \rightarrow 18 \rightarrow 11 \rightarrow 2 \rightarrow 1 = 82$$

выводит на рубеж окончания годового сидерического цикла, охватывающего 12 сидерических месяцев:

$$82 \text{ сут.} \times 4 = 328 \approx 327,84 \text{ сут.};$$

$$328 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 12,0058 \approx 12 \text{ сид мес.}$$

Реконструкция системы счисления синодического лунного года. После завершения четырехкратного прохода по тем же структурам алгоритм счисления менялся. В счетную систему вводились строчка 7, *единичный знак* (дугообразное изображение змия) и расположенные под ним 18 знаков. Эта своеобразная интеркаляция в базовый календарно-астрономический цикл счетной системы при *неучете 42 знаков внешнего обвода* фигуры и выводила на рубеж окончания годового цикла, охватывающего 12 *синодических* месяцев:

$$(82 \text{ сут.} \times 4) + 7 + 1 (\text{змий}) + 18 \text{ сут.} = 354 \approx 354,367 \text{ сут.};$$

$$354 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 11,9875 \approx 12 \text{ син. мес.}$$

Реконструкция системы счисления солнечного года. После завершения четырехкратного прохода по тем же структурам в счетную систему вводился тот же, что и при счислении синодического годового цикла интеркалярий, который, однако, следовало дополнить очередной строчкой знаков – 11 и *связать с крыльями птицеобразного существа*. Эта интеркаляция (опять-таки без учета 42 знаков внешнего обвода фигуры) выводила на рубеж окончания солнечного годового цикла:

$$(82 \text{ сут.} \times 4) + 7 + 1 (\text{змий}) + 18 + 11 = 365 \approx 365,242 \text{ сут.}$$

Тут уместно будет напомнить, что число 11, которым завершился солнечный интеркалярий, определяет длительность классического в древней календаристике интеркаляционного периода, посредством которого выравнивался лунный счет времени с временем солнечным.

Реконструкция системы счисления лунно-солнечного года. После завершения четырехкратного прохода по тем же структурам в счетную систему вводился интеркалярий – 1 (змий) – 18 – 11 – 2 (пятна в записи числа 7 над яйцевидной фигурой) = 32:

$$(82 \text{ сут.} \times 4) + 32 \text{ сут.} = 360 \text{ сут.}$$

Этот так называемый хозяйственный «год» мог дополняться сразу остальными пятью знаками из записи того же числа 7 или, после трех лет счисления, интеркалярием – 1 (змий) + 11 + 3 (пятна в центре яйцевидной фигуры) = 15:

$$(360 \text{ сут.} \times 3) + 15 \text{ сут.} = 1095 \text{ сут.};$$

$$1095 \text{ сут.} : 365,242 \text{ сут.} = 2,9980 \approx 3 \text{ солн. года.}$$

Лунно-солнечный «год» длительностью 360 суток был весьма популярен в древних и средневековых культурах на всем пространстве Евразии от Ирландии до Китая (см.: Бикерман Э., 1975). Удобство использования его состоит в возможности фиксации не только моментов солнцестояний и равноденствий, но также равноотстоящих (\approx на 45 сут.) от тех и других кардинальных моментов года.

В заключение установления систем счисления годов лунного, солнечного и лунно-солнечного, главных в отслеживании времени циклов, на которые ориентировалась ритмика жизнедеятельности древнего человека, будь он кочевником или земледельцем, определим новогодие. Для этого проведем отсчет дней в установленном порядке до выхода на очевидный рубеж завершения первого же из возможных астрономических сезонов. Таким оказался осенний сезон, 89-е сутки от начала счисления:

$$82 \text{ сут.} \rightarrow 7 (\text{начало второго прохода}) = 89 \text{ сут.}$$

Следовательно, новогодие определяли, вероятнее всего, сутки осеннего равноденствия.

Семантика изображений змия третьей структурной части яйцеобразной фигуры и птицеобразного существа в центре ее. Поскольку дугообразно изогнутый змий (в данном случае – символ числа 1) оконтуривает сверху 18 знаков, определяющих сутки завершения счисления лунного года, то резонным представляется вывод о *символизации им ночного светила*. При следовании той же логике рассуждений, 11 знаков, определя-

ющих завершение счисления солнечного года *около крыльев птицеобразного существа*, резонным представляется вывод о *символизации им светила дневного – Солнца*. То и другое заключение соответствует традиционным в мифологии установкам о связи образа змия с Луной, а Солнца – с птицей, обычно – с орлом, *антиподом змия*.

Реконструкции систем счисления синодических оборотов планет. Прежде чем приступить к интерпретации яйцеобразной фигуры и связанных с нею семи знаков над внешним обводом, дополним реконструкции систем счисления годовых оборотов Луны и Солнца реконструкциями *синодических оборотов планет*. За базовый цикл примем тот же трехмесячный сидерический цикл Луны – 82 сут., который будем дополнять соответствующими интеркаляциями:

- оборот *Меркурия* –
 $82 + 11 + 3 \text{ сут. (знаки около тела орла)} = 116 \approx 115,9 \text{ сут.}$
- оборот *Венеры* –
 $(82 \text{ сут.} \times 7) + 11 = 585 \approx 583,9 \text{ сут.}$
- оборот *Марса* –
 $(82 \text{ сут.} \times 9) + 42 \text{ сут. (знаки обвода)} = 780 \approx 779,9 \text{ сут.}$
- оборот *Юпитера* –
 $(82 \text{ сут.} \times 4) + 42 + 18 + 11 \text{ сут.} = 399 \approx 398,9 \text{ сут.}$
- оборот *Сатурна* –
 $(82 \text{ сут.} \times 4) + 7 + 42 + 1 \text{ (змий) сут.} = 378 \approx 378,2 \text{ сут.}$

Итак, числовая система фигуры позволяет, *при использовании должных алгоритмов*, выходить при счислении на рубежи окончания не только лет лунных и солнечных, но также синодических оборотов всех планет.

Интерпретация яйцеобразной фигуры и связанных с нею семи знаков. Приведенное выше заключение позволяет предложить два варианта образной идентификации фигуры:

- это Мировое яйцо, которое вмещает в свои пределы все фундаментально значимые элементы Вселенной – Луну, Солнце и пять «блуждающих звезд» – планет, а также закодированную в числах информацию о каждом элементе;
- это вагина, утроба Мироздания, художественно-образное и числовое воплощение основополагающей в мифологии Евразии идеи о «порождающем месте» Космоса и Матери Мира, коей обязано существованием все сущее в Природе (она же и «Мать-Земля»?);
- это лик или голова божества.

Если так оно и есть, то семь знаков над яйцом (или вагиной), подразделенных на две группы – 2 и 5, возможно, призваны были отразить мысль о главных элементах Вселенной – о Луне и Солнце (2; образные воплощения их – змий и орел внутри яйца) и планетах (5 пятен). В таком случае 42 знака внешнего обвода фигуры (скорлупа яйца?) были, видимо, призваны отобразить картину многозвездного купола Неба (идея индоиранцев о близости к Земле звезд и значительной удаленности от нее наделенных движением светил).

Интерпретация числовых блоков правой части композиции. «Прочтение» фигур и связанных с ними округлых знаков допускает варианты. Напрашиваются (впредь до уточнений при сравнении с композициями иных святилищ Забайкалья) следующие истолкования:

- группа из трех антропоморфов, одного орла и четырех пятен = 8, есть, возможно, символы *восьми* подразделений лунно-солнечного года длительностью 360 суток (см. на рисунке 3 литеру а); если так, то три антропоморфа и один орел = 4 символизируют, допустим, два солнцестояния и два равноденствия (образы главных богов года?), а четыре

пятна – равноудаленные от них моменты года, *межсезонья*, которые почитались, вероятно, в меньшей степени);

- одиночное пятно, а также четыре антропоморфа и 14 пятен, заключенные в прямоугольную «рамку», есть, возможно, запись 19-летнего цикла Метона (суть его сводится к тому, что через 19 лет счисления времени по Луне и Солнцу с определенной системой интеркаляций в отдельные из лунных годов, фаза ночного светила, с которой начинался отсчет цикла, *вновь приходилась на ту же дату солнечного года* (подробно см.: Климишин И.А., 1985, с. 53 и далее)).

Но одновременно допустим и второй вариант понимания записи 1 + 18, связанный с решением задачи предсказания затмений – лунных и солнечных. Возможно, 18 есть запись малого солнечного сароса, 18-ти лет, трехкратное повторение которых выводило на рубеж окончания *большого солнечного сароса, 54-х лет*, когда следовало ожидать повтора солнечного затмения, что наблюдалось в той же местности в начале цикла.

Формула 18 + 1 год позволяла отсчитывать и *лита большого лунного сароса, 56-летия*, когда следовало ожидать повтора лунного затмения, что наблюдалось в той же местности в начале цикла (подробности см.: Хокинс Дж., Уайт Дж., 1984; Ларичев В.Е., 1993):

$$(18 + 1 \text{ год}) + 18 \text{ лет} + (18 + 1 \text{ год}) = 56 \text{ лет};$$

- три фигуры орла и девять округлых пятен представляют, возможно, *запись 12 месяцев года* (каждый знак символизирует месяц; рис. 3.-в). Но одновременно допустим и второй вариант понимания записи числа 12 – *это образно-знаковая фиксация 12 лет солнечно-юпитерианского цикла*, так называемого «Звериного круга», издревле популярного в кочевьях пустынно-степных регионов востока Азии.

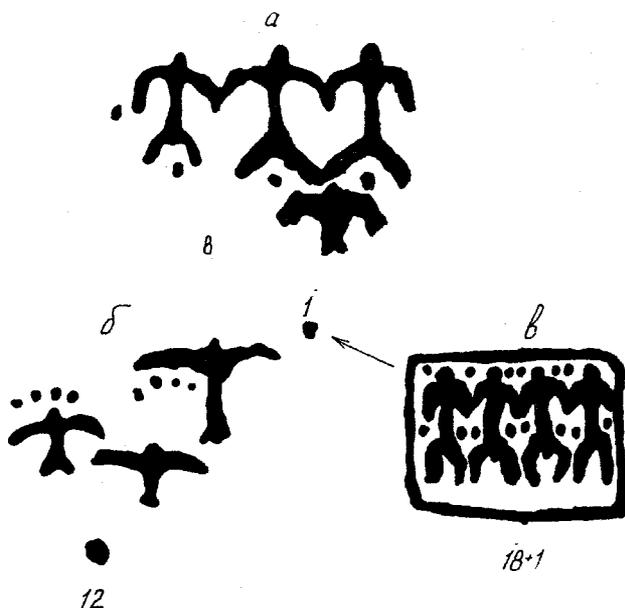

Рис. 3. Образно-знаковые записи правого отдела композиции

Сакральная суть цикла заключается в следующем: за 12 солнечных лет планета Юпитер завершает почти полный проход по 12 зодиакальным созвездиям, смещаясь в пределах каждого из них в течение года (своеобразные 12 «месяцев» сидерического «года» плане-

ты; подробности см.: Цибульский В.В., 1987). После пятикратного повтора 12-летий (пять проходов Юпитера по всем зодиакальным созвездиям) целое число планетарных лет (5) окажется равным целому числу лет солнечных (60).

Этот сложно комбинационный цикл использовался кочевниками для прогнозирования годов «удачных» и «неудачных», когда можно было ожидать наступление природных катаклизмов (засуха, суровые зимы, бескормица и эпизоотии, гибель скота, опустошительные для людей эпидемии и т.п.).

Краткие итоги исследования. Предложенные «прочтения» знаково-образных записей композиции святилища Баин-Хара свидетельствуют о высоком уровне астрономических знаний творцов культур эпохи палеометалла Забайкалья. Удивляться тому не стоит, ибо они наследовали того же характера информацию предшествующих поколений аборигенного населения региона времени палеолита и китойской культуры (см.: Ларичев В.Е., 2003; 2005). Едва ли поэтому можно сомневаться в том, что хунну, оказавшись в долине Селенги в конце I тыс. до н.э., встретили ожесточенный отпор общества высокого уровня культуры. Свидетельство того весьма красноречиво – окруженное множеством валов знаменитое Иволгинское городище Забайкалья.

Что касается «художественного творчества» жречества, то образы и знаки великих культовых мест той поры обретут свою истинную информационную значимость (компендиумы естественно-научных познаний, а также культово-мифологических и астрально-религиозных установок эпохи палеометалла) лишь при использовании в анализе их новых методических приемов пифагорейского толка.

Библиографический список

- Бакерман Э. Хронология Древнего мира. М.: Наука, 1975. 334 с.
Климишин И.А. Календарь и хронология. М.: Наука, 1985.
Ларичев В.Е. Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный дракон. Новосибирск: Наука, 1993. 285 с.
Ларичев В.Е. Древнекаменный век Северной Азии: Забайкальское время // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX, ч. I. С. 163–172.
Ларичев В.Е. Устремленная в Небо (Страны Света, светила и Время в мировоззрении жречества китойской культуры Забайкалья) // Сибирь на перекрестье мировых религий. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2005. С. 114–119.
Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Л.: Наука, 1969. Ч. I. 218 с.
Хокинс Дж., Уайт Дж. Разгадка тайны Стоунхенджа. М.: Мир, 1984.
Цибульский В.В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. М.: Наука, 1987. 383 с.

А.А. Тишкин, Е.В. Шелепова

Алтайский государственный университет, Барнаул

ИЗУЧЕНИЕ «ПОМИНАЛЬНЫХ» СООРУЖЕНИЙ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ*

Среди погребально-поминальных памятников пазырыкской культуры (VI–II вв. до н.э.) Алтай наиболее изученными являются погребальные комплексы. В то же время различные околочурганские сооружения (выкладки, стелы, «балбалы» и др.) остаются практически вне поля зрения исследователей. Недостаточное внимание к поминальным, ритуальным или жертвенным конструкциям на памятниках скифо-сакского времени объясняется малой информативностью таких объектов по сравнению с «богатым» материалом из погребений. Однако в рамках современного изучения различных аспектов существования пазырыкско-

* Работа выполнена при частичной поддержке РФНФ (проект №06-01-60105а/Т).

го социума особую актуальность и значимость приобретает рассмотрение планиграфии, конструкции, семантики и функций околочурганых сооружений. В ряде публикаций нами обозначены некоторые стороны решения имеющихся проблем (Шелепова Е.В., 2005; Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2006; и др.). В этой работе основное внимание будет уделено так называемым поминальным сооружениям и их интерпретации.

Выкладки, вымостки, «курганчики», расположенные цепочками или дугой в основном к западу от погребений, а также стелы, «балбалы», находящиеся одиночно или рядами к востоку от курганов, привлекали внимание ученых преимущественно в связи с изучением погребальной практики «пазырыкцев». Начало их исследованию на территории Алтая положено В.В. Радловым (Грач А.Д., 1980, с. 31) и А.В. Адриановым (1916, с. 56–64; Руденко С.И., 1930, с. 143–145; Дэвлет М.А., 2004, с. 47). В результате высказано предположение об их жертвенном характере (Радлов В.В., 1896, с. 35; Захаров А.А., 1926, с. 76; Грач А.Д., 1980, с. 31; Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2005, с. 176–177).

А.В. Адрианов и С.И. Руденко полагали, что сооружение выкладок было связано с реализацией поминального обряда (Адрианов А.В., 1916, с. 64; Грач А.Д., 1980, с. 31; Руденко С.И., 1952, 1960, с. 26; Марсадилов Л.С., 1997, с. 3; Жизненный путь..., 2004, с. 115–117; Худяков Ю.С., 1996, с. 87). В работах В.Д. Кубарева и С.С. Сорокина продолжено специальное рассмотрение отмеченных показателей для памятников пазырыкской культуры.

В.Д. Кубарев (1992, с. 13) обозначил некоторые особенности планиграфии околочурганых объектов по отношению к погребениям: «поминальные» сооружения всегда дублируют порядок расположения курганов в пределах могильника, группируясь в цепочки, причем в первом ряду они соответствуют практически каждому захоронению, а в последующих их насчитывается гораздо меньше. Сделанные исследователем выводы строились в основном на материалах «рядовых» могильников (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2004, с. 77). Первоначально выкладки В.Д. Кубаревым рассматривались как сооружения ритуально-поминального характера, связанные с заключительными поминальными действиями, а позднее как места, где «...производились кормления и проводы души умершего» (Кубарев В.Д., Гребенщиков А.В., 1979, с. 65; Кубарев В.Д., 1987, с. 11; 1992, с. 9, 12).

С.С. Сорокин в своих разработках во многом опирался на выводы С.И. Руденко. Так, в зафиксированных «дугах» и выкладках на Башадаре и Пазырыке он усматривал следы поминальных торжеств (Сорокин С.С., 1981, с. 24, 26). По мнению исследователя, различные внекурганые памятники пазырыкской культуры (выкладки, «балбалы») следует рассматривать в единстве, но четко отделяя территорию мертвых от территории живых, локализованной к востоку от курганов (Сорокин С.С., 1981, с. 30).

В качестве поминальных сооружений кольцевые выкладки рассматривал В.А. Могильников (1983а–б; Могильников В.А., Елин В.Н., 1983). Им были предприняты раскопки некоторых из них на памятниках Кызыл-Джар-I, VI–IX (Могильников В.А., 1983а, с. 4, 9–15). Необычная группировка таких объектов обнаружена рядом с курганом №5 могильника Кызыл-Джар-I. При исследовании двух относящихся к нему сооружений в центре зафиксированы следы прокаленной почвы. Во втором объекте найдены кальцинированные кости, а также два маленьких фрагмента от стенок сосуда без орнамента (Могильников В.А., 1983а, с. 15).

Исследования околочурганых сооружений, схожих по планиграфии с памятниками Кызыл-Джара, проведены на комплексах Талдура-I–II (Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, с. 128–129). При раскопках выкладок у кургана №2 памятника Талдура-I и кургана №3 могильника Талдура-II были найдены угольки, которые интерпретированы исследователями как «...остатки ритуальных костров во время тризны» (Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, с. 129).

Отдельная публикация материалов раскопок пазырыкских выкладок на памятнике Усть-Кырлык-II принадлежит В.И. Соенову (2003, с. 38–44). Констатируя малочисленность раскопанных пазырыкских «поминальников» (по его мнению, всего около 100 объектов)*, исследователь выделил среди них три типа, затронув вопрос наименования таких сооружений (Соенов В.И., 2003, с. 39).

На территории Алтая изучен ряд околочурганых объектов скифо-сакского времени в составе «элитных» погребальных комплексов. Л.С. Марсадоловым (1997) раскопана выкладка, расположенная в 100 м к западу от насыпи Второго Башадарского кургана, но датирующих находок при этом не зафиксировано. При обследовании околочурганного сооружения памятника Кутургунтас на плоскогорье Укок выяснено, что оно состоит из 11 примыкающих друг к другу выкладок (Молодин В.И., 1993; Молодин В.И. и др., 2004; Полосьмак Н.В., 2001, с. 105).

Ряд интересных наблюдений произведен при исследовании выкладок на погребально-поминальном комплексе Тыткескень-VI (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003, с. 51, 56). Так, с западной стороны курганов №16, 17 и 20 они находились прямо напротив могильных ям, что может свидетельствовать о заранее известном месте их расположения и является отражением определенных этапов погребально-поминальных действий.

В долине оз. Сон-Куль (Кыргызстан) открыты объекты, имеющие черты сходства с выкладками пазырыкской культуры (Табалдиев К.Ш., Бозер Р., 2003, с. 158–161). При их изучении произведены следующие наблюдения:

- выкладки могут быть не только приурочены к погребальным сооружениям, но также располагаться отдельными группами, обособленно от них;
- выкладки находятся с западной, южной и северной стороны от курганов (образуя дугу), но никогда с восточной;
- количество «оград» в пределах одного могильника достигает до 67.

Погребально-поминальные комплексы с выкладками и «балбалами», синхронные времени существования пазырыкской культуры, зафиксированы А.Д. Грачем в Туве (1980, с. 31) и В.Д. Кубаревым, Д. Цэвэндоржем, Е. Якобсон (1998, с. 261) на территории Монгольского Алтая.

Анализ опубликованных материалов и собственные наблюдения позволили сделать определенные выводы относительно назначения околочурганых объектов Алтая в погребально-поминальной практике кочевников пазырыкского времени. Нами рассмотрены выкладки, расположенные в составе 48 памятников. Кроме раскопанных, учитывались также неисследованные объекты, по всем показателям относящиеся к пазырыкской культуре. Во внимание брались такие показатели, как планиграфия околочурганых сооружений, их конструкция и соотношение с погребальными комплексами.

На большинстве памятников выкладки составлены из восьми камней. Вероятно, такое число имело для «пазыркцев» определенное сакральное значение. По мнению В.П. Дьяконовой (2001, с. 54), сооружения из восьми камней скифского времени являются «... истоком культовых и жилых многоугольных строений», наподобие восьмиугольной юрты. Однако на некоторых памятниках количество камней, составляющих выкладку, может быть меньше (5) или больше (до 9–10): Бертек-11, 27; курган №16 мог. Белькенок (Древние культуры..., 1994, с. 22, 28; Бородовский А.П., Вдовина Т.А., Маточкин Е.П., 2003, с. 75; и др.).

Наибольшее их количество наблюдается в рядах, расположенных ближе к погребальным памятникам, в то время как в последующих таких объектов меньше, и устроены они далеко не у каждого кургана (Кубарев В.Д., 1992, с. 13). Диаметр выкладок составляет от

* В процессе сбора информации нами обнаружено только немного более 30 раскопанных объектов.

0,5 до 10–14 и даже до 16 м: Бертек-23 (курган №4); памятник Калгуты-11 (Древние культуры..., 1994, с. 27; Молодин В.И. и др., 2004, с. 18). Обычно же этот параметр варьирует от 1,5 до 5 м. Форма в основном овальная, округлая либо имеет вид незамкнутого кольца.

Внутри некоторых выкладок иногда фиксируются один или два «дополнительных» камня, валуна: на комплексах Бертек-45, Гора 2338-3, Аргамджи-4, на памятниках по Верхней Бухтарме и др. (Древние культуры..., 1994, с. 33; Молодин В.И. и др., 2004, с. 29, 40; Адрианов А.В., 1916, с. 62, 63). В таком случае количество камней, образующих кольцо, составляет не 8, а 6–7 шт. Не исключено, что камень в центре появился случайно или установлен позднее «основных». На памятнике Калгуты-11 зафиксировано «двойное» поминальное сооружение: в центре выкладки выложено кольцо меньших размеров (Молодин В.И. и др., 2004).

В пределах одних могильников выкладки находятся друг от друга на определенном расстоянии (от 0,5 до 8–10 м): курган №8 на памятнике Бураты-IV (Кубарев В.Д., Кочеев В.А., 1983, с. 99, рис. 3); курган №11 на комплексе Яломан-III (Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2006, с. 144); курган №6 на могильнике Кызыл-Джар-I (Могильников В.А., 1983а, с. 10; Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 79) и др.

Расстояние от кургана до выкладки составляет в разных случаях от 2,5 (курган №15 мог. Белькене-1 (Бородовский А.П., Вдовина Т.А., Маточкин Е.П., 2003, с. 73)) до 100–120 м (курган №51 мог. Башадар (Руденко С.И., 1960, с. 25); Башадар-2 (Марсадалов Л.С., 1997, с. 9)).

На других памятниках выкладки могут соприкасаться: курган №5 мог. Бураты-IV (Кубарев В.Д., Кочеев В.А., 1983, с. 99, рис. 3); курган Кутургунтас (Полосьяк Н.В., 2001, с. 104); курган №4 мог. Уландрык-III (Кубарев В.Д., 1987, с. 257, табл. LVI); курган №3 мог. Юстыд-I (Кубарев В.Д., 1991, с. 35, табл. II); курган №9 мог. Кызыл-Джар-I (Могильников В.А., 1983а, с. 13–14); Башадар-II (Марсадалов Л.С., 1997, с. 49); курган №3 мог. Талдура-II (Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, с. 133). Не исключено сочетание двух отмеченных вариантов в пределах одной группы выкладок, относящихся к конкретному погребальному памятнику.

От одного кургана устраивалось два (Адрианов А.В., 1916, с. 61–62; Могильников В.А., 1983а, с. 15; Бородовский А.П., Вдовина Т.А., Маточкин Е.П., 2003, с. 74), три (Адрианов А.В., 1916, с. 63), четыре (Могильников В.А., 1983а, с. 9–10; Бородовский А.П., Вдовина Т.А., Маточкин Е.П., 2003, с. 75) и более рассматриваемых сооружений. Ближайшая от кургана выкладка являлась, по-видимому, «основной», а все остальные были как бы «пристроены» к ней (хотя их диаметр может быть одинаков) (Древние культуры..., 1994, с. 34). Каждая, кроме того, могла маркировать следующее совершение определенных обрядов. Доминирующей формой выкладки является круг. Замечено, что при расположении объектов к западу один от другого также образовывались своеобразное полукольцо, полукруг, дуга (Руденко С.И., 1960, с. 25; Могильников В.А., 1983в, с. 9, 14; Худяков Ю.С., 1996, с. 87–88; Молодин В.И. и др., 2004, с. 29). К западу от «элитных» пазырыкских курганов находятся более «сложные» комплексы (см., например, курган Кутургунтас, курганы некрополей Башадар, Пазырык и др. (Руденко С.И., 1952, с. 230; 1960, с. 25; Марсадалов Л.С., 1997, с. 12)). Однако эта особенность не всегда является закономерностью.

В порядке расположения выкладок по отношению к погребальному сооружению нами отмечено несколько следующих вариантов:

1. Выкладки к западу или северо-западу:

а) на определенном расстоянии от кургана (1–4 объекта): курганы №15 и 21 мог. Белькене-1 (Бородовский А.П., Вдовина Т.А., Маточкин Е.П., 2003, с. 73); курганы №7–17 мог. Талда (Марсадалов Л.С., 1997, с. 17); курган №4, 7, 10, 16 мог. Белькене-2

(Бородовский А.П., Вдовина Т.А., Маточкин Е.П., 2003, с. 73, 75); курган №2 мог. Талдура-I (Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, с. 128–129); курган №3 мог. Талдура-II (Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, с. 133–135); курган №2 мог. Турлу-Теке-Таш-III (Бородовский А.П., Вдовина Т.А., Маточкин Е.П., 2003, с. 76); курганы №1 и 3 мог. Турлу-Теке-Таш-IV (Бородовский А.П., Вдовина Т.А., Маточкин Е.П., 2003, с. 77); Бураты-I, II, курганы №1, 2, 5, 8, 11, 12 мог. Бураты-IV; Бураты-V, VII, VIII, X (Кубарев В.Д., Кочеев В.А., 1983, с. 98, рис. 2); курганы №5–9 мог. Кызыл-Джар-I (Могильников В.А., 1983а, с. 10, 12–13, 15); Кызыл-Джар-V (Могильников В.А., 1983б, с. 52–53); Кызыл-Джар-VIII (Могильников В.А., 1983а, с. 16); Бертек-11 (Древние культуры..., 1994, с. 22); курган №4 мог. Бертек-23 (Древние культуры..., 1994, с. 27); курганы №1–2 мог. Бертек-27 (Древние культуры..., 1994, с. 28); курган №51 мог. Башадар (Руденко С.И., 1960, с. 25); Башадар-2 (Марсадоллов Л.С., 1997, с. 9); курганы №80–85, 94, 134, 141, 142 мог. Туэкта (Руденко С.И., 1960, с. 95); Тархата-I-II (Кубарев В.Д., 1980, с. 74); Макажан (Кубарев В.Д., 1980, с. 78); Туру-Алты (Кубарев В.Д., 1980, с. 84); Айрыдаш-III, курганы №2 и 7 мог. Айрыдаш-IV (Кочеев В.А., 1996, с. 135, 147); Уландрык-I-V (Кубарев В.Д., 1987, табл. II, XXXV, LVI, LXVII, LXXIX); Ташанта-I (Кубарев В.Д., 1987, с. 194–196, табл. LXXXIII); Ташанта-II-III (Кубарев В.Д., 1987, табл. LXXXIII, ХСVII); Юстыд-I (Кубарев В.Д., 1991, с. 35); курганы №3–9 мог. Бугузун-ХIII (Бородовский А.П., Вдовина Т.А., Трифанова С.В., 2003, с. 30) и др.;

б) вплотную к погребальному объекту: например, курган №16 мог. Белькенец-I (Бородовский А.П., Вдовина Т.А., Маточкин Е.П., 2003, с. 73).

2. К востоку от кургана на определенном расстоянии: курган №20 мог. Белькенец-II (Бородовский А.П., Вдовина Т.А., Маточкин Е.П., 2003, с. 75); курган №24 мог. Сары-Кобы (Суразаков А.С., 1982, с. 127, 131); Айрыдаш-IV (Кочеев В.А., 1996, с. 135, 147); Кок-Эдиган (Миронов В.С., 1999, с. 37); Юстыд-I (Кубарев В.Д., 1991, с. 35); курган №6 мог. Уландрык-III (Кубарев В.Д., 1987, табл. LVI).*

3. Выкладки к западу и востоку: курган №2 мог. Бураты-I (Кубарев В.Д., Кочеев В.А., 1983, рис. 2); курган №2 мог. Талдура-I (Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, с. 128–129); курганы №5–6 мог. Кызыл-Джар-I (Могильников В.А., 1983а, с. 9, 15).

4. В конце цепочки «балбалов»: курганы №1–5 мог. Юстыд-I (Кубарев В.Д., 1991, с. 35); курган №1 мог. Уландрык-IV (Кубарев В.Д., 1987, табл. LXVII); курганы №3 и 7 мог. Уландрык-III (Кубарев В.Д., 1987, табл. LVI); курган №19 мог. Бугузун-XVI (Соенов В.И., Вдовина Т.А., Трифанова С.В., 2003, с. 30); курган №3 мог. Бугузун-XII (Соенов В.И., Вдовина Т.А., Трифанова С.В., 2003, с. 29); курган №2 мог. Талдура-I (Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, с. 128–129); курганы №5–6 мог. Кызыл-Джар-I (Могильников В.А., 1983а, с. 9, 15).

5. Другая ориентация: к югу от кургана №1 мог. Ак-Алаха-1 (Полосьмак В.Н., 2001, с. 44–58); к северу от кургана №1 мог. Ташанта-I (Кубарев В.Д., 1987); между курганными цепочками – мог. Кок-Эдиган (Миронов В.С., 1999, с. 35); вокруг курганов – мог. Талда (Марсадоллов Л.С., 1997, с. 15–18); в одном ряду со стелами – курганы №1–2 мог. Талда (Марсадоллов Л.С., 1997, с. 15–18).

Необходимо учитывать, что не всегда возможно четко соотносить выкладку с тем или иным курганом. Не исключено, что при их устройстве более важным был принцип расположения в цепочку, параллельную курганной группе. На некоторых памятниках пазырыкской культуры околокурганные сооружения вообще не зафиксированы. Такая ситуация отмечена А.С. Суразаковым (1988, с. 128) при исследовании курганов кара-кобинского типа, отличающихся отсутствием выкладок, «балбалов» и стел.

* Выделение данной группы объектов весьма условно; культурная идентификация выкладок, расположенных к востоку от погребения, еще требует проверки при дальнейших раскопках и сравнительном анализе.

В общей планиграфии пазырыкских погребально-поминальных комплексов обозначено то, что расположение курганов имитирует куренную планировку кочевий того периода времени (Шульга П.И., 1989, с. 42–43; Суразаков А.С., 1988, с. 119; Кубарев В.Д., 1991, с. 21; Тишкин А.А., 1996, с. 12; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 234; Дьяконова В.П., 2001, с. 54).

Выше указывалось, что выкладки характеризуются как «поминальнички», ритуальные или культовые места, а их функционирование связывается с циклом поминальных обрядов, проводившихся в разное время соплеменниками или близкими родственниками умершего (Марсадолов Л.С., 1984, с. 95; 1997, с. 9; Илюшин А.М., 1989, с. 80; Могильников В.А., 1983б, с. 63; Суразаков А.С., 1988, с. 119). На наш взгляд, необходимо конкретизировать такие довольно общие интерпретации. В связи с этим выделим и более подробно рассмотрим в качестве наиболее перспективной концепции уже указанную интерпретацию В.Д. Кубарева, который связывает функцию выкладок с совершением обряда «...кормления и проводов души умершего».

В попытке обоснования этой точки зрения нами проанализированы не только археологические материалы. Также привлекался обширный корпус этнографических сведений, которые при определенных условиях позволяют производить реконструкции в сфере духовной культуры, мировоззрения и социальной организации (Савинов Д.Г., 1990, с. 6; Геннеп А., 1999; и др.). Этнографический материал наполняет археологические факты пространственным и временным содержанием (Ахметова Ш.К., Толпеко И.В., 1999, с. 96). Однако прием археолого-этнографических параллелей эффективен при анализе лишь общих элементов поминальной обрядности кочевников древности, средневековья и этнографической современности, так как существуют ограничители формального и прямого сопоставления в самой культуре (Косарев М.Ф., 1981, с. 119; 2005). Л.С. Клейн (1998, с. 113) отмечает, что «...явления живой культуры сильно трансформируются при выходе из нее».

Следует учитывать несколько принципиальных положений при сравнении культурных общностей:

- совпадение территории проживания этноса;
- сходство природных условий;
- одинаковый тип ведения хозяйства (в нашем варианте – кочевой и полукочевой);
- определенный тип поведения в схожих обстоятельствах (погребально-поминальная обрядность);
- выявление определенных родственно-генетических связей (Клейн Л.С., 1998, с. 101, 104, 112, 114; Грачева Г.Н., Хлобыстин Л.П., 1981, с. 135; Савинов Д.Г., 1990, с. 5–8).

Результаты последних исследований по изучению мумий, найденных в пазырыкских курганах, свидетельствуют о генетической близости «пазырыкцев» и современных самодийских народов (Молодин В.И., 2003, с. 114). Данный факт исследователям необходимо учитывать, хотя он требует дополнительных и всесторонних подтверждений. Не исключая полученных палеогенетических данных, нами собраны сведения по погребально-поминальной обрядности алтайцев, телеутов, казахов, кумандинцев и других народов, подходящие для сравнения практически по всем вышеобозначенным критериям (Сатлаев Ф.А., 1974, с. 163; Шатинова Н.И., 1981, с. 101; Гаджиев Г.А., 1991, с. 136, 140; и др.). В результате стали более полно вырисовываться функции и содержание обряда «кормления».

Считается, что душа умершего еще некоторое время находится в тесной связи с родственниками, требует к себе внимания и периодических поминок (Соломатина С.Н., 1990, с. 96; Толеубаев А.Т., 1991, 100, 112). Действительно, после смерти человека его образ живет в памяти родственников и соплеменников, является во сне, создает ложное ощущение

присутствия, вызывая при этом беспокойство, определенные заботы, мысли и действия, выражающиеся в организации комплекса выработанных мероприятий (Киришин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 55). У бурят, например, поминовение предков, совершавшееся на обо, начиналось с призывания духов – хозяев местности – для участия в церемонии (Обряды..., 2002, с. 152). По верованиям ранних зороастрийцев, обряды первых трех дней после смерти считались жизненно важными для защиты души умершего, для того чтобы она смогла перейти в потусторонний мир (Бойс М., 1987, с. 21). Именно поэтому устраивались неоднократные поминовения души усопшего. У алтайцев последнее кормление души умершего производилось на годовых поминках (Шатинова Н.И., 1981, с. 101). Для этих целей возводились специальные поминальные объекты и осуществлялись определенные ритуалы недалеко от погребения (разжигание поминальных костров, в которые бросалась пища и т.д.) (Усманова М.С., 1980, с. 171). Не исключено при этом, что подношение совершалось не только мясной, но и жидкой пищей (молочные и другие продукты) (Дьяконова В.П., 2001, с. 176). Возможно, именно этим объяснимо отсутствие находок при раскопках «поминальников».

Первые поминки у различных народов устраивались непосредственно на могиле, когда в разведившийся огонь бросались еда и питье. Следы таких обрядов в пазырыкской культуре обнаруживаются в находках костей животных, керамики в насыпях курганов (Руденко С.И., 1952, с. 244; Адрианов А.В., 1916, с. 56; Худяков Ю.С., 2001, с. 127; Киреев С.М., 1999, с. 93; Кубарев В.Д., 1987, с. 236). Подобные подношения связываются с ритуалами, производившимися в рамках погребального обряда и последующих поминок, так называемой тризной (Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, с. 129; Киреев С.М., 1999, с. 93). Еще С.И. Руденко (1960, с. 24), обнаружив после снятия насыпи кургана №2 мог. Башадар отдельные кости лошади, считал, что они захоронены «...после поминальной тризны». Такая тризна, по мнению исследователя, совершалась после насыпи холма поверх могилы и до каменной наброски (Руденко С.И., 1960, с. 325). В погребальной практике алтайцев первые куски мяса, первые капли вина полагалось положить или пролить именно на могилу (Тошчакова Е.М., 1978, с. 148).

Остатки керамических сосудов с тризной и кости животных в насыпях пазырыкских курганов могут восприниматься как своеобразная жертва, средство восстановления пошатнувшегося макрокосма в связи со смертью (Дубровский Д.В., Юрченко А.Г., 2000, с. 188).

В более широком контексте под понятием «кормления» следует подразумевать целый цикл регламентированных ритуалом действий. С ними, например, следует связывать деревянные столики в пазырыкских погребениях с находящимися на них остатками мясной пищи. Д.Г. Савинов (1996, с. 111) полагает, что они напрямую связаны с обрядом «кормления» покойного в рамках ритуала прощания с его душой. Отголоски обычая «угощать» умершего пищей, приготовленной для него на специальном столике, были прослежены Ст. Майнагашевым (1915, с. 279) у народов Хакасско-Минусинской котловины. В качестве обязательного атрибута предметов, которые предназначались для загробной жизни, такие блюда-столики найдены как в «рядовых», так и в богатых погребениях Алтая (Руденко С.И., 1953, с. 82, 88, 332, 334, 339; 1960, с. 115; Кубарев В.Д., 1987, с. 49, 52; 1991, с. 65; 1992, с. 51–52; Суразаков А.С., 1988, с. 43; Могильников В.А., 1983б, с. 61; Кубарев В.Д., Кочеев В.А., 1983, с. 95; Полосьмак Н.В., 2001, с. 186–191). С.И. Руденко (1953, с. 332), ссылаясь на Геродота, полагал, что условия нахождения таких предметов могут свидетельствовать о том, что родственники умершего продолжали «кормить» его до похорон. Так, у тувинцев «кормление» начиналось еще до выноса покойника, а у казахов «кормить» покойника начинали с первого дня после смерти (Толеубаев А.Т., 1991, с. 112, 118, 133). Н.В. Полосьмак (2001, с. 189), опираясь на этнографические данные, склонна считать, что

еда и питье в погребениях предназначались для верховных божеств «пазырыкцев», являлись своеобразным приглашением к застолью.

Само расположение выкладок (преимущественно западное) соотносится во многих культурах индоиранского круга с местоположением страны мертвых, с хтоническим миром, с заходом солнца (Шатинова Н.И., 1981, с. 101; Акишев К.А., Акишев А.К., 1981, с. 150; Подосинов А.В., 1999, с. 442; Тишкин А.А., Леонова И.Ю., 2005, с. 279–294). Не случайно, наверное, что в большинстве погребений кочевников древности и средневековья ориентация лошади и человека преимущественно западная (Аджигалиев С.И., 1994, с. 160–162). Этнографически засвидетельствовано, что разжигание поминальных костров производилось с западной стороны погребения.

Необходимость неоднократного «кормления» умершего, как уже говорилось, диктовалась представлением о том, что его душа определенное время оставалась вблизи от сородичей и требовала заботы (Дьяконова В.П., 1975, с. 65–66). Количество выкладок, вероятно, отражает частоту совершения таких обрядов. Кроме того, Ст. Майнагашев (1915, с. 280) отмечал зависимость частоты совершаемых поминок от социального статуса умершего.

Обряд «кормления» мог быть связан не только с проводами умершего в иной мир, но также с «задабриванием» богов и т.д. (Дьяконова В.П., 2001, с. 177–179). Так, киргизами поминки рассматривались не только как способ «кормления», но и как «акт умиловости, задабривания», что определялось страхом перед умершим (Баялиева Т.Д., 1972, с. 91).

Древние люди осознавали смерть как устранение, исчезновение, изживание, опустошение из реальной жизни конкретного индивида (Иванов В.В., 1990, с. 10; Топоров В.Н., 1990а, с. 48; 1990б, с. 27). Представление о ней как длительном процессе порождало необходимость заботиться об умершем и «подкармливать» его. Подобная реализация «обрядов кормления» у скотоводов достоверно зафиксирована на памятнике Телеутский Взвоз-I, датированном эпохой ранней бронзы (Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А., 2003).

Периодическое «общение» с сородичем, «встречи» с ним составляют также сущность поминок как таковых (Длужневская Г.В., 1990, с. 114). Путем «кормления» умершего коллектив преодолевал критическую точку бытия – смерть сородича (Байбурин А.К., 1991, с. 26–27). Исследователи относят погребально-поминальную обрядность к одной из категорий обрядов перехода (Пестрикова В.И., 1990, с. 45). А. ван Геннеп (1999, с. 149–150), рассматривая различные обряды перехода, выделяет в рамках похоронно-поминальной обрядности обряд включения, заключающийся в трапезе после похорон и последующих поминках, а также промежуточную фазу, когда устраивается совместная трапеза, кормление умершего.

По Г.Н. Грачевой (1993, с. 157), поминальные обряды «...представляют собой различные формы общения с умершими, кормление их душ (духов)». Схожая трактовка термина присутствует также в исследованиях Г.А. Гаджиева (1991, с. 140). «Кормление», «угощение» рассматриваются не как однонаправленный процесс. Они предполагают совместное с умершим вкушение пищи, как бы «соучастие», переход на сторону мертвых (Седакова О.А., 1990, с. 57–60).

Таким образом, каменные выкладки, располагающиеся с западной стороны курганов пазырыкской культуры Алтая, следует рассматривать как реализацию акта «кормления», прощания с душой умершего, задабривания богов, а также средство связи с потусторонним миром. Разнообразие вариантов группировки объектов отражает, на наш взгляд, стремление участников церемонии подчеркнуть свой особый статус. Так, например, устройство выкладок на небольшом расстоянии одна от другой и от погребения, возможно, объяснимо стремлением зафиксировать особую близость родственников к умершему или друг к другу.

Реализация обряда «кормления» умершего начиналась до похорон, осуществлялась во время их (установка заупокойной пищи в могиле) и продолжалась после довольно продолжительное время (с перерывами), что зафиксировано в определенном количестве выкладок от кургана. В итоге следует сказать, что при изучении погребальных комплексов скифо-сакского времени необходимо включать в сферу исследования и различного рода окологурганские сооружения. Это позволит конкретизировать особенности планиграфии памятника, а всестороннее их изучение предоставит возможность для более объективной реконструкции мировоззрения и социальной организации носителей пазырыкской культурной традиции. Очевидно, что для этого потребуется специальное проведение раскопок большими площадями и широкое использование геофизических методов.

Библиографический список

- Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.) // Известия Императорской Археологической Комиссии. Петроград, 1916. Вып. 62. 94 с.
- Аджигалиев С.И. Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана. Алматы: Гылым, 1994. 260 с.
- Акишев К.А., Акишев А.К. К интерпретации иссыкского погребального обряда // Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1981. С. 144–153.
- Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. К методике этнографо-археологических исследований погребально-культурных памятников казахов Западной Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований. М.; Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. С. 94–97.
- Байбурун А.К. Ритуал в системе знаковых средств культуры // Этнознаковые функции культуры. М., 1991. С. 23–42.
- Баялиева Т.Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе: Илим, 1972. 170 с.
- Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М.: Наука, 1987. 301 с.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2005. 270 с.
- Бородовский А.П., Вдовина Т.А., Маточкин Е.П. Археологические памятники Мажойского каскада р. Чуя // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. №11. С. 72–92.
- Гаджиев Г.А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М.: Наука, 1991. 182 с.
- Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература, 1999. 198 с. (Этнографическая библиотека).
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
- Грачева Г.Н. Погребально-поминальная обрядность // Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1993. Вып. 5. С. 154–158.
- Грачева Г.Н., Хлобыстин Л.П. Вопросы методики использования данных этнографии в археологических исследованиях // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. С. 134–138.
- Длужневская Г.В. Погребально-поминальная обрядность как источник для реконструкции мировоззрения енисейских кыргызов // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 113–115.
- Древние культуры Бертегской долины (Горный Алтай) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др. Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.
- Дубровский Д.В., Юрченко А.Г. Жертвенный конь и концепт пути в погребальном обряде кочевников Центральной Азии // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. С. 187–191.
- Дьяконова В.П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 2001. 224 с.
- Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 163 с.

- Дэвлет М.А. А.В. Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 64 с.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. М., 1941. Вып. 16. С. 75–117.
- Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 148 с.
- Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В.В. Радлова в 1865 г. // Труды ГИМ. М., 1926. Вып. I. С. 71–106.
- Иванов Вяч. Вс. Реконструкция структуры символики и семантики индоевропейского погребального обряда // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М.: Наука, 1990. С. 5–11.
- Илюшин А.М. Комплекс культовых сооружений у кочевников Горного Алтая в скифское время // Скифо-сибирский мир. Кемерово: Б.и., 1989. Ч. I. С. 79–81.
- Киреев С.М. Тризны и тризновая керамика майминских погребений раннего железного века // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. №4. С. 92–99.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 333 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.
- Клейн Л.С. Археолого-этнографические сопоставления // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. С. 138–140.
- Клейн Л.С. Археология и этнография: проблема сопоставлений // Интеграция археологических и этнографических исследований: Материалы VI Междунар. науч. семинара, посвящ. 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина. Омск; СПб.: ИПО ОмГУ, 1998. Ч. I. С. 97–120.
- Косарев М.Ф. К вопросу о методике археолого-этнографических сопоставлений // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. С. 119–123.
- Косарев М.Ф. Об этнографическом моделировании в археологии (социальный аспект) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. 1. С. 7–11.
- Кочеев В.А. Курганы могильника Айрыдаш-III // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990. С. 210–223.
- Кочеев В.А. Курганный могильник Айрыдаш-IV на Средней Катунь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 134–137.
- Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск: Наука, 1980. С. 69–91.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 301 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.
- Кубарев В.Д., Гребенщиков А.В. Курганы Чуйской степи (по материалам работ Восточноалтайского отряда в полевой сезон 1975 г.) // Сибирь в древности. Новосибирск: Наука, 1979. С. 61–75.
- Кубарев В.Д., Кочеев В.А. Курганы урочища Бураты // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск: Б.и., 1983. С. 90–109.
- Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Е. Предварительные результаты полевых работ в Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. IV. С. 258–265.
- Майнагашев Ст. Загробная жизнь по представлениям турецких племен Минусинского края // Живая старина. Петроград: Типография В.Д. Смирнова, 1915. Вып. 3. С. 277–292.
- Марсадолов Л.С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1997. 56 с.

Марсадолов Л.С. О последовательности сооружения пяти больших курганов в Пазырыке на Алтае // АСГЭ. Л., 1984. Вып. 25. С. 90–98.

Миронов В.С. Особенности погребальных комплексов пазырыкской культуры в долине реки Эдиган и на сопредельных территориях // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1999. С. 35–41.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар-I, VIII – памятник пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск: Б.и., 1983а. С. 3–39.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар-II–V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тыс. до н.э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск: Б.и., 1983б. С. 40–71.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск: Б.и., 1983. С. 127–153.

Молодин В.И. Основные итоги археологических исследований западносибирского отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции на плоскогорье Укок летом 1992 г. // Altaica. Новосибирск, 1993. №2. С. 17–20.

Молодин В.И. Мультидисциплинарный подход к археологическим источникам (на примере пазырыкских памятников плоскогорья Укок) // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Кн. II. С. 113–114.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Шлюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 256 с.

Обряды в традиционной культуре бурят. М.: Восточная литература, 2002. 222 с.

Пестрикова В.И. Замечания к проблеме разработки концепции погребального обряда // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск: Полиграф. объединение «Книга», 1990. С. 42–47.

Подосинов А.В. EX ORIENTE LUX! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999. 720 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.

Радлов В.В. Сибирские древности (из путевых записок по Сибири). СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1896. 70 с. + табл.

Руденко С.И. К палеоантропологии Южного Алтая // Материалы комиссий экспедиционных исследований. Вып. 15: Казаки. Л., 1930. С. 137–148.

Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 267 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 350 с.

Савинов Д.Г. Об основных принципах археолого-этнографических реконструкций // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 5–8.

Савинов Д.Г. Об обряде погребения больших Пазырыкских курганов // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.: Вичи, 1996. С. 107–111.

Сатлаев Ф. Кумандинцы (историко-этнографический очерк XIX – перв. четв. XX в.). Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-е Алт. кн. изд-ва, 1974. 200 с.

Седакова О.А. Тема «доли» в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: погребальный обряд. М.: Наука, 1990. С. 54–63.

Соенов В.И. Раскопки поминальных сооружений на пазырыкском могильнике Усть-Кырлык-II // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. №11. С. 38–44.

Соенов В.И., Вдовина Т.А., Трифонова С.В. Археологические памятники долины р. Бугузун // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. №10. С. 28–46.

Соломатина С.Н. К реконструкции пространственно-временной структуры традиционного мировосприятия тувинцев // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л.: Наука, 1990. С. 89–97.

Сорокин С.С. К вопросу о толковании внекурганных памятников ранних кочевников Азии // АСГЭ. Л., 1981. Вып. 22. С. 23–39.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-е Алт. кн. изд-ва, 1988. 165 с.

Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 121–136.

Табалдиев К.Ш., Бозер Р. Памятники ранних кочевников долины озера Сон-Куль // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Кн. II. С. 158–161.

Тишкин А.А. Сооружение курганов на могильнике Бийке в Горном Алтае // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. С. 11–13.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 236 с.

Тишкин А.А., Леонова И.Ю. Погребальная практика носителей бийкенской культуры: семантика археологического комплекса // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2005. Т. II. С. 179–194.

Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Околокурганные объекты на памятниках скифского времени Яломанского археологического микрорайона // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2006. Вып. 3, 4. С. 143–150.

Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – нач. XX в.). Алма-Ата: Гылым, 1991. 214 с.

Топоров В.Н. Заметка о двух индоевропейских глаголах умирания // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: погребальный обряд. М.: Наука, 1990а. С. 47–53.

Топоров В.Н. Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: погребальный обряд. М.: Наука, 1990б. С. 12–47.

Тошакоева Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX вв.). Новосибирск: Наука, 1978. 160 с.

Усманова М.С. Традиционное в современной материальной и духовной культуре бачатских телеутов // Древняя история Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1980. С. 160–174.

Худяков Ю.С. Поминальные памятники пазырыкской культуры Горного Алтая // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.: Вичи, 1996. С. 87–89.

Шатинова Н.И. Семья у алтайцев. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-е Алт. кн. изд-ва, 1981. 184 с.

Шелепова Е.В. Планиграфия «поминальных» сооружений пазырыкской культуры Алтая // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2005. С. 228–230.

Шульга П.И. К вопросу о планировке могильников скифского времени на Алтае // Скифо-сибирский мир. Кемерово: Б.и., 1989. Ч. II. С. 41–44.

Т.Г. Горбунова

Алтайский государственный университет, Барнаул

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ

КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Реконструкции, позволяющие воссоздать историко-культурную ситуацию и явления прошлого, являются важнейшим направлением археологических исследований. Результаты их применения, как правило, наглядны, предметны и позволяют непосредственно увидеть элементы древней или средневековой материальной культуры. Реконструкция практически всегда представляет собой комплексное исследование, поскольку основывается на привлечении всех доступных материалов, методов и способов их интерпретации (Черносвитов П.Ю., 1991, с. 7). Современное состояние источниковой базы по декорированному конскому сна-

ряжению (украшенному предметами художественного металла) эпохи раннего средневековья позволяет применить различные методы их реконструкции. Работа такого направления актуальна в силу того, что объектом исследования в данном случае выступают одни из самых массовых категорий археологических находок обозначенного периода исторического времени. Кроме того, украшения конской амуниции являются важными диагностирующими показателями хронологического и этнокультурного плана. Они ярко демонстрируют морфологические, технологические и художественные новации, культурные традиции в изготовлении и оформлении художественного металла, направления миграционных процессов, торговые или военные контакты и многое другое.

Источниковую базу для реконструкции декорированных комплектов конского снаряжения эпохи раннего средневековья составляют две группы материалов. Первая представлена *вещественными археологическими источниками* – металлическими украшениями (цветные металлы, железо) и фрагментами кожаных конструкций, на которых они закреплялись. Среди таких изделий можно обозначить следующие категории: бляхи-накладки, бляхи-подвески, распределители ремней, султанчики, наконечники ремней. Каждая из категорий украшений имела определенное назначение и особенности применения. *Наконечники ремней* – это декоративные и функциональные детали конского снаряжения, которые крепились к зафиксированному в пряжке или свободно свисающему концу ремня и предохраняли его от быстрого изнашивания. *Распределители ремней* представляют собой украшения и функциональные детали конской амуниции. Они служили для сочленения ремней и указывали их направление. Железные распределители (кольчатые и кольчатые с подвижными лопастями) имели преимущественно функциональное назначение. С появлением в VII в. цельных распределителей из цветных металлов их назначение стало исключительно декоративным. Следующая категория украшений снаряжения верхового коня – *бляхи* – фигурные пластины, изготовленные из цветного металла или железа. Такие изделия располагались как на основных (функциональных), так и на декоративных ремешках амуниции верховых лошадей. Бляхи представляют собой самую многочисленную и разнообразную категорию конских украшений. Исходя из отличий изделий данной категории по форме, назначению, использованию и размещению на ремнях, их можно разделить на три подкатегории:

- бляхи-накладки (могли располагаться на любых ремнях амуниции);
- налобные бляхи-подвески (крепились к налобному ремню);
- бляхи-подвески на нащечные ремни узды, нагрудник (подперсье) и накрупник (павы) конского снаряжения.

Подвески на налобный и прочие ремни амуниции верхового коня традиционно отличались более крупными пропорциями, сердцевидной или округлой формой, специфическими декоративными элементами.

Наконец, *султанчики* представляют собой украшения конского снаряжения, состоящие из втулки и пластины и служащие для закрепления волосяного или перьевого султана на ремне. Известны султанчики, которые закреплялись на наносном или налобном ремне оголовья, а также начельные (устроенные между налобным и затылочным ремнями) или накрупные (закреплялись на накрупном ремне снаряжения коня). Рассматриваемые декоративные изделия состояли из втулки и пластины. Султанная втулка – это полая трубка, зафиксированная в пластине перпендикулярно ей или непосредственно на ремне. Пластина – основание султанчика, служащее для установления втулки и закрепления изделия на ремне оголовья или накрупника. Обязательным элементом рассматриваемых украшений был волосяной султан – прядь конских волос (перьев), ради которой и устраивалась вышеописанная конструкция. *Пряжки и тренчики*, входящие в состав зафиксированных археологически уздечных наборов, являлись функциональными деталями снаряжения: первые служили для застегивания ремней, а вторые – для дополнительной фиксации свободного

конца ремня. Иногда эти изделия также декорировались при помощи элементов геометрического или растительного орнамента.

В силу того, что декоративные детали снаряжения раннесредневековых кочевников являются археологическими материалами, при реконструкции внешнего вида уздечных и седельных комплектов особое значение приобретают такие факторы, как целостность или фрагментарность обнаруженного набора. Особое внимание следует также уделять процедуре фиксации (графической, фотографической, описательной) изделий в процессе раскопок.

Реконструируя средневековые уздечные наборы и седельные ременные конструкции, особое значение следует уделять использованию *иконографических (изобразительных) источников*. В силу специфики сохранности археологических материалов иконографические сведения порой во многом восполняют имеющиеся пробелы и помогают создать реконструкцию, максимально близкую к существовавшему в прошлом оригиналу (Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2004, с. 91–104).

Термин «иконография» в переводе с греческого означает «пишу изображение» и трактуется как система вариантов (канонов) изображения персонажа, лица, события (Пластические искусства, 1994, с. 46). В эпоху средневековья сложились определенные каноны изображения экипированных верховых лошадей или всадников, которые отображали реалии своего времени. Они фиксируются в следующих категориях иконографических источников, отражающих несколько художественных канонов.

1. Погребальные скульптуры. Значительная часть их происходит из археологических памятников территории Китая. Нам удалось собрать и проанализировать 23 таких источника, изображающих верховых коней или лошадей с всадниками (Гумилев Л.Н., 1949, с. 235, 246–247; Лубо-Лесниченко Е.И., 1984, с. 112, рис. 48.-а, б; Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В., 1984, с. 164, рис. 41.-в; Вень У, 1964; 1981, с. 82–88; 1990, с. 37; Каогу, 1983; 1985; 1992, с. 1008; Каогу Тунсинь, 1958; и др.). Среди данных материалов лишь статуэткам из двух комплексов – Астана и Туяк-Мазар – посвящены исследования на русском языке. Они представляют собой фигурки всадников на лошадях. Памятники Астана и Туяк-Мазар расположены в Турфанском оазисе (Восточный Туркестан), а рассматриваемые скульптурные изображения датируются 640 г. – 80-ми гг. VIII в. (Лубо-Лесниченко Е.И., 1984, с. 108; 111, рис. 48.-а). Исследователь Е.И. Лубо-Лесниченко (1984, с. 113) отмечал, что документы, относящиеся к третьему периоду существования могильника Астана, свидетельствуют об усилении тюрко-язычной прослойки среди населения Турфанского оазиса, в том числе о поселении в 734 г. в уезде Сичжоу целого тюркского племени. В связи с этим целесообразно привести мнение Л.Н. Гумилева (1949, с. 247, рис. 4.-6), который полагал, что скульптуры из Астаны и Туяк-Мазара представляют собой изображения тюркских воинов, служивших в войсках Танского правительства Китая. Указанные замечания позволяют нам с достаточной уверенностью констатировать, что турфанские статуэтки конных воинов изображают тюрков.

Скульптурные фигурки лошадей фиксируют достаточно четкий иконографический канон, связанный с изображением снаряжения и, по-видимому, отражающий бытовавшие реалии. На них всегда присутствуют ремни узды, нагрудника и накрупника. Уздечные конструкции переменны и соответствуют имеющимся археологическим аналогам: без налобного ремня, со всеми основными ремнями оголовья, с дополнительным срединным ремнем (параллелен нащечным и проходит посередине морды лошади). Набор изображаемых украшений достаточно стандартен: узда украшена налобной бляхой-подвеской, аналогичные изделия закреплены в районе перекрестья налобного и нащечных ремней слева и справа (на уровне глаз лошади). Нагрудник и накрупный ремни декорированы такими же украшениями, расположение и количество которых в некоторых случаях варьируется: три или пять на подперсье и четыре, шесть или двенадцать. Декор на предметах во многих

случаях воспроизводится достаточно детально: обозначены не только контуры бляхи, но и растительный орнамент, выпуклина в центре и т.д.

2. **Барельеф** представлен изображением галоширующей лошади из гробницы китайского императора Тайцзуна (умер в 649 г.) (Winogradowa N., Nikolaewa N., 1980, s. 69, abb. 36). Данный источник содержит свидетельства об уздечной конструкции, а также о нагруднике и накрупнике, украшенных подвесными кистями.

3. **Росписи** имеются на нескольких средневековых памятниках. Одним из них является пещера №11 комплекса Шикшин в Восточном Туркестане, датируемого VII–VIII вв. (Дьяконова Н.В., 1984, с. 100; 216, рис. 12). Кроме того, следует упомянуть росписи 2-й половины VII в. – 1-й половины VIII в. во дворце Афрасиаб в Средней Азии. На южной стене данного памятника изображено семь лошадей. По мнению Л.И. Альбаума (1975, с. 48–50), в данном случае представлена сцена прибытия в Самарканд (столицу Согда) посольства из Чаганиана. Названные фрагменты росписей весьма информативны. Они содержат изображения всех кожаных конструкций конской амуниции, а также декоративных элементов, среди которых подвесные кисти, бляхи-накладки, султанчики. Наиболее ценными в этом отношении являются данные из Афрасиаба, демонстрирующие семь лошадей с наносными и налобными султанчиками, а также накладками и подвесными кистями на нагрудном и накрупном ремнях (Альбаум Л.И., 1975, с. 48–50).

4. **Бронзовые бляхи** (6 экз.) изображают всадников на лошадях и происходят из памятников сросткинской культуры Сростки-I, Гилево-XII и Кондратьевка-IV (Горбунов В.В., 2003, с. 149, рис. 36.-1, 2, 4, 7, 8). Во всех случаях прослеживается уздечная конструкция с налобным, нащечными, наносным, подбородочным ремнями и поводом, в одном случае изображен также подгубный ремень. Лишь на одной из блях из комплекса Гилево-XII (Горбунов В.В., 2003, с. 149, рис. 36.-4), кроме узды, присутствует нагрудник и накрупник с подвесным украшением, что также имеет подтверждение в археологических материалах средневековых погребений из Алтайской лесостепи (Горбунова Т.Г., 2004, с. 248, рис. 1). Также бронзовая бляха с изображением всадника происходит из кыргызского комплекса Копенский Чаа-гас. Данное изделие содержит изображение всех основных ремней снаряжения, при этом седельные украшены подвесными кистями (Евтюхова Л.А., 1948, с. 47, рис. 80).

5. **Костяная гравировка** представлена на луке седла из могильника тюркской культуры Кудыргэ, датируемого 2-й половиной VI в. – 1-й половиной VII в. (Гаврилова А.А., 1965, табл. XV.-12). На данных изображениях представлен тип уздечной конструкции с налобным ремнем.

6. **Петроглифы** выполнены в технике граффити (прочерчивания) или контурной выбивки. Среди массы средневековых петроглифов Горного Алтая и Монголии информативными для реконструкции конской амуниции и ее декоративных элементов являются следующие: петроглифы из бассейна р. Чаганки (Черемисин Д.В., 2001, рис. 3) и комплекса Кара-Оюк (Горбунов В.В., 2003, рис. 35.-7) в Горном Алтае; рисунки на Сулекской писанице в Минусинской котловине (Евтюхова Л.А., 1948, с. 105, рис. 187, 191); изображение из Кочкорской долины в Центральном Тянь-Шане, датируемое 716–739 гг. (Кляшторный С.Г., 2001, с. 214); петроглиф на памятнике Цагаан-Салаа-IV (Кубарев Г.В., Цэвээндорж Д., 1999, рис. 3.-1); рисунок из урочища Хар-Хад в Монголии. Исследователи Э.А. Новгородова и М.В. Горелик (1980, рис. 6, с. 112) датировали изображения Хар-Хада VI–VII вв. и указали на их тюркскую принадлежность. На петроглифах в технике граффити узда показана прямыми прочерченными линиями (не всегда доведенными до конца). На некоторых петроглифах, кроме кожаных конструкций амуниции, изображены украшения: подвесные бляхи или кисти, число которых различно (семь или пять на нагрудном ремне; шесть, четыре или десять – на накрупном), налобные и наносные султанские украшения и подшейные кисти, а также гривы лошадей, постриженные в виде трех зубцов.

Таким образом, иконографические источники являются достаточно информативными, предоставляющими разнородные, а порой уникальные, сведения об амуниции верховых коней. Сравнительно-описательный анализ этих данных и вещественных археологических материалов позволяет составить достаточно полное представление о конструкции оголовий и седельных ремней конского снаряжения, о наборах украшений и расположении их на амуниции лошади. На наш взгляд, декорированное конское снаряжение, представленное в иконографии, отражает определенные стандартизированные наборы украшений в сочетании с конкретными ремennыми конструкциями, использовавшиеся кочевниками в эпоху раннего средневековья. Их определенная универсальность, возможно, обусловлена наличием этнокультурных контактов как средства коммуникации.

Библиографический список

- Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975. 106 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.
- Горбунова Т.Г. Реконструкция конского снаряжения сrostкинской культуры алтайской лесостепи // Традиционные культуры и общества Северной Азии (с древнейших времен до современности). Кемерово: Изд-во КемГУ, 2004. С. 246–248.
- Гумилев Л.Н. Статуэтки воинов из Туюк-Мазара // Сборник музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1949. С. 232–253.
- Гуревич Д.Я., Рогалев Г.Т. Словарь-справочник по коневодству и конному спорту. М.: Росагропромиздат, 1991. 240 с.
- Дьяконова Н.В. Осада Кушинагары // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М.: Наука, 1984. С. 97–107: ил.
- Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: ХаКНИИЯЛИ, 1948. 110 с.
- Кляшторный С.Г. Всадники Кочкорской долины // Евразия сквозь века. СПб.: ФилФ С.-Петербур. ун-та, 2001. С. 213–215.
- Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII). М.: Наука, 1984. 336 с.
- Кубарев Г.В., Цэвэндорж Д. Раннесредневековые петроглифы Монгольского Алтая // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. С. 157–169.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М.: Наука, 1984. С. 108–120: ил.
- Новгородова Э.А., Горелик М.В. Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с Монгольского Алтая // Древний Восток и античный мир. М., 1980. С. 101–112.
- Пластические искусства: Краткий терминологический словарь. М., 1994. 160 с.
- Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 126 с.
- Черемисин Д.В. Исследование петроглифов на юге Горного Алтая в 2001 году. Наскальные изображения Чаганки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. Т. VII. С. 480–484.
- Черносвитов П.Ю. Проблема исторических реконструкций как задача моделирования // Методы реконструкций в археологии. Новосибирск: Наука, 1991. С. 6–22.
- Вэнь У. 1964. №1 (на кит. яз.).
- Вэнь У. 1981. №10. С. 82–88 (на кит. яз.).
- Вэнь У. 1990. №7 (на кит. яз.).
- Каогу. 1983. №5 (на кит. яз.).
- Каогу. 1985. №5 (на кит. яз.).
- Каогу. 1992. №11. С. 1004–1017 (на кит. яз.).
- Каогу Тунсинь. 1958. №1 (на кит. яз.).
- Winogradowa N., Nikolajewa N. Kunst der fernen Osten. Dresden; Moskau, 1980. 372 s.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Н.И. Быков, А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул

О РОЛИ ФАКТОРА СЕЗОННОСТИ ПРИ ОРИЕНТАЦИИ ПОГРЕБЕННЫХ ЛЮДЕЙ В КУРГАНАХ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

Ориентация погребальных, культовых, жилищных и других сооружений с учетом сторон света – явление, которое часто отмечается во многих культурах. Причинами отражения данной ситуации могут быть как рациональные подходы, так и различные верования народов, в той или иной мере основанные на практическом опыте. Показатели ориентировки, фиксируемые при археологических исследованиях, позволяют установить особенности изучаемой культуры, а также получить дополнительные сведения о духовной, хозяйственной и иных сферах деятельности людей в древности и средневековье (Генинг В.В., 1987; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; Гусаков М.Г., 1998; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003; Тишкин А.А., Леонова И.Ю., 2005; и др.).

Уже неоднократно указывалось, что многие народы при погребении придавали большое значение положению умерших. Это было связано с определенными представлениями об окружающей действительности и о смерти, которая рассматривалась в цепи превращений как переход из одного состояния в другое, из реального мира в потусторонний (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 49–55; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003, с. 63). Основная задача живых соплеменников заключалась в организации такого обряда перехода. Сроки и формы его могли быть различными (см., например: Геннеп А., 1999). Археологи фиксируют только материальные свидетельства процедуры похорон и на их основе реконструируют систему жизнедеятельности людей разных периодов истории.

Среди исследователей, занимающихся изучением пазырыкской культуры Алтая, до сих пор нет единства в том, чем обусловлена разница в ориентациях погребенных при общем доминировании направления головой в восточный сектор горизонта (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998, 2003). На этот счет высказан ряд известных соображений (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003, с. 62–63). Тем не менее поиск в закономерном выявлении доминирующих факторов продолжается. Одним из авторов статьи (Тишкин А.А., 1996; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998; и др.) последовательно апробируется методика, которую разработали В.В. Генинг и В.Ф. Генинг (1985). Суть ее заключается в необходимости изучения системы определения сторон горизонта древними обществами по движению солнца, как наиболее универсальной и распространенной традиции, для установления сезона захоронения и выявления «...многих сторон культуры и жизни древнего населения по археологическим материалам» (Генинг В.В., Генинг В.Ф., 1985, с. 152). *При этом предусматривается комплексное рассмотрение и других обстоятельств, наблюдений, фиксации* (все выделения в статье сделаны авторами. – *Ред.*). В определенной мере имеющиеся подходы можно реализовать на данных, полученных при раскопках курганов пазырыкской культуры.

Многие исследователи указывали на меридиональное расположение погребальных объектов «пазырыкцев» и преобладающую восточную ориентацию умерших (см. обзор:

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №04-01-00470а) и РГНФ–МинОКН Монголии (проект №06-01-91809а/Г).

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003, с. 54–56, 62–67). Кроме того, неоднократно рассматривалась возможность использования показателей ориентации для определения сезона захоронения и других подобных реконструкций (Мыльников В.П., 1998; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003; Быков Н.И., Быкова В.А., 2004; Быков Н.И., Быкова В.А., Слюсаренко И.Ю., 2004; и др.). Основные выводы такого изучения заключаются в следующем: 1) ориентация *большинства* погребенных в курганах пазырыкской культуры происходила с учетом точки восхода Солнца; 2) отклонения ее были связаны с сезонными изменениями момента появления Солнца или закрытости восточного горизонта.

Вместе с тем не все разделяют такую точку зрения. В данном случае мы хотим привести, обсудить и оценить аргументы «против», изложенные П.И. Шульгой (2003, с. 34) в монографии, где указано, что наше «предположение... по ряду причин... не может быть принято». Обозначенная дискуссия связана не только потому, что объектами довольно резкой «критики» по рассматриваемому вопросу в указанном произведении стали публикации авторов и соавторов данной статьи, но и для того, чтобы еще раз продемонстрировать суть наших результатов в собственной трактовке, а не через третье лицо. Кроме того, нам важно было понять, в чем причина довольно категоричных заключений и есть ли в «контррассуждениях» П.И. Шульги то рациональное, которое мы не заметили, что важно для реального решения имеющихся вопросов и будет полезно другим исследователям. Не останавливаясь на частных проявлениях неадекватного понимания нашего оппонента сути изложенного, перейдем к наиболее принципиальным моментам.

П.И. Шульга (2003, с. 35) многократно отрицает взаимосвязь ориентации погребенных и времени их захоронения: «Не связана со временем смерти и ориентация умерших пазырыкцев...» Здесь следует заметить, что мы говорим *о взаимосвязи ориентации погребенных людей именно с периодом захоронения, а не с датой смерти*. Могли быть разнесены эти моменты сильно во времени? В определенных ситуациях это имело место, а в ряде культур рассматривалось в качестве устоявшейся традиции. В случае с «пазырыкцами», вероятнее всего, *преобладала* другая тенденция. Как показали исследования, «зимние» и «летние» могильники Юго-Восточного Алтая существенно разнесены в пространстве, что можно сравнить с традиционными зимними и летними кочевьями. Получается вполне рациональная ситуация: где кочевали и жили, там и хоронили. Значит, между датой смерти и временем захоронения не должно было быть большого временного промежутка. Но даже в тех случаях, когда между датой смерти и началом погребения образовывался существенный по времени период, как, например, при «вторичных захоронениях» (Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С., 2005), то все равно ориентация манекенов демонстрирует нам тот сезон, когда совершено их захоронение. Такие показатели хорошо согласуются с данными по ориентации целых костяков на одном и том же могильнике (Дашковский П.К., Тишкин А.А., 2006, с. 20; Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С., 2006). В любом случае после фиксации ориентации погребенных в могилах можно установить сезон реализации захоронения. Затем, сравнив и проанализировав этот результат с другими данными, стоит переходить уже к многоплановым реконструкциям.

«Основной недостаток... предположения заключается в том, что время захоронения не ограничивается какими-либо сезонными рамками», – пишет П.И. Шульга (2003, с. 34). Непонятно, правда, почему это является недостатком? Как раз, наоборот, представляется **противоестественным** и **небезопасным** держать трупы всех покойников многие летние месяцы и перевозить их с одного кочевья на другое на десятки километров. Хотя в отдельных случаях этого нельзя исключать (когда хоронили «царей», доставляли родственников или **убитых** воинов издалека и т.п.). Поэтому использовались разные методы сохранности тела **умершего** и его обеззараживания (препарирование, бальзамирование, временное погребение до разложения мягких тканей и т.д.).

В качестве основного аргумента невозможности зимнего захоронения умерших П.И. Шульга (2003, с. 35) приводит следующее: «Имеющиеся данные о времени захоронения в курганах Пазырыка и Укока указывают на погребение умерших не зимой и весной..., а тогда, когда оттаивает земля, т.е. в конце мая – начале июня, второй половине июня и осенью...» Данный тезис не устраивает нас по нескольким причинам. Во-первых, геодезическо-астрономическое определение сезона захоронения, выполненное одним из авторов статьи, и данные Вернера Шоха, на которые ссылается наш оппонент, по кургану №1 могильника Ак-Алаха-III совпадают. Во-вторых, все раскопанные погребения пазырыкской культуры на Укоке были сооружены в летнее время, что подтверждают и данные геодезическо-астрономических исследований, и дендрохронологический анализ (Феномен..., 2000). В-третьих, конец мая на Укоке и сегодня является началом весны. В это время грунт там оттаивает не более чем на полметра, т.е. в любом случае пришлось бы долбить мерзлую землю еще на полтора метра. Вместе с тем в пазырыкское время наблюдалось резкое похолодание (Бутвиловский В.В., 1993; Галахов В.П., Назаров А.Н., Харламова Н.Ф., 2005), а стало быть, условия для земляных работ были хуже современных. Оттаивание грунта на двухметровую глубину на Укоке, вероятно, происходило только ближе к осени. Поэтому при сооружении курганов «пазырыкцам» в любом случае необходимо было преодолевать трудности природно-ландшафтного характера.

П.И. Шульга (2003, с. 35), первоначально ограничивая период захоронения умерших рамками теплого сезона года, далее предлагает еще более сузить его: «Очевидно, что время погребения выбирали по соображениям религиозного характера». Однако, как и в предыдущих рассуждениях, *никаких доказательств* в пользу этого вывода исследователь *не приводит*. Но даже если это было и так, то стоит подумать, на каких основаниях создавались религиозные верования и формировались их конкретные проявления. Как показывает история, чаще всего на практических. Пока о синкретичных религиозно-мифологических представлениях «пазырыкцев» можно судить в основном по археологическим материалам, и исследования в данном направлении необходимо продолжить (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003). О знаменательных датах этого полиэтничного объединения нам вообще ничего не известно.

Для «подкрепления» своих выводов об отсутствии связи между ориентацией погребенных и сезонной датой захоронения П.И. Шульга (2003, с. 35) пытается вообще отрицать наличие отклонений в ориентации погребенных в курганах пазырыкской культуры: «...ориентация в цепочках и микроцепочках обычно почти одинакова... Согласно предложенной авторами концепции мы должны заключить, что в каждой семейной или родовой цепочке в течение десятков и сотен лет хоронили только в определенное время года. Вывод явно сомнительный...» Сразу отметим, что это не соответствует истине. Например, на памятнике Уландрык-I магнитный азимут больших осей погребальных конструкций (срубов, могильных ям) варьирует от 111 до 149° (Быков Н.И., Быкова В.А., 2003). По определению, данный могильник соответствует зимнему кочевью. Захоронения там могли совершаться с середины октября по конец марта. В пазырыкское время этот период почти точно укладывался между датами равноденствия. В настоящее время точка восхода Солнца в указанный диапазон времени года находится между 90 и 128° географического азимута. Следовательно, обнаруживаются те же 38° разницы. Сектор ориентации погребенных людей несколько смещен по отношению к сектору восхода солнца по двум причинам: вследствие векового смещения Солнца по эклиптике и естественной закрытости горизонта горами. В «летних» могильниках также нет единообразия ориентаций погребенных. Они варьируют от 52 до 90° (с учетом вышеназванных факторов обычно на 10–20° больше).

Из наших основных выводов также вовсе не следует то, что в одних и тех же могильниках «пазырыкцы» хоронили на протяжении сотен лет. Во-первых, дендрохронологи-

гические исследования этого не подтверждают. Как известно, на могильнике Уландрык-1 захоронения осуществлялись не более 50 лет (Быков Н.И., Быкова В.А., Слюсаренко И.Ю., 2004). Во-вторых, именно предположение о том, что «пазырыкцы» имели сезонные могильники, позволяет снять вопрос, почему ориентации погребенных на одном могильнике были примерно «одинаковыми».

В качестве альтернативы точке восхода Солнца, как ориентира для размещения в пространстве погребальных сооружений пазырыкской культуры, П.И. Шульга (2003, с. 36) предлагает рассматривать ось могильной цепочки: «...при совершении захоронения и устройстве культовых сооружений пазырыкцы... определяли их ориентацию не по странам света или восходу солнца, а по оси цепочки... Очевидно, что основным направлением цепочек было меридиональное, а имеющиеся отклонения были в значительной степени обусловлены стремлением вписать могильник (как и свои жилища) в окружающие ландшафтные структуры». В целом данное высказывание является весьма противоречивым. Например, отрицается ориентация сооружений по сторонам света и тут же говорится о меридиональном направлении пазырыкских могильных цепочек, а ведь *эти явления абсолютно согласованы друг с другом*. Объяснение отклонений цепочек от меридионального направления стремлением древних людей вписать могильники в окружающий ландшафт (Шульга П.И., 2003, с. 36), строго говоря, не может быть принято. Дело в том, что «ландшафтные структуры» Алтая ориентированы весьма разнообразно, а расположение курганов «пазырыкцев» всегда имело направление, близкое к меридиональному. Значит, они были «привязаны» к чему-то другому? Попытка подкрепить сделанное заключение тем, что «...несомненно, сказались общечеловеческие особенности эстетического восприятия, а также заложенная афанасьевцами культурная традиция» (Шульга П.И., 2003, с. 32), выглядит, мягко говоря, неудачной.

В важнейшем уже частично цитированном выводе П.И. Шульги (2003, с. 36) о том, что «...при совершении захоронения и устройстве культовых сооружений пазырыкцы и многие другие кочевые народы Сибири и Казахстана (в VI–III вв. до н.э.) определяли их ориентацию не по странам света или восходу солнца, а по оси цепочки (ряда могил) или микроцепочки», *имеется серьезное нарушение логики*. Данное заключение рассыпается как «карточный домик» при вопросе: *«На что ориентировались «пазырыкцы» и «многие кочевые народы Сибири и Казахстана» когда создавался первый курган (и второй тоже) в выбранном для захоронений месте?» Ведь никакой цепочки и ряда могил не было!* Тем не менее первый и все остальные погребенные «пазырыкцы» лежали в соответствии со сторонами света. Несомненно, что расположение курганов и ориентация в них умерших людей тесно связаны. И здесь необходимо только поддержать «принцип перпендикулярности», выдвигаемый П.И. Шульгой (2003, с. 34) (об этом подробнее см.: Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003, с. 54–56). Но в этой связи ориентация погребенных в могилах является *причиной*, а направление цепочки – *следствием*, а не наоборот. Нарушение такой формы всеобщей связи и взаимодействия явлений, что отражают всем известные философские категории (причина и следствие. – *Авт.*), – методологическая ошибка нашего оппонента.

Наконец, цепь нелогичных и других рассуждений П.И. Шульги (2006, с. 34–36) приводит к тому, что он вообще ставит под сомнение возможность использования населением пазырыкской культуры точки восхода Солнца как ориентира. Предлагается следующее *пояснение*: «... для определения сторон света всегда использовался самый верный и надежный способ – определение севера по неподвижному участку звездного неба, в котором находилась Полярная или другая звезда» (Шульга П.И., 2003, с. 36). Данный вывод *можно* было бы оставить без комментария. Однако подобное безапелляционное утверждение *вызывает* у нас возражения следующего характера. Во-первых, вообще нет никаких (даже *самых* весьма приблизительных) доказательств того, что «пазырыкцы» для ориентации

использовали звезды, а для этого, исходя из логики П.И. Шульги, должны были хоронить и сооружать курганы ночью. Во-вторых, звезды удобны для ориентации в тех районах, где нет постоянных ориентиров, и высока вероятность сбиться с курса, т.е. в море или в пустыне. В горах, особенно непокрытых лесом, заблудиться кочевнику практически невозможно. В-третьих, если бы носители пазырыкской культуры использовали для ориентации могильных цепочек Полярную звезду, то цепочки никогда бы не имели отклонений от меридионального направления.

Солнце в жизни древних кочевников Алтая, несомненно, занимало более значимое место, чем звезды, Луна и другие маркеры ориентации. Фактор освещенности в размещении сезонных типов могильников просматривается достаточно четко. Например, «зимние» могильники всегда устраивались таким образом, чтобы увеличить продолжительность освещения (прямой солнечной радиации). Таким же образом формировались и «летние» некрополи. Однако в первом случае местность имела юго-восточную, южную и юго-западную экспозиции, а во втором – северо-восточную, восточную, северную и северо-западную.

Солнце служило для кочевников очень важным и постоянным ориентиром, «сезонным будильником», «календарем». Например, восход Солнца весной из определенной точки мог быть сигналом для начала кочевки. Для скотоводов это важно, поскольку для них не является очевидным состояние пастбища за 20–30 и более км. Можно привести множество других примеров использования именно солнца для ориентации: от установки жилища до отсчета времени (см., например: Жуковская Н.Л., 2002, с. 16–18, 40, 45–46, 198–200 и др.). Более того, имеющиеся реконструкции мировоззренческих основ «пазырыкцев» демонстрируют наличие в них комплекса индоиранских религиозных традиций, в том числе и элементов маздаизма в его митраистском варианте (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003), что предусматривает особое значение Солнца не только в божественном проявлении, но и в жизни людей.

В заключение необходимо отметить, что поиск решения вопроса о главных факторах ориентации погребенных людей в разные эпохи продолжается. Он носит дифференцированный характер и не является наиболее актуальным в исследовательской практике. Может быть есть смысл в данном направлении предпринять специальные обсуждения, которые все же должны базироваться на системном или комплексном анализе целого ряда данных, а не на стремлении абсолютизировать частные критерии и строить на них предположения.

Библиографический список

Бутвиловский В.В. Палеогеография последнего оледенения и голоцена Алтая: событийно-катастрофическая модель. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. 253 с.

Быков Н.И., Быкова В.А. Ориентация погребенных людей в курганах скифской эпохи как источник историко-географической информации // География и природопользование Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Вып. 6. С. 214–226.

Быков Н.И., Быкова В.А. Индикация расселения населения на Алтае в скифскую эпоху // Геоэкология Алтае-Саянской горной страны. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2004. Вып. 1. С. 33–35.

Быков Н.И., Быкова В.А., Панюшкина И.П., Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологическая и геодезическо-астрономическая оценка последовательности сооружения курганов в могильниках пазырыкской культуры Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 258–264.

Быков Н.И., Быкова В.А., Слюсаренко И.Ю. Индикационные возможности ориентационных свойств курганов и могильников скифской эпохи на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. Т. X, ч. II. С.

Галахов В.П., Назаров А.Н., Харламова Н.Ф. Колебания ледников и изменение климата в позднем голоцене по материалам исследований ледников и ледниковых отложений бассейна Актру (Центральный Алтай, Северо-Чуйский хребет). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 132 с.

Генинг В.В. К вопросу о традициях ориентировки погребенных ямного времени в Степном Поднепровье // Исследование социально-исторических проблем в археологии. Киев: Наукова думка, 1987. С. 186–209.

Генинг В.В., Генинг В.Ф. Метод определения древних традиций ориентировок погребенных по сторонам горизонта // Археология и методы исторических реконструкций. Киев: Наукова думка, 1985. С. 136–152.

Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература, 1999. 198 с. (Этнографическая библиотека).

Гусаков М.Г. Ориентация погребений в свете археоастрономии (от энеолита до раннего средневековья) // Древняя астрономия: небо и человек. М.: «Человек К°», 1998. С. 68–77.

Дашковский П.К., Тишкин А.А. Ханкаринский дол – памятник пазырыкской культуры в Северо-Западном Алтае // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. II. С. 20–22.

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Вторичные погребения в курганах скифского времени на памятнике Ханкаринский дол // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 62–68.

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Исследования объектов раннего железного века и средневековья на Чинетинском археологическом комплексе (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII, ч. I. С. 315–319.

Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Восточная литература, 2002. 247 с.: ил.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.

Мыльников В.П. К вопросу об определении времени сезонного монтажа погребальных сооружений из дерева // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1998. С. 69–72.

Тишкин А.А. Ориентации погребенных людей в курганах раннескифского времени Горного Алтая // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1996. С. 50–54.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Ориентация и положение погребенных людей в курганах скифской эпохи Горного Алтая // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. № 3. С. 77–83.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.

Тишкин А.А., Леонова И.Ю. Погребальная практика носителей бийкенской культуры Алтая: семантика археологического комплекса // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2005. Т. 2. С. 279–294.

Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 320 с.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с.

Л.С. Марсаолов, Н.О. Миллер

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург;

Главная астрономическая обсерватория РАН,

Санкт-Петербург

К ВОПРОСУ ОБ АБСОЛЮТНОМ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОМ ДАТИРОВАНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ*

За последние шесть десятилетий определения абсолютного возраста памятников Северо-Алтая (больших Пазырыкских, Туэктинских курганов, Аржана-1 и др.) как методом археологических параллелей, так и с помощью «точного» радиоуглеродного метода, привели к расхождению между датировками отдельных исследователей на одно–три столетия,

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект №07-06-00183).

что ныне мало приемлемо для хорошо изученного «скифского» времени степного региона Евразии.

В 1950–1980-е гг. многие археологи верили, что радиоуглеродный и дендрохронологический методы помогут однозначно решить вопросы абсолютного датирования археологических памятников.

К концу XX в. начали накапливаться противоречивые факты между археологическими и естественно-научными датировками (Марсадолов Л.С., 1997 и др.). В начале XXI в. закончилась естественно-научная эйфория и все более востребованным становится комплексный подход при датировании археологических объектов.

На современном этапе научных исследований, как и полвека назад, пока возможны три основных пути абсолютного датирования саяно-алтайских курганов: 1) археологический; 2) дендрохронологический; 3) радиоуглеродный (Руденко С.И., 1960; Марсадолов Л.С., 1984, 1996, 2004; Евразия..., 2005; и др.). Не касаясь пока сложностей археологических датировок больших курганов Саяно-Алтая, отметим неоднозначность радиоуглеродных и дендрохронологических определений их абсолютного возраста.

Никто из археологов никогда даже не пытался синхронизировать большие Туэктинские и Башадарские курганы Алтая с Келермесскими курганами Кубани из-за значительного различия в находках конского снаряжения и предметах искусства, выполненных в зверином стиле, из-за археологически понятного временного разрыва этих памятников. Радиоуглеродчики и математики вначале получили с 95-процентной вероятностью дату для Туэкты-1 – около **655 г. до н.э.** (Зайцева Г.И., Васильев С.С. и др., 1997, с. 40; см. возражения: Марсадолов Л.С., 1997, с. 49). Затем они попытались сопоставить эту дату с Келермесом, что у них «не подтвердилось», а в результате на тех же старых радиоуглеродных определениях получили еще одну новую радиоуглеродную дату для Туэкты-1 – около **444 г. до н.э.** при доверительной вероятности 94% (Евразия..., 2005, с. 83, 16, 215). Если раньше радиоуглеродный возраст 1-го и 2-го Пазырыкских курганов определялся около 450–430 гг. до н.э., то ныне они их датируют 325–272 гг. до н.э., а Пазырык-5 – около 250 г. до н.э., вместо прежней даты около 410–380 гг. до н.э. и т.д. (Евразия..., 2005).

Хотя дендрохронология теоретически позволяет датировать деревянные археологические сооружения с точностью до одного года, но результаты дендрохронологических исследований на материалах из саяно-алтайских курганов, проведенные И.М. Замоториным, Е.И. Захариевой, Л.С. Марсадоловым и И.Ю. Слюсаренко, тоже совпали лишь частично.

На современных и археологических материалах возможности перекрестного датирования дендрошквал из весьма удаленных регионов показаны в ряде работ (Колчин Б.А., Черных Н.Б., 1977, с. 7–14, 33–112; Ловелиус Н.В., 1979, с. 40–45, 53; Ситникайте А., 1978; Марсадолов Л.С., 1996, с. 50–51; и др.). В космических и земных природных явлениях заложены свои нормы исчисления времени, которые не зависят от календарей, введенных тем или иным правителем на той или иной территории и употребляемых в тот или иной исторический период. Поток солнечной радиации, доходящий до поверхности планеты Земля, вполне сопоставим на близких широтах в горных районах Северной Америки, на Урале и в Саяно-Алтае, также как близки природно-климатические зоны тундры, тайги, степей, пустынь и тропиков на разных континентах (не отрицая специфических особенностей каждого региона, можно найти и много общих закономерностей).

С точностью до года известна дендрохронологическая последовательность сооружения больших, средних и малых курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. – «ключевых» памятников этого региона. В перспективе с помощью перекрестного датирования необходимо соединить «плавающую» археологическую саяно-алтайскую дендрошкалу I тыс. до н.э. с современными образцами из того же региона, превратив ее в абсолютную. Можно было

бы связать дендрохронологические шкалы Саяно-Алтая и соседних регионов, однако и на близлежащих территориях также пока нет шкал длиной более трех тысяч лет.

Разногласия в датировках заставили авторов статьи вновь проверить надежность дендрохронологической шкалы для больших курганов Алтая. В данной работе еще раз сопоставлены мастер-шкалы и дендрохронологические ряды горных районов Алтая и Северной Америки с целью абсолютной и относительной датировки археологических памятников (Марсадалов Л.С., 1988; 1996, с. 50–51). На основе классических и современных методик обработки временных рядов были написаны программы, позволяющие выполнять сравнение двух исследуемых рядов как с помощью математических методов, так и визуально.

Весь процесс дендрохронологического исследования распадается на три самостоятельных, но взаимосвязанных этапа: **А** – подготовка и исследование исходных данных; **Б** – синхронизация; **В** – сопоставление результатов.

Традиционная методика дендрохронологического анализа обычно заключается в том, что производится сравнение размеров годовичных колец не датированного образца с ранее проверенной мастер-шкалой. Исследуемый ряд последовательно сдвигается вдоль мастер-шкалы, пока не будет достигнуто наибольшее сходство. Теоретически совместить графики у сравниваемых образцов можно только в пределах строго определенного участка шкалы, но практически все гораздо сложнее. Величины годовичных колец на разных образцах и даже на разных радиусах одного спила очень часто не совпадают друг с другом. Поэтому при синхронизации мы имеем дело не с поиском тождества, а с установлением степени сходства, которая может лишь относительно приближаться к 100% и является вероятностной мерой.

Различия в методах и подходах разных авторов, использующих математические методы, заключаются, на наш взгляд, с одной стороны, в выборе методов преобразования как мастер-шкал, так и исследуемых дендрохронологических рядов (на этапе **А**), а с другой – критериев для сравнения этих рядов (на этапе **Б**). Полученные в результате математической обработки временные ряды должны по возможности сохранять типичные, характерные особенности исследуемого дендроряда. Обычно для таких преобразований используют следующие приемы: выделение трендов с различным «шагом», фильтрация низких частот, снятие фактора роста тем или иным методом, нормализация логарифмированием и др. В данной работе для синхронизации дендрорядов предлагается комплексное использование различных методов.

Кроме стандартных дендрохронологических методов (Абросов Н.С., Мазепа В.С., 1984), использовался метод сингулярного спектрального анализа, предложенный в СПбГУ (Данилов Д.Л., Жиглявский А.А., 1997). В зарубежной литературе аналогичный метод известен как SSA (Singular Spectrum Analysis). С помощью этого метода можно исключать фактор возраста дерева, выделять периодические вариации мастер-шкал, находить похожие вариации в датированном ряде.

Перед проведением исследований была выполнена проверка того, насколько полученный результат зависит от выбора мастер-шкалы. Предварительная датировка на тестовых примерах показала сходные результаты датирования по двум американским мастер-шкалам (Ca535, Methuselan walk, White Mountains, Bristlecone Pine, V.C. La Marche, 6000 BC – 1979 AD), Ca506, White Mountains, California, Bristlecone Pine, C.W. Ferguson, Edmund Schulman, H.C. Fritts, 5141 BC – 1962 AD). Кроме того, для всех используемых модификаций ряда была проведена проверка на чувствительность к вычисляемым критериям. Применялись два критерия – коэффициент корреляции (R) и процент сходства изменчивости (Sx). Для каждого из них и для каждой модификации ряда строились динамические кривые, аналогичные кросс-корреляции. Для тестового модельного примера были выбраны американские мастер-шкалы (Ca535 и Ca533, Campito montain, California, V.C. La Marche, 626–1500 AD).

Эти дендрохронологические ряды построены на материалах, полученных из одного ареала. Почти на всех динамических кривых в точке точной синхронизации получился резко выделяющийся пик. В случае логарифмической кривой пик в нужной области статистически ничем не отличается от остальных локальных максимумов, следовательно, поиск нужной точки синхронизации только по логарифмическим кривым выполнить сложно. Динамические кривые, построенные по низкочастотным составляющим, сильно отличаются в зависимости от выбранного критерия. На кривой кросс-корреляции в месте синхронизации есть небольшой локальный максимум, который может носить случайный характер, а максимальный пик имеется на кривой, характеризующей динамику процента сходства изменчивости дендрохронологического образца. На рисунке 1 приведен результат синхронизации этих рядов. Надо отметить, что отдельно взятый образец иногда сильно отличается от мастер-шкалы, особенно в том случае, если место произрастания дерева находится на другом континенте. Поэтому пики для исследуемых образцов там значительно ниже. На рисунке 2 видно наличие максимального пика, но уже не так сильно выделяющегося из всего остального ряда. Таким образом, используя всю сумму динамических кривых, можно найти необходимые точки для дальнейшего уточнения при синхронизации разных образцов.

В данной работе на этапе А для исключения фактора возраста и приведения дендрохронологических данных в сопоставимый вид, позволяющий выполнить датировку каждого ряда, использовались следующие методы:

1. Фильтрации на различных частотах с последующей нормировкой исходного ряда.
2. Модифицированный метод сингулярного спектрального анализа, который в данном случае используется для выделения и последующего исключения тренда. В результате мы получаем кривую роста дерева, специфическую для каждого образца, при этом не теряется информация на концах ряда. На рисунке 3 приведен результат обработки методом SSA образца d-03 из кургана Пазырык-1.

3. Метод полулогарифмических кривых, разработанный в Институте археологии РАН (Колчин Б.А., Черных Н.Б., 1977). В полулогарифмическом графике различие между любыми двумя соседними годичными кольцами зависит не от их абсолютного размера, а от отношений их величин. По этой шкале один и тот же процент изменения годичного прироста дает один и тот же угол наклона и ту же длину отрезка кривой, независимо от абсолютной ширины кольца. На полулогарифмической кривой максимумы сглаживаются, а минимумы усиливаются. В некоторых случаях это особенно важно, так как дает возможность выбора точного места синхронизации при прочих равных условиях. Пример синхронизации дендрошкал образца d-26 из кургана Туэкта-1 и американской мастер-шкалы Са506 с учетом фактора роста и логарифмической кривой приведен на рисунке 4.

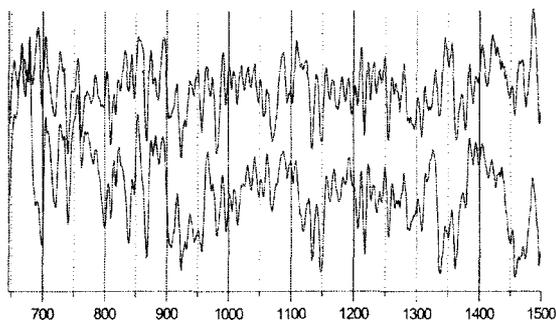

Рис. 1. Результат синхронизации двух мастер-шкал Са535 и Са533 из района Белых гор, Америка (тестовый пример)

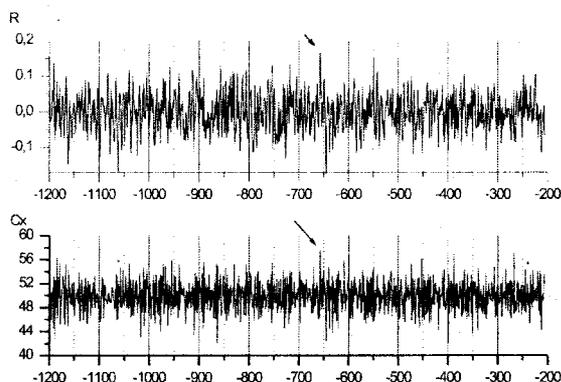

Рис. 2. Суммарная динамическая кривая, показывающая корреляцию R (верхний рисунок) и процент сходства изменчивости Сх (нижний рисунок) одного из дендрообразцов с Алтая и мастер-шкалы из района Белых гор, Америка. Максимальное значение – место синхронизации (тестовый пример)

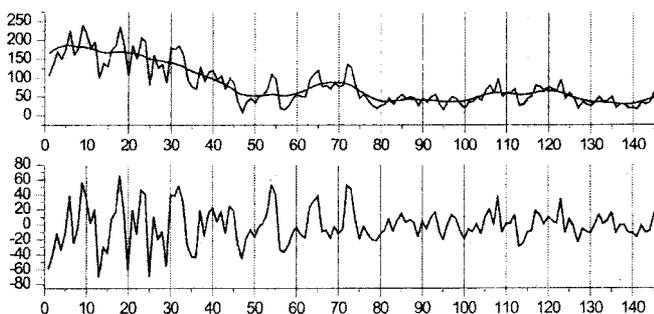

Рис. 3. Тестовые примеры: вверху – кривая колебания годичных колец для образца d-03 из кургана Пазырык-1 и ее тренд (или кривая роста дерева), полученная методом сингулярного спектрального анализа. Внизу – результат модификации исходного ряда

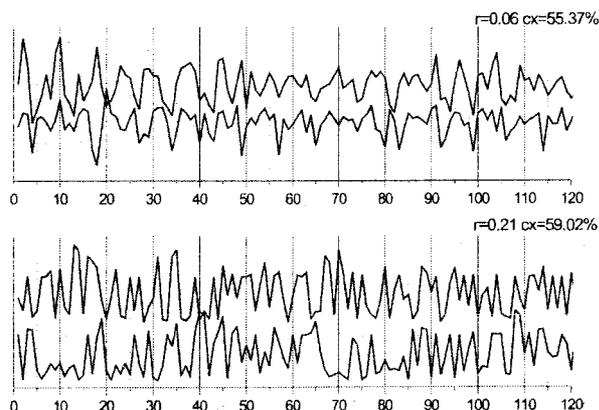

Рис. 4. Пример визуального контроля в месте синхронизации радиального прироста деревьев мастер-шкалы из района Белых гор (Америка, Са506) – верхняя кривая и образца d-26 из кургана Тузкта-1 – нижняя кривая. Верхний график – исходные ряды с учетом фактора роста методом SSA. Нижний график – полулогарифмическая модификация этих рядов

При датировании каждого образца была выбрана наилучшая мастер-шкала с точки зрения однородности исследуемых рядов. Для проверки однородности дендрорядов использовался ранговый критерий Вилкоксона, а также проверялась гипотеза о принадлежности сравниваемых рядов к одному типу распределения.

Для каждого образца была построена матрица, столбцы, которой представляют собой исходный ряд, преобразованный различными методами (прирост относительно кривой роста дерева, прирост относительно среднего значения годичной нормы роста, относительная скорость прироста и др.). Аналогичная матрица строилась и по мастер-шкале, а затем производилось сравнение этих матриц между собой.

При синхронизации дендрохронологических данных были использованы в основном два критерия – коэффициент корреляции (R) и процент сходства изменчивости (Sx). Исходя из предположения, что в один и тот же временной момент два дерева находятся под воздействием комплекса одних и тех же факторов, можно учесть тенденцию их изменчивости в отношении одного к другому.

На этапе **Б** было выполнено построение динамических кривых, аналогичных представленным на рисунке 2, для всех модификаций исходного ряда и всех используемых критериев сравнения. Из этого множества были выбраны совпадающие локальные максимумы, превышающие 20% уровень, и в результате было получено небольшое число точек (от 8 до 20), по сравнению с длиной мастер-шкалы (1500 лет). Далее выполнялось тщательное исследование всех найденных значений, построение визуальных кривых для каждой точки исследуемой области с вычисленными критериями (рис. 4).

При уточнении дендрохронологической шкалы Алтая I тыс. до н.э. использовался модифицированный метод сингулярного спектрального анализа. Результат преобразования можно представить в двухпараметрической форме, рассматривая главные компоненты совместно с векторами собственных чисел. В данной модификации этого метода набор базисных функций (а именно, собственных векторов) порождается самой исследуемой функцией. Для выделения из обоих рядов компонентов, отражающих наиболее общие тенденции, присутствующие в обоих рядах, использовалась многомерная реализация метода. В этом случае главные компоненты являются общими для всей системы рядов, в то время как собственные вектора состоят из частей, соответствующих отдельным рядам. В результате обработки мы получаем две сглаженные кривые и снова оцениваем критерии R и Sx . При правильной синхронизации должны получаться обычные для статистики высокие значения R и Sx . Кроме того, визуальное сравнение трендов (рис. 5) и контроль остатков позволяют сделать выводы о качестве датировки.

По каждому образцу составлялась таблица возможных датировок, в которой приведены значения критериев для каждой выделенной точки. В таблицах 1–3 приведены значения R и Sx для дендрорядов после выделения наиболее значимых компонент (>85%) многомерным сингулярным спектральным анализом. Для образцов d-26 и d-07 синхронизация проводилась с американской мастер-шкалой Ca506, а для образца d-27 из Туэкты-1 – с Ca535. В предлагаемых для примера таблицах и рисунках приведены результаты перекрестного датирования для Туэкты-1 (рис. 6) и курганов Пазырыка (рис. 9–11). В таблицах 1–3 годом сооружения объекта является «конечный год», т.е. год рубки дерева или последнего кольца на спиле.

Таблица 1

Выделяющиеся точки синхронизации
для образца d-26 из Туэкты-1 (123 годичных колец)**

Начальный год (BC)	Конечный год (BC)	Коэффициент корреляции (R)	Сходство изменчивости (Сх%)
-780	-658	0,68	77,05
-731	-609	0,43	57,38
-723	-601	0,16	79,51
-715	-593	0,5	77,87
-698	-576	0,38	71,31
-524	-402	0,7	81,15

** в образце d-26 не достает более 5 последних годичных колец.

Таблица 2

Выделяющиеся точки синхронизации
для образца d-27 из Туэкты-1 (119 годичных колец)

Начальный год (BC)	Конечный год (BC)	Коэффициент корреляции (R)	Сходство изменчивости (Сх%)
-837	-719	0,41	68,1
-822	-704	0,12	61,21
-708	-590	0,23	68,1
-702	-584	0,2	71,55
-694	-576	0,14	69,83

Таблица 3

Выделяющиеся точки синхронизации
для образца d-07 из Пазырыка-2 (205 годичных колец)

Начальный год (BC)	Конечный год (BC)	Коэффициент корреляции (R)	Сходство изменчивости (Сх%)
-718	-514	0,19	60,8
-657	-453	0,32	70,1
-650	-446	0,2	63,2
-609	-405	0,14	64,7
-601	-397	0,31	64,7
-542	-338	0,5	67,2
-388	-184	0,2	60,3

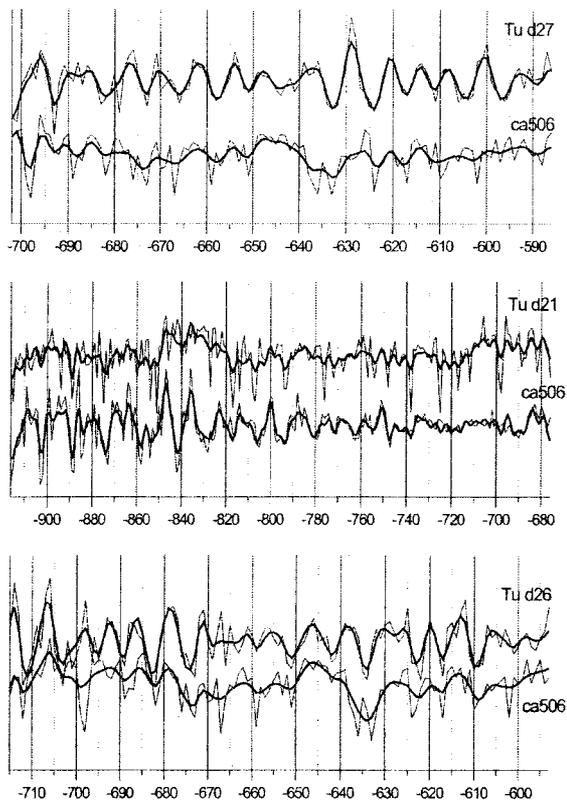

Рис. 5. Визуальное сопоставление-синхронизация дендрошквал из Туэцкы-1 с отрезками мастер-шкалы из района Бельх гор (Америка, Ca506)

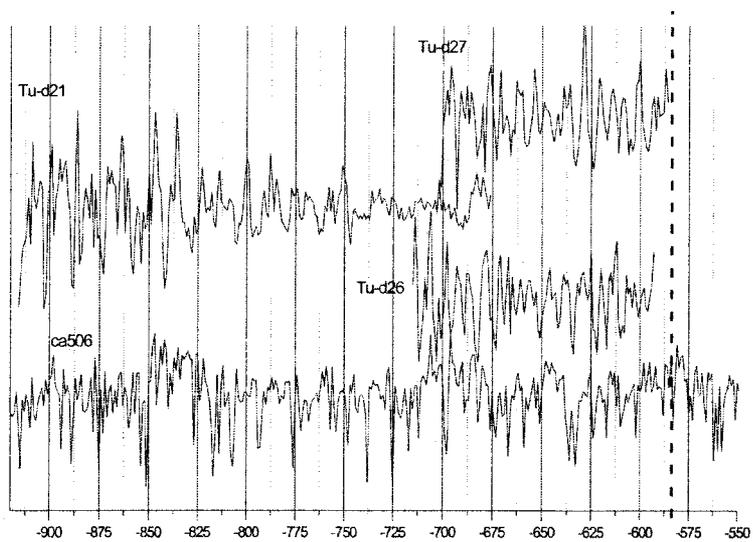

Рис. 6. Синхронизация дендрошквал из Туэцкы-1 с мастер-шкалой из района Бельх Гор (Америка, Ca506). Дата сооружения кургана – 583 г. до н.э.

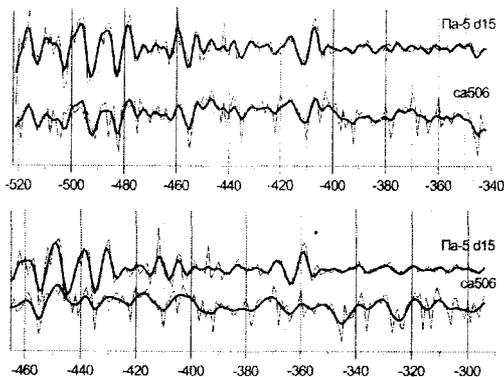

Рис. 7. Визуальное сопоставление результата синхронизации образца d-15 из Пазырыка-5 с отрезками мастер-шкалы из района Белых гор (Америка, Ca506). Возможность разных вариантов синхронизации (тестовый пример)

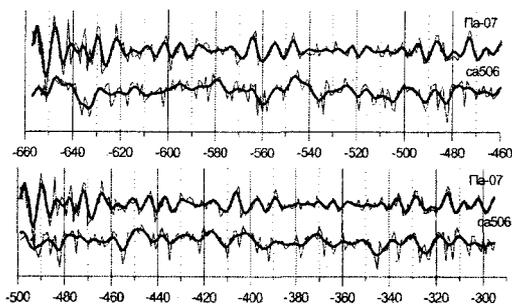

Рис. 8. Визуальное сопоставление результата синхронизации образца d-07 из Пазырык-2 с отрезками мастер-шкалы из района Белых гор (Америка, Ca506). Два возможных варианта – ок. 453 г. до н.э. (верхние графики) и ок. 300 г. до н.э. (нижние графики)

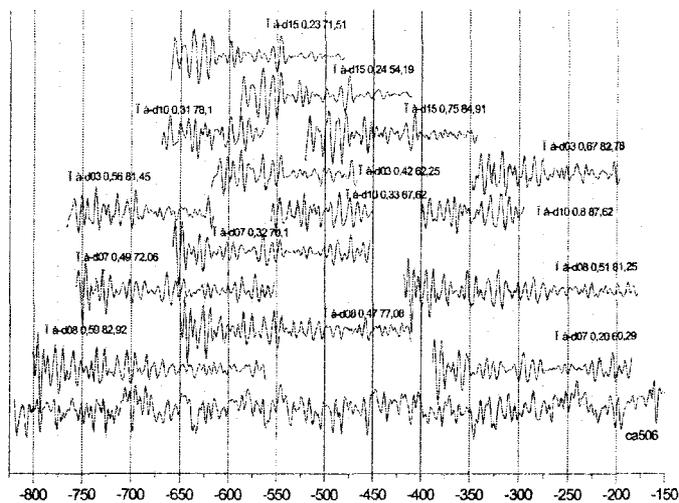

Рис. 9. Возможные варианты синхронизации дендрощал из Пазырыка и мастер-шкалы из района Белых гор (Америка, Ca506)

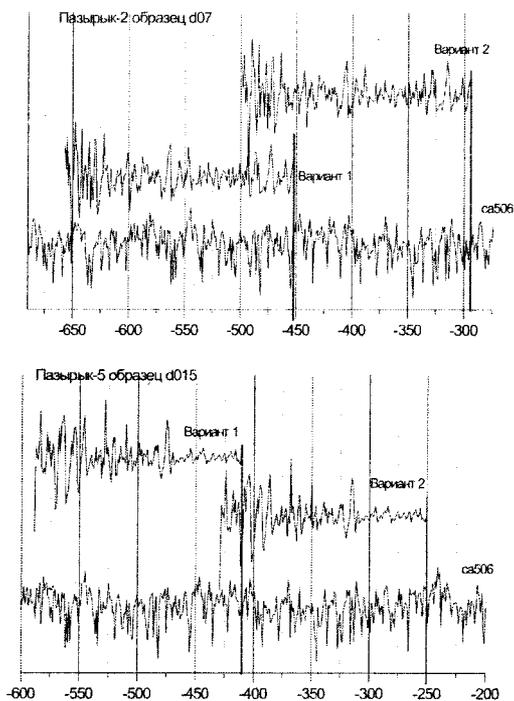

Рис. 10. Два основных возможных варианта синхронизации дендрощкал из 2-го и 5-го Пазырыкских курганов с мастер-шкалой из района Белых гор (Америка, Ca506)

Использованная методика перекрестного датирования вполне себя оправдывает, хотя в некоторых случаях сложно однозначно отдать предпочтение той или иной точке синхронизации. В перспективе необходимо произвести более детальное дендрохронологическое и климатологическое исследование как отдельных образцов, так и мастер-шкал Саяно-Алтая, сопоставив их с соседними и удаленными регионами.

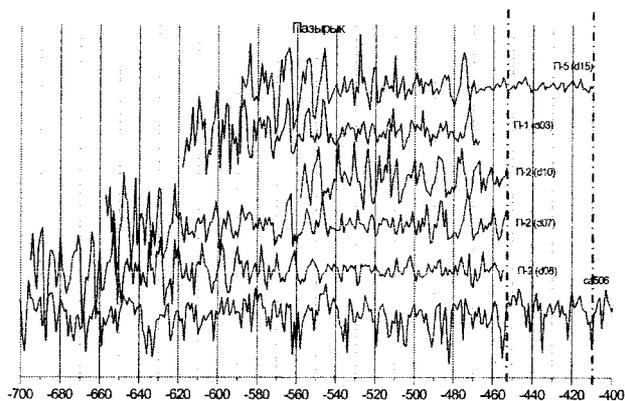

Рис. 11. Синхронизация дендрощкал из Пазырыкских курганов с мастер-шкалой из района Белых гор (Америка, Ca506). Вариант 1-й

Радиоуглеродные и дендрохронологические шкалы связаны между собой как братья-близнецы, так как калибровочные радиоуглеродные поправки получены на основании радиоуглеродных датировок взаимосвязанных дендробразцов. Для примера разброса радиоуглеродных интервалов образца d-24 из Туэжты-1 можно привести даты, полученные лабораторией в Нидерландах (GrN-22504, 2463 ± 16 , с вероятностью 2 сигмы (95%) – **761–676, 660–633, 589–586, 552–472, 453–414** гг. до н.э. – см.: Зайцева Г.И., Васильев С.С. и др., 1997, с. 43). Эти радиоуглеродные даты в чем-то близки и к выделяющимся точкам синхронизации туэжтинских дендробразцов d-26 и d-27: **719–704, 658–650, 593–576, 402–392** гг. до н.э. (табл. 1 и 2).

Радиоуглеродчики и математики вначале выбрали для Туэжты-1 интервал около 655 г. до н.э., а затем на основе тех же радиоуглеродных определений сразу «омолодили» дату на 210 лет – 444 г. до н.э. Ранние интервалы 700–600 гг. до н.э. для Туэжты-1 ныне уже можно считать не подтвержденными. Два периода синхронизации 590–580 и 450–400-е гг. до н.э. пока еще остаются дискуссионными. Дата около **583 г. до н.э. для кургана Туэжты-1** представляется предпочтительнее, так как между археологами, специалистами по «скифскому» времени Алтая, существуют лишь небольшие разногласия по поводу датировки Туэжты-1 и Башадара-2 в рамках 580-х, 550-х или 530-х гг. до н.э., т.е. в пределах 50 лет.

Для дендрошкал из курганов Пазырык-2 и Пазырык-5, между которыми около 50 лет, было проверено два варианта возможной синхронизации – 450–400-е и 300–250 гг. до н.э. (рис. 8–11, табл. 3). Возможные датировки, попадающие в интервал от 330 до 180 гг. до н.э., обладают гораздо более низкой доверительной вероятностью, чем дендродата – **453 г. до н.э. для кургана Пазырык-2**.

Если допустить, что точки синхронизации (табл. 1–3) около 400 г. до н.э. (для Туэжты-1) и 338 г. до н.э. (для Пазырыка-2) вроде бы подтверждаются новыми радиоуглеродными датами, то тогда надо сделать и второе допущение, что между Туэжтой-1 и Пазырыком-2 всего около 60 лет, а это не соответствует дендрохронологическим выводам об их разрыве в 130 лет и многочисленным археологическим находкам, а, вероятнее, свидетельствует о природной ритмичности.

Ритмичность природных процессов можно пояснить и на примере в чем-то повторяющихся общественно-исторических периодов. Как историки любят сравнивать периоды «жестких» правлений Ивана Грозного (XVI в.), Николая I (XIX в.) и Сталина (XX в.) и находить в них много общих закономерностей, так и в природных явлениях заложены свои повторяющиеся ритмы, отраженные в неравномерности прироста годовых колец на дереве. Но времена царя Ивана Грозного, императора Николая I и генсека Сталина – это разные исторические эпохи со своими специфическими закономерностями, с разной культурой и художественными стилями.

Каждому археологическому столетию также присущи свои исторически неповторимые особенности, набор предметов, создающих стиль эпохи. Образы зверей, сцены борьбы, орнаменты из Туэжты-1, Башадара-2 тяготеют к ассирийскому и фригийскому влиянию VII – начала VI вв. до н.э., что неоднократно подчеркивалось в работах С.И. Руденко, Л.Л. Барковой, Л.С. Марсадолова, И.В. Рукавишниковой и др. Если бы эти памятники относились ко времени позже 450-х гг. до н.э., то они уже в течение более чем 80–100 лет (3–5 поколений кочевников) должны были бы испытывать влияние ахеменидской культуры и искусства, но этого нет.

Зато находки из 2-го и 1-го Пазырыкских курганов очень ярко демонстрируют такое ахеменидское воздействие. Именно в Пазырыке-2 и близких к нему по времени (2-я половина V в. до н.э.) ранних Семибратних и Филипповских курганах были найдены импортные серебряные ахеменидские предметы (Руденко С.И., 1953, 1960; Марсадолов Л.С., 1987 и др.).

Многие ранние туэктинско-башадарские звериные образы и орнаменты являются дальнейшим «эволюционным» развитием художественного стиля предшествующих им по времени курганов Аржан-1 и Аржан-2. Новые радиоуглеродные даты Аржана-2 и Туэкты-1 дают разрыв между ними почти в 200 лет, 2-я половина VII – 2-я половина V вв. до н.э. (Евразия..., 2005, с. 215). Судя по многочисленным археологическим материалам, величина такого хронологического разрыва, вероятно, менее столетия, что хорошо можно проследить при детальном анализе находок из курганов Алтая и Тувы, а также при их сопоставлении с другими памятниками на общей евразийской хронологической шкале (рис. 12).

Как и в археологическом, так в радиоуглеродном и дендрохронологическом анализе есть много специфических «подводных» камней. Это и порождает множество спорных датировок, за которыми не надо сразу же слепо следовать, ибо они могут завести в тупик. Последние по времени работы иногда бывают и не самыми правильными, хотя они вроде бы фундаментальнее опровергают своих предшественников. Археологов должны радовать не только новые разработки и выводы, но и *совпадения* с классическими работами своих предшественников. Несовпадения результатов должны сразу настораживать, требовать проверки другими методами и на других независимых источниках.

Уже неоднократно высокие математические коэффициенты корреляции и естественно-научные датировки могли бы завести археологов в тупики (см. выше пример с Туэкткой-1). Был уже такой случай и с датированием Пазырыкских курганов.

Используя естественно-научные методы, Е.И. Захариева в 1970-е гг. «передати-ровала» последовательность сооружения курганов в Пазырыке, ранее предложенную И.М. Замоториным. Более поздний по времени курган Пазырык-5 по ее схеме стал самым ранним, что противоречило археологическому материалу. Ошибочность ее вывода в дальнейшем была доказана археологами и дендрохронологами (Замоторин И.М., 1959; Захариева Е.А., 1974; Марсадолов Л.С., 1984, 1988, 1996, 2003; Слюсаренко И.Ю., 2000).

Е.И. Захариева слишком доверяла количественным математическим методам и использовала при расчетах перекрестного датирования дендрорядов взаимно корреляционную функцию по формуле МАР04. Неверное сопоставление (Пазырык-5 раньше Пазырыка-1) дало высокие коэффициенты корреляции – от 0,47 до 0,62, а правильное (Пазырык-1 раньше Пазырыка-5) – низкие коэффициенты – от 0,33 до 0,51 (Захариева Е.И., 1974, с. 10–11, 17). Поэтому при синхронизации дендрорядов желательно использовать несколько независимых методов корреляции и проверять, соответствуют ли их результаты выводам по археологическим источникам.

В 1990-е гг. новосибирские археологи и дендрохронологи считали, что курганы в Ак-Алахе относятся к концу пазырыкского периода и были воздвигнуты после курганов в Пазырыке, но это также противоречило археологическим находкам. В дальнейшем не только археологи, но и дендрохронологи с радиоуглеродчиками подтвердили, что Ак-Алаха датируется раньше, чем Пазырык-2 (Марсадолов Л.С., 1996, с. 56; 2003; Слюсаренко И.Ю., 2000; Евразия..., 2005).

Если вырывать из общего массива находок отдельные предметы из Туэктинских, Башадарских и Пазырыкских курганов, то им всегда можно найти аналогии в более ранних или в более поздних памятниках Евразии. Стоит ли сразу же изменять датировки взаимосвязанных «цепочек» курганов Алтая? Может быть, надо поискать и другие объяснения таким аналогиям, попытаться построить «эволюционную» схему развития предметов или художественных образов и вписать их в общую хронологическую систему Евразии?

За последние 80 лет усилиями многих ученых для Алтая создана одна из лучших хронологических шкал «скифского» времени в евразийском степном поясе. Это отмечают и авторы недавно вышедшей монографии (Евразия..., 2005, с. 222), которые пишут: «Комплексное исследование хронологии пазырыкских памятников позволяет считать эту культуру наиболее точно датированной во всем азиатском регионе».

Археологическая дата	Тува	Алтай	Казахстан	Поволжско-Уральский регион	Прикубанье	Северное Причерноморье
конец	Саглы-Бажи-IV, к. 2	Пазырык к. 5 Пазырык к. 4, 3	Джаргас	Филиповка (поздние курганы) Мечетсай Филиповка (ранние курганы) Пятимары Варна, к. 2 Блюменфельд, к. А-12 Биш-Оба Абрамовка Черниговский	№6, 7, 1, 3 (поздняя группа)	Солоха-1 Завадская Нимфейские Завадская Ильичево Журовка, к. 400 Золотой Дзюбина могила Александровка
2-я пол.	Саглы-Бажи-II, к. 1	Пазырык к. 2, 1 Ак-Алаха-3 Ак-Алаха-1	Берель		Семибратние №2, 4, 5 (ранняя группа)	
1-я пол. <u>V в. до н.э.</u>	Саглы-Бажи-VI, к. 2 Козленги I Догээ-Баары-2, к. 8, 10, 15, 16, 20 Туран, к. 93, 94, 52 Куйлуг-Хем, к. 9, 27	Култургунтас Кок-суң Туэкта, к. 2, 6, 8, 10 Арагол Туэкта-1 Башадаг, к. 2, 9, 10	Черное-1, к. 4 Усть-Буконь Уш-Бик		Уляп (грунтовый мог-к)	
2-я пол.	Алды-Бель, к. 21, Хемчиг-Бом-III, к. 1, 2 Аржан-2	Каракол-1 Бойтыгем-II, к. 2 Гилёво-10	Измайловка, к. 17 Солон Белок, к. 2 Чистый Яр Тасмола-1, к. 19 Бижэ (клад) Тасмола-V, к. 2		(поздняя группа) I Ульские I	Калитва Цикур-Лиман Перепятых
1-я пол.	Шанчуг, к. 15, 16 Усту-Ишкин-I, к. 4	Усть-Куюм Бийке Семисарт Карбан-I, к. 5	Чиликта-5 Славянка, к. 19 Юпитер, к. 1	Старое Толучеево Гумарово, п. 3 Акозинский м-к, п. 98,	Келермес (поздние) Мельгунов Келермес (ранние)	Темир гора Константиновка, к. 8
<u>VII в. до н.э.</u>					х. Алексеевский Ставропольский к-н, 1953 г.,	Тенетинка, к. 183. Емчиха, к. 375 Жаботин, к. 524

Рис. 12. Синхронизация основных археологических памятников Евразии VII-V вв. до н.э. (датировки для объектов Северного Причерноморья и Прикубанья в основном даны по: Алексеев А.Ю., 2003, с. 295-296)

Всем археологам давно известно, что не может быть двух противоречивых дат с интервалом в 150 лет для одного археологического объекта. Поэтому каждому из археологов предстоит сделать свой выбор для определения взаимосвязанных археологических дат для Туэкты-1 и Пазырыков. Еще в 1930–1950-е гг. наметились два основных направления при датировании Пазырыкских курганов – «классическое» и «омолаживающее».

«Классическое» направление – это даты классического периода – V в. до н.э., а для 1-го и 2-го Пазырыкских курганов на основе комплексного подхода – датировки **около 450-х г. до н.э.**, по работам С.И. Руденко, М.И. Артамонова, С.В. Бутомо, Ю.Н. Маркова, С.С. Сорокина, Л.Л. Барковой, М.П. Завитухиной, Л.С. Марсадолова, Ф.Р. Балонина, В.Ю. Зуева, А.А. Тишкина, Ю.Ф. Кириюшина, Н.Ф. Степановой, П.И. Шульги, ранним работам Н.А. Боковенко, А.Ю. Алексеева, Г.И. Зайцевой, С.С. Васильева и др. При этом датировании находки из 1-го и 2-го Пазырыкских курганов имеют много аналогий не только в соседних, но и в удаленных регионах Евразии – в Прикубанье, Поволжье, Приуралье, Северном Причерноморье, Китае, Передней Азии, Греции и др. (ранние Семибратские курганы, Журовка (к. 400), Берестяги (к. 4), Нимфей, Филипповка, Мечетсай, Сузы, Персеполь и др.; см. рис.12).

Есть и **11 «старых» радиоуглеродных дат** для образцов из 1-го, 2-го Пазырыкских курганов в пределах **450–430 гг. до н.э.**, а также шесть радиоуглеродных дат для Пазырыка-5 (Зайцева Г.И., Васильев С.С. и др., 1997), которые хорошо коррелировали с археологическими и дендрохронологическими датировками Пазырыкских курганов (Руденко С.И., 1960; Марсадолов Л.С., 1984, 1988, 1997). Эти радиоуглеродные даты были получены в разные годы и разными исследователями (радиоуглеродная датировки С.В. Бутомо, Ю.Н. Маркова, Г.И. Зайцевой и др., 1958–1997 гг.). Когда зарубежные радиоуглеродчики (Д. Мейллори и др.) определили новые радиоуглеродные интервалы для Пазырыка-2 после 1998 г., то вскоре и в лаборатории Г.И. Зайцевой также получили совпадающие с ними радиоуглеродные даты, которые отличались от «старых» на 150 лет, хотя иногда брались с одного и того же бревна из Пазырыка-2 (см.: Марсадолов Л.С., 2003, с. 97–99). Археологи обычно дают свои объяснения, когда изменяют даты объектов на 50–200 лет, но пока мы так и **не имеем никаких объяснений от радиоуглеродчиков – почему радиоуглеродные даты одного и того же дендробразца из Пазырыка-2 неожиданно изменились на 150–170 лет?** Если «старые» радиоуглеродные даты – «неправильные», то выходит, что археологов обманывали в течение 40 лет и около 5700 датировок, полученные в радиоуглеродной лаборатории ЛО ИА в 1950–1997 гг., для разных объектов и регионов тоже неправильные и нуждаются в корректировке.

«Омолаживающее» направление (даты **конца IV–III вв. до н.э. и позднее** для Пазырыков) опирается на археологические датировки и отдельные аналогии, опубликованные В.В. Гольмстен, С.В. Киселевым, С.П. Толстовым, К. Йеттмаром, Б.А. Раевым, Э. Банкер, К.В. Чугуновым, А.А. Ковалевым, С.В. Панковой и др., а также «новые» радиоуглеродные даты по работам Д. Мейллори, Г.И. Зайцевой, С.С. Васильева, И.Ю. Слюсаренко и недавно вышедшую монографию под ред. Г.И. Зайцевой, Н.А. Боковенко, А.Ю. Алексеева, К.В. Чугунова, Е.М. Скотт (Евразия..., 2005). При таких датах Пазырыки находятся в археологическом «вакууме» среди других степных культур Евразии, а их аналогии – только в разных районах Китая. Но проверялись ли эти китайские даты и правильно ли интерпретируются некоторые аналогии? У нас пока еще осталось слепое доверие к зарубежным датировкам, хотя новосибирские востоковеды неоднократно корректировали в сторону удревления или омоложения китайские даты в соответствии с сибирскими хронологическими схемами, например, для эпохи бронзы. И китайские археологи также свои датировки бронзовых кинжалов, ножей и других предметов корректируют по аналогичным материалам из Сибири.

Не убедительна и предполагаемая новая радиоуглеродная дата около 300 г. до н.э. для Пазырыка-2, приводимая в качестве эталона радиоуглеродного датирования по суперточному методу «Wiggle matching», когда для **231 годичного кольца** был получен **разброс радиоуглеродных интервалов в 770 лет – от 810 до 40 гг. до н.э.** (Евразия..., 2005, с. 216–220, 253–254).

Не поддержали археологи и «удревняющее» направление. Зоолог В.О. Витт, по аналогии с рельефом в Ксанфе, считал возможным датировать все пять Пазырыкских курганов концом VI или 1-й половиной V вв. до н.э., а археолог А.А. Гаврилова на основе анализа ворсового ковра отнесла Пазырык-5 ко 2-й половине VI в. до н.э., ранее 550 г. до н.э. (см. историю вопроса: Руденко С.И., 1960; Марсадолов Л.С., 1984, 1996, 1997, 2003; Чугунов К.В., 1993; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2004 и др.). Сейчас рельеф в Ксанфе датируется 470–450 гг. до н.э. (Никулина Н.М., 1994, ил. 21), что весьма близко к «классическим датам» для курганов Пазырык-1 и 2.

Эта статья написана для того, чтобы предостеречь археологов и дендрохронологов от возможной ошибки при выборе дат для больших курганов Алтая. Ныне «новые» радиоуглеродные определения, предлагаемые сторонниками «омолаживающего» направления, противоречат материальной «скифской триаде» – изменениям в конском снаряжении, вооружении, «зверином» стиле кочевников Алтая и их аналогиям в степном регионе Евразии (Руденко С.И., 1960, с. 162–172, 335–336; Марсадолов Л.С., 1987, 2003, 2004; см. рис. 12).

Археологи должны помнить о том, как радиоуглеродно-математическое **поражение** с датировкой кургана Туэкта-1 (около 655 г. до н.э., с 95-процентной вероятностью; см. выше) было **легко превращено в «новую победу»** простым передвижением дат на **210 лет** на одних и тех же «старых» радиоуглеродных датах для Туэкты-1 (около **444 г. до н.э.**, с 94-процентной вероятностью), также могут измениться и новые радиоуглеродные даты для Пазырыков при уточнении ныне несовершенных методов радиоуглеродного датирования, выдающих ряд доверительных интервалов общей длиной в 500 и более лет, что неприемлемо при датировании памятников «скифского» времени на территории Евразии (табл. 12). Почему никто из археологов и радиоуглеродчиков не передатирует Семибратние курганы на Кубани, хотя их радиоуглеродные даты наиболее близки к Пазырыкам? (Марсадолов Л.С., 2003; Евразия..., 2005). Пока рановато бросаться из одной крайности в другую, ведь и археологи имеют свой 200-летний «тернистый» путь датирования археологических объектов.

Только абсолютная дендрохронологическая шкала, откорректированная историко-археологическими методами, позволит в дальнейшем создать надежную хронологическую систему для памятников Саяно-Алтая.

Библиографический список

Абросов Н.С., Мазепа В.С. Современные подходы при изучении дендрохронологической информации и анализ временных рядов: Препринт 38Б. АН СССР. Сиб. отд. Красноярск, 1984. 51 с.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 416 с.

Данилов Д.Л., Жиглявский А.А. Главные компоненты временных рядов: метод «Гусеница». СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 308 с.

Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология / Под ред. Г.И. Зайцевой, Н.А. Боковенко, А.Ю. Алексеева, К.В. Чугунова, Е.М. Скотт. СПб.: Теза, 2005. 290 с.

Зайцева Г.И., Васильев С.С., Марсадолов Л.С., ван дер Плихт Й., Семенцов А.А., Дергачев В.А., Лебедева Л.М. Радиоуглерод и дендрохронология ключевых памятников Саяно-Алтая: статистический анализ // Радиоуглерод и археология. СПб., 1997. Вып. 2. С. 36–44.

Замоторин И.М. Относительная хронология Пазырыкских курганов // СА. 1959. №1. С. 21–30.

Захариева Е.А. Археологическое дерево как исторический источник (дендрохронология Саяно-Алтайских курганов VIII–III вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974. 20 с.

Колчин Б.А., Черных Н.Б. Дендрохронология Восточной Европы. (Абсолютные дендрохронологические шкалы с 788 по 1970 г.). М.: Наука, 1977. 128 с.

Ловелиус Н.В. Изменчивость прироста деревьев. Дендроиндикация природных процессов и антропогенных воздействий. Л., 1979. 232 с.

Марсадолов Л.С. О последовательности сооружения пяти больших курганов в Пазырыке на Алтае // АСГЭ. 1984. Вып. 25. С. 90–98.

Марсадолов Л.С. Хронологическое соотношение Пазырыкских и Семибратних курганов // АСГЭ. 1987. Вып. 28. С. 30–37.

Марсадолов Л.С. Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тысячелетия до н.э. // АСГЭ. 1988. Вып. 29. С. 65–81.

Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996. 100 с.

Марсадолов Л.С. Проблемы уточнения абсолютной хронологии больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // Радиоуглерод и археология. СПб., 1997. Вып. 2. С. 45–51.

Марсадолов Л.С. Еще раз о последовательности сооружения Пазырыкских и Бертекских курганов // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Кн. II. С. 93–103.

Марсадолов Л.С. О необходимости и возможности создания единой хронологической шкалы памятников кочевых племен степей Евразии I-го тыс. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004. С. 69–85.

Никулина Н.М. Искусство Ионии и ахеменидского Ирана. М.: Искусство, 1994. 566 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с. + табл.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 380 с.

Ситникайте А. Дендроклиматохронология 1900–1970: Библиогр. указ. Вильнюс, 1978. 285 с.

Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологический анализ дерева из памятников пазырыкской культуры Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №4. С. 122–130.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 238 с.

Чугунов К.В. Датировка больших Пазырыкских курганов – новый виток старой дискуссии // Охрана и изучение культурного населения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. 1. С. 167–169.

А.А. Тишкин, С.В. Хаврин

Алтайский государственный университет, Барнаул;

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНОГО АНАЛИЗА В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

При активном применении междисциплинарного подхода археология формируется в качестве точной научной дисциплины. Достоверность исследований базируется на объективности фиксируемых результатов раскопок и на широком использовании естественнонаучных методов. Об одном из них речь пойдет в нашей статье.

Для ученого, рассматривающего сложные процессы становления, развития и трансформации культур начиная с эпохи энеолита, актуальнейшей задачей является применение различных методов для изучения состава и способов изготовления предметов из металла – золота и серебра, меди (бронзы) и железа (Черных Е.Н., 1970; Зиняков Н.М., 1988; и др.). В таких изделиях содержится бесценная информация о месте добычи руды, навыках и возможностях металлурга-литейщика, приемах обработки, об истории использования и ремонта и т.д. Задача данной статьи заключается в представлении одного из методов, который позволяет оперативно получать сведения о химическом составе металла. Для сравнения будут приведены другие подходы и имеющиеся результаты.

Аналитических методов изучения металлических находок существует множество. Наиболее известным и апробированным является оптический (эмиссионный) спектральный анализ (Рындина Н.В., Дегтярева А.Д., 2002, с. 45–49). Одним из перспективных и развивающихся в последние годы становится **рентгенофлуоресцентный анализ (РФА)**^{*}. Этот метод основан на возбуждении и последующей регистрации характеристического рентгеновского излучения (ХРИ) атомов химических элементов исследуемого образца. Возбуждение производится источником первичного (возбуждающего) высокоэнергетического рентгеновского излучения (рентгеновской трубкой), которое выбивает электроны из внутренних орбит атомов. Образовавшиеся на внутренних орбитах вакансии неустойчивы и заполняются электронами с верхних орбит, а энергия перехода освобождается в виде квантов вторичного (характеристического) рентгенофлуоресцентного излучения. Согласно закону Мозли, энергия (длина волны) квантов ХРИ соответствует атомному номеру химического элемента. Поэтому по зарегистрированному рентгеновским спектрометром излучению можно определить качественный и количественный состав исследуемого образца, будь то изделие из металла, стекла, произведение живописи и т.д.^{**}

Рентгеновское излучение, как первичное, так и вторичное, частично поглощается воздухом, поэтому образец желательно помещать в вакуумную или наполненную инертным газом камеру, что значительно ограничивает наши возможности при изучении различных предметов. Однако использование специальной камеры необходимо, когда важно зафиксировать наличие в образце таких легких химических элементов, как сера, натрий, магний, алюминий. При исследовании археологического металла наиболее важными являются значительно более тяжелые элементы – марганец, железо, кобальт, никель, медь, цинк, мышьяк, серебро, олово, сурьма, золото, ртуть, свинец, висмут. В этом случае нет необходимости в применении изолированной камеры. Кроме того, в современных приборах предусмотрен режим насыщения пространства, окружающего изучаемый образец, инертным газом. Определенным минусом РФА является воздействие рентгеновского излучения лишь на тонкий поверхностный слой предмета, поэтому при анализе археологического металла важно, чтобы на анализируемом участке не было патины, состав которой качественно адекватен составу сплава, но количественно, в некоторых случаях, существенно от него отличен. К недостаткам метода можно отнести и относительно невысокую чувствительность – для большинства перечисленных выше элементов он составляет 0,05–0,1% (для цинка – 0,3–0,4%)^{***}.

Имея перечисленные недостатки, РФА обладает целым рядом достоинств. Во-первых, этот анализ можно причислить к неразрушающим методам исследования. Следовательно, нет необходимости высверливать пробу, что весьма существенно, когда объектом изучения является предмет, для которого нежелателен отбор даже минимального образца. Во-вторых, к неоспоримому достоинству относится быстрота проведения измерения (для одного изделия достаточно 10–200 секунд, еще некоторое время требуется на фиксацию результата). За рабочий день можно исследовать несколько десятков предметов. В-третьих, имеется значительная широта диапазона одновременно определяемых элементов: от калия до урана. В-четвертых, используется относительно небольшая площадь облучаемой поверхности образца – 1 мм². Даже на небольшом предмете (например, на бусине или бисере) можно сделать анализ в нескольких точках. В тех случаях, когда нет возможности прово-

^{*} РФА (не путать с рентгенофазовым анализом) – варианты названия: рентгеноспектральный флуоресцентный анализ, рентгеновская флуоресцентная спектроскопия, X-rays fluorescence (XRF).

^{**} О применении РФА для изучения археологического стекла см.: Галибин В.А., 2001, с. 55–56, а для исследования золотых, серебряных и бронзовых монет см.: Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л., 2001, с. 16–17, 158–160.

^{***} Здесь и далее речь идет о характеристиках прибора РФА ArtTAX, используемого в Лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа.

дить работу с целыми вещами (например, затруднена транспортировка или необходимо исследовать труднодоступные для прибора участки), результаты можно получить, отобрав очень маленькую по размерам пробу (0,1–1 мм в поперечнике).

Точность результатов обусловлена качеством и количеством имеющихся эталонов. В нашем случае при работе с археологическим металлом используются эталоны для разных типов бронз (многокомпонентных, свинцово-оловянных, сурьяно-мышьяковистых), для латуни, а также серебра и золота разных проб.

Полученные в результате РФА данные могут сохраняться в виде графиков и таблиц, заполняемых по результатам сравнения с эталонами. Таким образом отражается количественное (а в некоторых случаях лишь качественное) содержание основного металла и его рудных и искусственных примесей. К настоящему моменту только по материалам археологических памятников Алтая нами получены многие сотни результатов РФА медных, бронзовых, серебряных и золотых изделий от афанасьевского времени до позднего средневековья. Такие же серии имеются по комплексам Минусинской котловины и Тувы. Менее значительны они по другим регионам России. Большой объем полученных данных вызвал необходимость подготовки специального сервиса ввода, обработки и хранения информации. Для этого программистом Е.А. Банчик (под руководством М.Б. Левитиной) была разработана информационная система по фиксации результатов РФА изделий из металла*. Это позволило создать единую базу данных, облегчить процесс ввода информации и построения таблиц, установить возможность поиска необходимых показателей по региону, отдельному памятнику, датировке или типу предмета, а также обеспечило предоставление полученной информации в разных форматах (Word-документы, Excel-документы) и включение в эту базу данных результатов других исследователей и учреждений.

Ввиду специфики работы Лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа, когда одним из главных направлений исследований являются экспертиза и атрибуция художественных памятников (живописи, графики, скульптуры и т.д.), к настоящему моменту накоплено значительное количество данных не только по археологическому металлу, но и по предметам декоративно-прикладного искусства и нумизматики вплоть до современности. Не менее ценной информацией становятся и результаты РФА по подделкам (или репликам) предметов старины и археологии.

Особенно часто подделывают золотые и серебряные монеты. Достаточно взглянуть на прайс-листы интернет-аукционов, чтобы убедиться в этом. Любая золотая византийская монета стоит всего 5–10\$. Выявить такую подделку на основании исследования состава сплава довольно сложно, но иногда это возможно, опираясь на зафиксированное наличие нехарактерных технологических примесей (например, кадмия и олова), что отражает использование золота или серебра, выплавленного из микросхем. В некоторых случаях «помогает» несоблюдение изготовителем рецепта сплава, когда монета выполнена из слишком чистого золота (99,99%), т.е. из современного технически очищенного металла.

Другим примером несоответствия состава металла датировке изделия является «древнеегипетская статуэтка шакала». Фигурка очень искусно состарена, на поверхности имелись пятна благородной патины и участки с глубокой коррозией. Однако состав металла (латунь, содержащая 25–30% цинка) позволяет усомниться в том, что изделие является оригиналом. В данном случае мы имеем дело либо с репликой, либо с подделкой. К подобным изделиям из современного сплава относится «китайский шлем эпохи Хань», покрытый толстым слоем коррозии. Но содержание в нем 30–35% цинка свидетельствует о его значительно более «молодом» возрасте.

* Для решения поставленных задач были выбраны следующие средства: База данных MS Access 2002; язык Visual Basic for Application – для обеспечения бизнес-логики программы; OLE Automation – для обеспечения клиент-серверной структуры.

Не менее интересные, а порой и неожиданные результаты получаются при тотальном исследовании металлических изделий известных археологических коллекций.

В кургане №32 могильника карасукского времени Кюргеннер-1 (Минусинская котловина) найдено всего пять мелких бронзовых украшений. Бляшка-пуговица сделана из меди, височное кольцо – из высокооловянистой бронзы (олова 12–16%), а три простейшие пронизки (ГЭ, кол. №2408/83–85) выполнены из трех разных сплавов – медь (>99%), мышьяковистая бронза с высоким содержанием свинца (мышьяка 3–6%, свинца 1–2%) и оловянистая бронза (олова 4–6%). Пронизки должны были немного отличаться по цвету – одна красная и две бледно-розовых.

На памятнике Кудыргэ (Гаврилова А.А., 1965) в могиле №10 периода раннего средневековья найдено несколько одинаковых накладок на ремень (ГЭ, кол. №4150/142), однако РФА показал, что они выполнены из различных сплавов – многокомпонентной бронзы (Cu–Sn–Zn–Pb), низкопробного серебра (30–35%), легированного оловянистой бронзой, и серебра (>60%). Видимо, накладки на ремне располагались в определенной последовательности, и цвет сплава был очень важен. Во многих случаях РФА дает возможность представить первоначальный цвет изделий, что обеспечивает возможность объективной реконструкции и, следовательно, более достоверной интерпретации.

С помощью РФА удастся также выявить наличие позолоты (или серебрения) на бронзовом изделии в тех случаях, когда визуально в силу каких-либо причин данная особенность не устанавливается. Так, сердцевидные бляхи-накладки и распределитель ремня из средневекового могильника Чинета-II (Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В., 2004) оказались обожженными, но в спектре отчетливо прослеживалось наличие золота и ртути. Значит, до того, как эти украшения попали в костер, они имели амальгамное покрытие. Наличие золочения также легко определяется в тех случаях, когда предмет покрыт толстым слоем коррозии, скрывающей поверхность.

Имеются в практике и случаи, когда археологические предметы при извлечении из земли имели участки блестящего золотистого цвета, что, по мнению исследователей, свидетельствует о золочении. Но РФА и другие методы не выявили в составе таких изделий (и в первую очередь на поверхности) золота. В качестве примера можно привести несколько ножей и зеркал из тагарских могильников Аскизского района Хакасии (Хаврин С.В., 2001). Идеальная сохранность поверхности археологического изделия (или отдельных его участков) объясняется высоким содержанием олова в составе сплава и «благоприятными» условиями грунта. Кроме того, изделия в древности были хорошо отполированы. Блестящая золотая поверхность отмечена у индийских зеркал из памятников Рогозиха-1 (курган №5) (Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И., 2005) и Локоть-4а (курган №1) (Шульга П.И., 2003), имеющих в составе 20–28% олова. Аналогичное зеркало из могильника Пазырык (курган №2) имело также идеально сохранившуюся поверхность, что привело к ошибочному определению его как выполненному из серебра (Руденко С.И., 1953, с. 142–143). Однако оригинальный предмет, хранящийся в Государственном Эрмитаже (кол. №1684/89), изготовлен по абсолютно такому же рецепту, как и все остальные индийские зеркала (Васильков Я.В., 2003, 2004; определения С.В. Хаврина).

Из вышеизложенного понятно, что особое значение использование РФА приобретает при изучении металлических зеркал. Часть таких изделий производилась в Китае (Стратанович Г.Г., 1961). В Горном Алтае при раскопках кургана №6 памятника Пазырык обнаружена половина зеркала (рис. 1; рис. 5.-1) «... из белого металла» (Руденко С.И., 1953, с. 114, рис. 85). Исследователи склонны датировать такие находки IV в. до н.э. (Лубо-Лесниченко Е.И., 1975, с. 9, 37; Марсадалов Л.С., 2000, с. 24) и не позднее последней четверти III в. до н.э. (Масумото Т., 2005, с. 297). Подобный фрагмент металлического зеркала (рис. 2; рис. 5.-2)

найден в Верхнем Приобье при раскопках памятника Фирсово-XIV около г. Барнаула (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., Нехведавичюс Г.Л., 1994, рис. 6.-13). Аналогичный экземпляр обнаружен в 2002 г. при исследовании кургана №25 комплекса Догээ-Баары-II в Туве (Николаев Н.Н., Хаврин С.В., Кисель В.А., 2003; Николаев Н.Н., Хаврин С.В., 2004, с. 35). Широкое распространение рассматриваемые изделия получили, естественно, в самом Китае в период «сражающихся царств» (Хунань чу ту тун цзин тулу, 1960; Стратанович Г.Г., 1961; Масумото Т., 2005; и др.) – Чжаныго (453–221 гг. до н.э.) (Васильев К.В., 1998, с. 212). По поводу датировки аналогичных зеркал писала Э. Банкер, которая указала период существования мастерской по их производству в 311–222 гг. до н.э. (Bunker E.C., 1991; Васильев С.С., Слюсаренко И.Ю., Чугунов К.В., 2003, с. 26), т.е. в конце IV–III вв. до н.э. В этом плане зафиксированные изделия являются определенными индикаторами при установлении хронологии захоронений кочевников Западной и Южной Сибири скифо-сакского и «гунно-сарматского» времени.

Для сравнения был проделан анализ зеркал из кургана №6 Пазырыка (рис. 1; 5.-1) и из Фирсово-XIV (рис. 2; 5.-2). Такое исследование проводилось впервые и важно полностью отразить полученные сведения. Анализ первого изделия проделан дважды. Сначала были получены результаты по металлу, из которого выплавляли зеркало. Затем изучалась поверхность изделия в местах, покрытых серебристо-серой патиной. В первом случае зафиксированы следующие показатели: медь – 70–74%; олово – 22–25%; свинец – 2–5%; мышьяк – менее 0,3%; железо, никель, сурьма, серебро – следы. Во втором: медь – 60–64%; олово – 30–35%; свинец 2–3%, мышьяк – менее 0,5%; железо, никель, сурьма, серебро – следы. Представленные данные немного разнятся из-за того, что они демонстрируют химический состав изделия в разных местах. В этом тоже есть преимущество используемого метода, так как он позволяет более детально изучать металлические предметы из цветных металлов, обнаруженных в археологических объектах. На поверхности зеркала из Пазырыка оказалось повышенное содержание олова. С такой ситуацией мы часто сталкиваемся, исследуя предметы из свинцово-оловянистой бронзы, у которых в процессе археологического корродирования на поверхности увеличивается количество солей и окислов олова и свинца. В данном случае повышение содержания олова на поверхности – результат намеренного обогащения при изготовлении зеркала (Zhu Shoukang, He Tangkun, 1993).

Теперь рассмотрим небольшой фрагмент зеркала из Фирсово-XIV (авторы благодарны А.Б. Шамшину за предоставленную возможность опубликовать фотоснимок и сделать прорисовку этого предмета). Оказалось, что вещь также выполнена из типичной для китайских изделий свинцово-оловянистой бронзы, которая придает металлу твердость и беловатый цвет. Анализ был получен по очень маленькой пробе. Результаты такие: медь – более 50%; олово – более 20%, свинец – 6–8%; мышьяк – менее 0,5%; сурьма – менее 0,25%, висмут – менее 0,25%, никель – следы.

К настоящему времени увеличилось количество так называемых китайских зеркал, обнаруженных в памятниках Горного Алтая II в. до н.э. – I в. н.э. (усть-эдиганский этап буланкобинской культуры (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005б, 2006; Тишкин А.А., 2006а, в)). Такие предметы зафиксированы при исследовании следующих археологических комплексов – Чендек (рис. 5.-4) (Соенов В.И., Эбель А.В., 1992; Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Вайнбергер Е.В., 1992), Усть-Эдиган (рис. 5.-7) (Худяков Ю.С., 1998) и Яломан-II (рис. 3 и 4; рис. 5.-3, 5.-6) (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003; Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2004; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Дашковский П.К., 2004).

Определить китайское происхождение этих изделий помогает спектральный анализ, который демонстрирует состав металла и некоторые технологические особенности изготовления рассматриваемых предметов (Богданова-Березовская И.В., 1975). В этом плане

Рис. 1. Часть металлического зеркала из кургана №6 памятника Пазырык (Горный Алтай)

Рис. 2. Фрагмент китайского изделия, обнаруженный на памятнике Фирсово-XIV (Верхнее Приобье)

Рис. 3. Яломан-II. Зеркало из кургана №57

Рис. 4. Фрагменты зеркал из памятника Яломан-II:
а – курган №56; б – курган №52; в – курган №62; г – курган №51

Рис. 5. Фрагменты металлических зеркал и целое изделие. 1 – Пазырык, курган №6 (по: Руденко С.И., 1953); 2 – Фирсово-XIV (по: Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., Нехведавичюс Г.Л., 1994); 3 – Яломан- II, курган №57; 4 – Чендек, курган №28 (по: Соенов В.И., Эбель А.В., 1992); 5 – Яломан- II, курган №56; 6 – Яломан- II, курган №52;

7 - Усть-Эдиган, курган №30 (по: Худяков Ю.С., 1998). Прорисовки выполнены А. Кунгуровым изучалась коллекция зеркал, полученная при раскопках могильника Яломан-II. Предметный комплекс из этого памятника отражает существенное влияние материальной культуры хунну (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005а). Несмотря на то, что имеющиеся данные уже публиковались (Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2004; Тишкин А.А., 2006а, в), есть необходимость продемонстрировать их и в этой статье для иллюстрации и сравнительной демонстрации. Дело в том, что для более объективной оценки и достоверности необходимые сведения о сплаве металла были получены разными методами независимо друг от друга. Сначала по отобраным пробам в Лаборатории минералогии и геохимии Томского государственного университета (ТГУ) осуществлялся спектральный полуколичественный анализ (исполнители Е.Д. Агапова и Е.М. Цымбалова). Потом в Лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа (ГЭ) было проведено исследование самих предметов прибором рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) поверхности ArtTAX (исполнитель С.В. Хаврин). Как оказалось, использованные методы не противоречат, а дополняют полученные результаты.

В кургане №51 памятника Яломан-II найден небольшой сильно корродированный фрагмент зеркала (рис. 4.-г), орнамент на котором визуально не фиксируется. На отдельных участках просматривается «белый» цвет металла. Результаты спектрального анализа из лаборатории ТГУ выглядят следующим образом: Cu - >5; Sn - >2; P - 0,1; Mg - 0,07; Ca - 0,04; Pb - 0,03; Fe - 0,03; As - 0,01; Co - 0,003; Bi - 0,003; Zn - 0,003; Ti - 0,002; Si - 0,001; Al - 0,001; Mn - 0,001; Cr - 0,001; Ag - 0,0005; Ga - 0,0003; Ni - 0,0006; In - 0,0006 (здесь и ниже полученные данные отражены в весовых процентах, т.е. сотая часть какой-либо массы: 1 вес.% = 10 кг/т). В лаборатории ГЭ определены такие показатели: Cu - основа; Sn - <30%; Pb - <0,5%; As - следы; отмечено присутствие Ag, Bi. Эти два анализа подтверждают медно-оловянистый сплав, который сопровождают другие компоненты, придающие изделию в том числе бело-серебристый цвет.

В кургане №52 того же памятника обнаружен фрагмент от зеркала (рис. 4.-б; рис. 5.-6), которое было довольно крупным (диаметром около 10 см). Цвет изделия - «белый», местами хорошо просматриваются орнамент и другие элементы декора. Спектральный анализ тоже сделан дважды: в лаборатории ТГУ - Cu - >5; Sn - >2; Pb - >>1; As - 0,7; Bi - 0,06; Zn - 0,03; Fe - 0,01; Sb - 0,007; Ag - 0,005; Ca - 0,005; Ni - 0,002; Co - 0,002; In - 0,0015; Mn - 0,001; Mg - 0,001; Ti - 0,001; Cr - 0,001; Al - 0,0005; Ge - 0,0007; в лаборатории ГЭ - Cu - основа, Sn - 20-25 (30-35)%; Pb - 10-15 (15-20)%; Ag - <0,6%; As - <0,5%; Ni - <0,5%; Sb - следы. В скобках указано количество элементов на блестящей поверхности изделия, покрытой «благородной» патиной. В данном случае обозначенные показатели также в основном совпадают и демонстрируют сложный медно-оловянисто-свинцовый сплав, который чаще всего использовали китайские мастера для изготовления зеркал. Аналогичное изделие опубликовано в монографии Е.И. Лубо-Лесниченко (1975, с. 38, рис. 3) и датировано III в. до н.э.

Спектральный анализ фрагмента изделия из кургана №56 (рис. 4.-а; рис. 5.-5) дал следующие результаты: в лаборатории ТГУ - Cu - >5; Sn - >>2; Pb - >>1; Fe - 0,03; Zn - 0,02; As - 0,01; Bi - 0,01; Ca - 0,005; Ga - 0,003; Co - 0,003; In - 0,001; Ni - 0,001; Mn - 0,001; Mg - 0,0003; Ge - 0,0006; Ti - 0,0007; Ag - 0,0007; в лаборатории ГЭ - Cu - основа; Sn - 20-22 (25-30)%; Pb - 8-10%; Ni и Co - присутствие. И в этот раз данные совпали при выявлении основных компонентов медно-оловянисто-свинцового сплава, характерного для китайских изделий. Таким образом, можно утверждать, что оба метода работают эффективно и демонстрируют возможности адекватной атрибуции предметов из цветного металла.

Еще один маленький фрагмент китайского зеркала с орнаментом (рис. 4.-в) изучен

только в ГЭ с помощью рентгенофлуоресцентного анализа. Он был найден в кургане №61 и имеет следующий характерный состав металла: Cu – основа; Sn – 20 (35)%; Pb – 8–10 (25–30)%; As – 1–2%; Ni – следы; Ag – присутствие (Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2004, рис. 1.-8, с. 303). Датируется исследованный объект хуннским временем. Отдельные просматриваемые детали орнамента, а также данные РФА позволяют засвидетельствовать факт наличия еще одного китайского зеркала, аналогичного изделиям, обнаруженным в кургане №6 памятника Пазырык и на комплексе Фирсово-XIV.

Полученные анализы дополняют специальные исследования И.В. Богдановой-Березовской (1975, с. 140–141), которая также указала, что оловянистая бронза со свинцом являлась прекрасным сплавом для изготовления орнаментированных зеркал, а соответствующее содержание в них олова, свинца, конкретных примесей и следов индия может быть хорошим индикатором для установления подлинности импортных изделий из Китая.

Однако престижные китайские вещи уже в древности пытались подделывать. Такой случай зафиксирован при изучении находки из кургана №57 памятника Яломан-II, раскопанного в Горном Алтае. Обнаруженное целое зеркало (рис. 3; 5.-3) оказалось отлито не китайскими мастерами, а было искусно подделано другими ремесленниками, которые имели высокий уровень владения умениями и навыками изготовления таких сложных изделий. Это выразилось в результатах спектрального анализа, осуществленного в Лаборатории научно-технической экспертизы ГЭ: Cu – основа; As – 12–15%; Pb – 1–2 (5–6)%; Sb – 1–2%; Ni – 1–2%; Ag – <0,2%. Полученные данные свидетельствуют о том, что копия китайского зеркала осуществлялась со знанием дела. Серо-серебристый цвет изделия был получен не путем обогащения меди оловом, а за счет увеличения содержания мышьяка в сопровождении таких компонентов, как свинец, сурьма, никель и серебро (Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2004, с. 305). Рассматриваемое изделие имеет широкие аналогии, ближайшая из которых находится в Бийском краеведческом музее и была найдена неподалеку от г. Бийска в 1930-е гг. Дата появления зеркал такого типа ограничена II – концом I вв. до н.э. (Масумото Т., 1993, с. 251).

О местной копии, сделанной с китайского образца, пишет Ю.С. Худяков (1998, с. 137–138), основываясь, правда, только на внешних признаках. Найденная на могильнике Усть-Эдиган, эта вещь (рис. 5.-7) датируется предположительно II в. до н.э. На памятнике Чендек также обнаружен фрагмент китайского зеркала. Аналогичное изделие зафиксировано в Барабе в насыпи кургана конца II – начала I в. до н.э. Кроме этого, из Хакасии происходит подобный предмет, но датирован он более поздним временем (XII–XIV вв.) (Соенов В.И., Эбель А.В., 1992, с. 50–51). По мнению Е.И. Лубо-Лесниченко (1975, с. 119), изделие из Хакасии является копией ханьского зеркала II в. до н.э. Состав металлического сплава находок из Усть-Эдигана и Чендека пока не определен. Поэтому предметно судить о времени и месте их изготовления затруднительно. О создании копий ханьских китайских зеркал в эпоху средневековья уже неоднократно сообщалось в научной литературе (Лубо-Лесниченко Е.И., 1975, с. 11–13; Масумото Т., 1993, с. 251). Данная проблема требует дополнительных исследований с привлечением комплекса современных методов. В этой же связи следует указать еще об одной находке половины металлического зеркала, зафиксированной на памятнике, который обозначен как Чендек-VI (Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Вайнбергер Е.В., 1992, с. 60–61, рис. 1.-4). Изделие из «белого металла», кроме бортика и незатейливого орнамента, имеет иероглифическую надпись. Аналогии ему обнаруживаются среди китайских оригиналов II–I вв. до н.э., а также в более поздних копиях (Лубо-Лесниченко Е.И., 1975, с. 118, рис. 107).

Изучение китайских зеркал, найденных на памятниках Яломан-II, Усть-Эдиган и Чендек, позволяет уверенно датировать ранний (усть-эдиганский) этап булан-кобинской куль-

туры Горного Алтая II в. до н.э. – I в. н.э. (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005б, 2006). Это подтверждает небольшая серия радиоуглеродных дат (Тишкин А.А., 2004, с. 297; 2006а). Указанный период отражает время существования в Центральной Азии Империи Хунну, которая, находясь в непосредственном контакте с Китаем, оказала существенное влияние на население Южной Сибири (Крадин Н.Н., 2001).

Кроме того, в памятниках Алтая рассматриваемого периода обнаружены круглые металлические зеркала с треугольным выступом-шипом и односторонним уплощенным бортиком, аналогии которым фиксируются в материалах сарматской, саргатской и джетыасарской культур (Левина Л.М., 1996; Худяков Ю.С., 1998; и др.). Однако химический состав таких изделий не определялся. Есть перспектива проведения сравнительного анализа, так как химико-технологические исследования подобных и других зеркал сарматской культуры уже осуществлялись (см., например: Мошкова М.Г., Рындина Н.В., 1975).

При изучении последующих этапов булан-кобинской культуры также необходимо обратить внимание на всестороннее изучение металлических зеркал. Пока их обнаружено немного. В небольшом количестве интересующие нас изделия найдены и в памятниках тюркской культуры Алтая (2-я половина V–XI вв. н.э.). Единичные экземпляры зафиксированы в захоронениях монгольского времени (XII–XIV вв.) или представляют случайные находки (Гаврилова А.А., 1965; Молодин В.И., Соловьев А.И., 1994; Тишкин А.А., 2006б). Все эти группы источников еще предстоит изучить на междисциплинарном уровне.

В заключение стоит обратить внимание на то, что многие исследователи в своих работах, ориентируясь на «белый» цвет металла, пишут о «серебряных» зеркалах. Вышеприведенные и другие данные свидетельствуют об ошибочности такой характеристики. Поэтому использование подобных не обоснованных определений желательно избегать.

Библиографический список

Богданова-Березовская И.В. К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины // Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины: К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М.: Наука, 1975. С. 131–149.

Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. М.: Восточная литература, 1998. 319 с.

Васильев С.С., Слюсаренко И.Ю., Чугунов К.В. Актуальные вопросы хронологии скифского времени Саяно-Алтая // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Кн. II. С. 24–27.

Васильков Я.В. Древнейшие индийские зеркала из скифо-сарматских курганов Алтая и Южного Приуралья // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Кн. II. С. 28–33.

Васильков Я.В. Семантика изображений на индийских «зеркалах-погремушках» из погребений Алтай и Урала скифо-сарматского времени // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 283–288.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 112 с. + табл.

Галибин В.А. Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 216 с.

Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 276 с.

Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Вайнбергер Е.В. Археологические исследования в Уймонской долине // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАГПИ, ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 59–61.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.: ил.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., Нехведавичюс Г.Л. Музей археологии Алтая как учебно-научное и культурно-просветительное подразделение Алтайского государственного университета // Куль-

- турное наследие Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 99–114.
- Крадин Н.Н. Империя Хунну. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Логос, 2001. 312 с.
- Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.: ил.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины: К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М.: Наука, 1975. 155 с.+ рис.
- Марсадалов Л.С. Археологические памятники IX–III веков до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): Автореф. дис. ...доктора культурологии. СПб., 2000. 56 с.
- Масумото Т. Китайские зеркала (семиотический аспект) // Структурно-семиотическое исследование в археологии. Донецк: Изд-во ДонГУ, 2005. Т. 2. С. 295–304.
- Масумото Т. О бронзовых зеркалах, случайно обнаруженных на Алтае // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. II. С. 248–251.
- Молодин В.И., Соловьев А.И. Позднее средневековье // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск: Наука, 1994. С. 152–156.
- Мошкова М.Г., Рындина Н.В. Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья (химико-технологическое исследование) // Очерки технологии древнейших производств. М.: Наука, 1975. С. 117–133.
- Николаев Н.Н., Хаврин С.В. Некоторые итоги полевых исследований 2001–2003 гг. на могильнике Догээ-Баары-II // Археологические экспедиции за 2003 год. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 24–36.
- Николаев Н.Н., Хаврин С.В., Кисель В.А. Работы Кызыльского отряда Тувинской археологической экспедиции // Отчетная археологическая сессия за 2002 год. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 22–25.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.+ табл.
- Рындина Н.В., Дегтярева А.Д. Энеолит и бронзовый век. М.: Изд-во МГУ, 2002. 226 с.
- Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л. Монетные сплавы государств Причерноморья: Боспор, Ольвия, Тира. СПб., 2001. 203 с.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГПИ, 1992. 68 с.+ 48 рис.
- Стратанович Г.Г. Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование // Труды Института этнографии АН СССР. 1961. Вып. 73. С. 47–78.
- Тишкин А.А. О необходимости междисциплинарного изучения материалов гунно-сарматского времени Горного Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 296–300.
- Тишкин А.А. Результаты междисциплинарного изучения материалов памятника гунно-сарматского времени Яломан-II // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006а. С. 384–387.
- Тишкин А.А. Металлические зеркала монгольского времени на Алтае и некоторые результаты их изучения // Город и степь в контактной евроазиатской зоне. М.: Нумизматическая литература, 2006б. С. 191–193.
- Тишкин А.А. Китайские зеркала из памятников ранних кочевников Алтая // Россия и АТР. 2006в. №4. С. 111–115.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследование погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX, ч. I. С. 488–493.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Яломан-II на Алтае как отражение влияния материнской культуры хунну // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005а. Ч. I. С. 327–333.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005б. 200 с.+вкл.
- Тишкин А.А. Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2006. №3. С. 31–40.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Дашковский П.К. Исследование археологических микрорайонов на

Алтае // Археологические открытия 2003 года. М.: Наука, 2004. С. 476–481.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. Т. X, ч. I. С. 410–415.

Тишкин А.А., Хаврин С.В. Предварительные результаты спектрального анализа изделий из памятника гунно-сарматского времени Яломан-II (Горный Алтай) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 300–306.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 204 с.: ил.

Хаврин С.В. Металлические изделия эпохи поздней бронзы – раннего железа из Аскизского района Хакасии // Александров С.В., Паульс Е.Д., Подольский М.Л. Древности Аскизского района Хакасии. СПб.: Б.и., 2001. С. 94–97.

Худяков Ю.С. Зеркала из могильника Усть-Эдиган // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. №3. С. 135–143.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 180 с.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с.: ил.

Bunker E.C. The Chinese artifacts among the Pazyryk finds // Source. Notes the History of Art. Vol. X, №4, summer 1991. New York: Ars Brevis Foundation Inc. P. 20–29 + Fig. 17–25.

Хунань чуту тун цзин тулу (Бронзовые зеркала, обнаруженные в провинции Хунань). Пекин, 1960. №5. 179 с. (каталог зеркал на кит. яз.).

Zhu Shoukang, He Tangkun. Studies of ancient Chinese mirrors and other bronze artifacts // Metal Plating and Patination. Cultural, Technical and Historical Developments. Oxford: Butterworth-Heinemann Ltd., 1993. P. 50–62.

С.С. Тур, Я.В. Фролов

*Алтайский государственный университет, Барнаул;
Научно-производственный центр «Наследие», Барнаул*

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СМЕРТНОСТИ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ НАСЕЛЕНИЯ СТАРОАЛЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам могильника Фирсово-XIV)*

Исследования на могильнике Фирсово-XIV в сравнении с другими некрополями староалейской культуры дали наиболее представительные материалы. К настоящему времени там раскопано 99 захоронений раннего железного века (VI–IV вв. до н.э.), в большинстве своем одиночных, в редких случаях парных или тройных. Значительная численность вскрытых погребений, большая часть которых сохранилась в неповрежденном виде, относительно хорошая сохранность и полный сбор всех антропологических материалов создают необходимую основу для изучения вопроса о том, в какой мере варибельность различных элементов погребального обряда населения староалейской культуры зависит от пола и возраста погребенных.

По возрасту все погребенные были разделены в соответствии с общепринятыми в отечественной антропологии градациями: *infantilis I* (I период детства) – до 6–7 лет; *infantilis II* (II период детства) – до 12–13 лет; *juvenis* (юношеский возраст) – до 18–20 лет; *adultus* (возмужалый возраст) до 35 лет; *maturus* (зрелый возраст) – до 50–55 лет; *senilis* (старческий) – старше 50–55 лет. Возрастные подгруппы *juvenis* и *adultus* суммарно составили группу молодых мужчин и женщин, а подгруппы *maturus* и *senilis* – группу старших, граница между которыми практически совпадает со средним возрастом смерти погребенных на могильнике Фирсово-XIV. Деление по возрасту на молодых и старших позволяет избежать нежелательного уменьшения численности сопоставляемых группировок, неизбежно возникающего при более дробной возрастной классификации, однако в некоторых случаях может оказаться недостаточно информативным. Поэтому параллельно анализировались все показатели – по группам и подгруппам. Половозрастное распределение погребений, установленное на основании антропологических материалов, приводятся в таблице 1.

Для выявления характера влияния возраста умерших на погребальный обряд, помимо частоты встречаемости того или иного признака в разных половозрастных подгруппах и группах, используется еще один показатель – средний возраст мужчин и женщин, в погребениях которых данный признак имеется в наличии или, наоборот, отсутствует.

Из всех элементов погребального обряда могильника Фирсово-XIV в аспекте половозрастной зависимости анализируются лишь положение погребенных в могильной яме и состав сопроводительного инвентаря. Остальные либо имеют ограниченное число наблюдений, либо слабо варьируют.

Положение погребенных** (табл. 2). Все погребенные лежали на спине, варьирует только их ориентация, положение конечностей и головы. Различия в ориентации тела и положении головы каких-либо связей с полом и возрастом погребенных не обнаружили. Иной характер имеет варибельность положения рук и ног.

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект №06-01-00510а).

** Учитываются все случаи, где четко фиксируется наличие или отсутствие соответствующего признака, независимо от того, ограблены погребения или нет.

Таблица 1

Соотношение половозрастных групп погребенных, установленное на основании антропологических материалов (могильник Фирсово-XIV)

			Детские	Взрослые		Пол не установлен
				мужские	женские	
Детские (<14 лет)		Infantilis I (0–6 лет)	26 (24,1)			
		Infantilis II 97–13 лет)	11 (10,2)			
		Всего	37(34,3)			
Взрослые (> 14 лет)	Молодые (< 35 лет)	Juvenis (14–19 лет)		2 (1,9)	3(2,8)	3 (2,8)
		Adultus (20–35 лет)		8 (7,4)	17 (15,7)	1 (0,9)
		Всего		10 (9,3)	20 (18,5)	4 (3,7)
	Старшие (> 35 лет)	Maturus (35–55 лет)		16 (14,8)	6 (5,6)	
		Senilis (> 55 лет)		3 (2,8)	7 (6,5)	
		Всего		19 (17,6)	13 (12,0)	
	Возраст не установлен			1 (0,9)	1 (0,9)	3 (2,8)

Примечание: в скобках приведен процент от общего числа погребенных (N = 108).

Для положения рук зафиксированы три основных варианта: обе руки вытянуты вдоль тела; одна рука вытянута, другая согнута, кисть ее на тазовой кости (независимо от стороны тела); обе руки согнуты, кисти на тазовых костях или слегка отставлены в стороны. У погребенных женского пола руки вытянуты вдоль тела, никаких отступлений от этого стандарта не допускается. У погребенных мужского пола вытянутое положение рук составляет лишь 47,6%, положение с согнутыми руками – 33,3%, с одной согнутой рукой – 19,0%. На вариабельность положения рук у мужчин заметное влияние оказывает возраст погребенных. Если у молодых мужчин вытянутые руки встречаются редко (14,3%), то у старших это положение становится ведущим (64,3%). Разница по этому показателю между крайними возрастными подгруппами достигает предельной величины (0% – у юных, 100% – у старых). Соответственно средний возраст мужчин, погребенных с вытянутыми руками, значительно превышает средний возраст мужчин, погребенных с одной или обеими согнутыми руками (46,3 против 33,5 лет).

Для положения ног погребенных выделены три варианта, но варьирует оно, так же как и положение рук, только у мужчин. Все погребенные женщины и 79,2% мужчин лежали с вытянутыми ногами. У остальных мужчин ноги согнуты, а колени разведены в стороны (16,7%) или поставлены вертикально (4,2%). Положение согнутых ног с коленями, разведенными в стороны, в археологической литературе принято называть позой всадника. У молодых мужчин согнутые положения ног суммарно встречаются чаще (33,3%), чем у старших (13,3%). Средний возраст мужчин, погребенных с вытянутыми и согнутыми ногами, также различается (39,9 лет против 34,5).

Таким образом, положение рук и ног погребенных в значительной мере обусловлено их половой принадлежностью. С увеличением возраста умерших половые различия по этим признакам нивелируются. Все варианты положения рук и ног, отмеченные у взрослых погребенных, встречаются и у детей. Анализ положения погребенных в аспекте половозрастной дифференциации позволяет сделать еще один вывод, имеющий прикладное значение. Для погребенных могильника Фирсово-XIV любые согнутые положения рук или ног являются маркерами мужского пола и могут использоваться в этом качестве для половой

Таблица 2

Положение погребенных в зависимости от их пола и возраста (могилиник Фирсово-ХIV)

Возраст и пол погребенных	Кол-во могил	Ориентация								Положение рук					Положение ног				Положение головы									
		ЮЗ	СВ	СЗ	ЮВ	С	Ю	З	В	незафиксирована	вытянуты влодь	левая на таз. кости	правая на таз. кости	обе на таз. костях	согнуты и отставлены в стороны	незафиксировано	согнуты в коленях и разведены в стороны	вытянуты	согнуты и поставлены вертикально	незафиксировано	затылок приподнят (эзмянная полушка)	повернута направо	повернута налево	прямо	незафиксировано			
Juvenis, м	2	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0
adultus, м	8	6	0	0	0	0	0	1	0	1	2	0	1	1	3	2	4	1	1	0	1	2	0	2	0	2	0	2
maturus, м	16	12	0	1	0	0	1	1	0	1	7	0	1	1	3	4	2	11	0	3	3	4	3	3	4	3	3	4
senilis, м	3	2	0	0	1	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	1	0	2	0	1	0	1	0	0	1	0	0	1
Juvenis, ж	3	2	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	1	0	2	0	1	0	2	0	1	0	0	0	1
adultus, ж	17	13	0	0	0	0	2	0	2	11	1	1	0	0	4	0	14	0	3	3	2	2	3	4	3	4	3	4
maturus, ж	6	5	0	0	0	0	0	0	1	5	0	0	0	0	1	0	5	0	1	2	0	0	0	1	0	0	0	1
senilis, ж	7	6	1	0	0	0	0	0	0	6	0	0	0	0	1	0	6	0	1	0	0	3	0	2	0	2	0	2
мужчины	30	23	0	1	1	0	1	2	0	2	11	3	1	3	4	8	4	20	1	5	3	6	6	3	7	7	7	7
женщины	34	28	1	0	0	0	1	0	3	21	2	1	0	0	6	0	23	0	5	5	3	4	0	7	7	7	7	
всего	64	51	1	1	1	1	3	0	5	32	5	2	3	4	14	4	43	1	10	8	9	10	3	14	14	14	14	

Примечание: в графе «мужчины», «женщины» дополнительно учитываются случаи, когда возраст погребенных определить не удалось.

идентификации погребений. Половая диагностика на основании положения в могильной яме особенно эффективна для погребенных молодого возраста. Поскольку молодых мужчин в положении с вытянутыми руками и ногами хоронили редко (12,5%), ошибка, возможная при отнесении всех таких вариантов к женскому полу, будет невелика.

Инвентарь* (табл. 3). Сравнительный анализ материалов из разнополых погребений показывает, что одни категории сопроводительного инвентаря встречаются только в мужских или только в женских захоронениях, другие же как в мужских, так и в женских. Естественно, что единичные предметы при этом не учитываются.

Исключительно для мужских погребений характерно наличие оружия (13,6%), костяных наконечников стрел (36,4%), колчаных крюков (22,7%), которые всегда встречаются совместно – либо оружие с наконечниками стрел и колчанными крюками, либо только наконечники стрел с колчанными крюками (за исключением одного ограбленного погребения). Все эти вещи, составляющие единый комплекс, далее будут именоваться воинским набором. Более чем в половине мужских погребений (61,9%) предметы воинского набора отсутствуют. Сугубо мужским инвентарем являются и оселки (9,1%).

Исключительно в женских захоронениях были обнаружены украшения** – серьги (17,9%) и бусы (21,4%), отдельные шпильки-заколки или их скопления – остатки высокой прически (57,1%), а также пряслица (71,4%). Различные категории «женского» инвентаря часто встречается совместно. Наибольшее распространение имеет сочетание украшения-заколки, которое почти в половине случаев дополняется еще и пряслицем. Примерно с одинаковой частотой встречаются сочетания украшения-пряслице и заколки-пряслице. В редких случаях инвентарь женских погребений не содержал хотя бы одного сугубо «женского» предмета.

К группе «универсального» инвентаря, который присутствует как в мужских, так и в женских погребениях, относятся сосуды, ножи, отдельные бронзовые бляхи с изображениями в скифо-сибирском зверином стиле, состоящие из этих блях наборные пояса, а также астрагалы, подвески из зубов животных, портупейные пронизки. Однако и такие категории предметов обнаруживают определенные связи с полом умерших, проявляющиеся в неодинаковой частоте встречаемости их в мужских и женских погребениях. Так, ножи преобладают в мужских погребениях (36,4%) и очень редко присутствуют в женских (7,1%). Сосуды, наоборот, в женских погребениях встречаются чаще (46,4%), чем в мужских (27,3%). Кроме того, женщинам иногда ставили по два сосуда, мужчинам – только по одному. Находки астрагалов малочисленны, однако и они, по-видимому, сопровождают преимущественно погребенных мужского пола (13,6%). Лишь в одном случае астрагал был найден в прикладе женской могилы. Частота встречаемости в погребениях таких предметов, как бляхи, наборные пояса, портупейные пронизки и подвески из зубов животных, возможно, от пола умерших и не зависит, однако в силу крайней малочисленности данных категорий инвентаря вопрос этот пока остается открытым. В определенной мере связан с полом и такой общий для мужских и женских погребений признак, как отсутствие инвентаря. Захоронения мужчин чаще не содержат никакого инвентаря (28,6%), чем захоронения женщин (11,1%).

* Частота встречаемости различных категорий инвентаря в погребениях, сгруппированных на основе половой принадлежности или возраста умерших, всякий раз вычислялась в двух вариантах – с учетом и без учета ограбленных (табл. 3). Преимущество первого из них – больший объем выборки, второго – более строгое соответствие методическим требованиям. Поскольку полученные таким образом двойные значения каждого признака различаются незначительно, в тексте приводится лишь одно из них – рассчитанное на основе массива неограбленных погребений.

** Заколки, имеющие в отличие от бус и серег дополнительные утилитарные функции, выделяются в самостоятельную категорию.

Таким образом, половая дифференциация сопроводительного инвентаря в погребальном обряде могильника Фирсово-XIV выражена довольно резко и проявляется как в абсолютной, так и в относительной форме – в форме признаков, специфичных для каждого пола (половых маркеров) и в форме разной частоты встречаемости одних и тех же признаков в погребениях противоположного пола.

Как показывает проведенный анализ, состав инвентаря в мужских и женских погребениях зависит не только от пола, но и от возраста умерших* (табл. 3).

Возрастное распределение отдельных категорий «женского» инвентаря (украшений, заколок, пряслиц) не совпадает. Украшения встречаются в захоронениях женщин всех возрастов – от юношеского до старческого включительно, однако в захоронениях молодых женщин намного чаще (44,4%), чем старших (18,2%). Соответственно средний возраст женщин, погребенных с украшениями (30,3 лет), существенно ниже, чем женщин, погребенных без украшений (37,2 лет). Средний возраст женщин, погребенных с пряслицами (37,2 лет) или с заколками (38,9 лет), наоборот, значительно превышает средний возраст женщин, погребенных без этих предметов (31,0 и 29,8 лет). Это объясняется тем, что данные категории инвентаря, имеющие широкое распространение в погребениях женщин старше 20 лет (пряслица – 70,8%; заколки – 66,7%), в погребениях юных встречаются редко (пряслица – 20,0%) или вообще отсутствуют (заколки – 0%).

Основные показатели, характеризующие распределение предметов воинского набора и ножей в погребениях мужчин разного возраста, практически совпадают. Чаще всего эти вещи происходят из захоронений мужчин от 20 до 50–55 лет, в захоронениях юных они встречаются редко, а у стариков отсутствуют. Различия в среднем возрасте мужчин, погребенных с предметами воинского набора или с ножом и без них, выражены слабо (37,1 против 39,0 лет), но в данном случае непоказательны, поскольку снижение частоты встречаемости этих предметов приходится на обе крайние возрастные категории.

Частота встречаемости одиночных сосудов в мужских и женских погребениях от возраста умерших не зависит. В то же время парные сосуды в женских могилах чаще сопрождают молодых (17,6%), чем старших (9,1%).

Редкие и единичные предметы (бляхи, наборные пояса, пронизки, подвески, оселки, шило, астрагалы, курильница, зеркало, кольцо), которые в данном случае рассматриваются суммарно, в погребениях молодых мужчин и женщин встречаются чаще, чем в погребениях старших. Если на каждое погребение молодых мужчин приходится в среднем по одному предмету из категории редких, то у старших мужчин два таких предмета приходится на пять погребений. Один редкий предмет приходится также на два погребения молодых женщин и на три погребения старших женщин.

Частота безынвентарных погребений мужчин напрямую зависит от возраста умерших. В погребениях молодых мужчин инвентарь отсутствует в 12,5% случаев, старших мужчин – в 33,3%. Средний возраст мужчин, погребенных с инвентарем (36,1 лет) и без инвентаря (44,6 года), существенно различается. В женских погребениях в отличие от мужских инвентарь чаще отсутствует у молодых (22,2%), чем у старших (9,1%). Разница в среднем возрасте женщин, погребенных с инвентарем и без инвентаря, еще более велика (37,0 лет против 24,4). Это объясняется тем, что повышенная частота безынвентарных захоронений характерна лишь для юных (50,0%), в захоронениях женщин, возраст которых превышает 20-летний рубеж, случаи отсутствия инвентаря встречаются редко (8,3%).

И, наконец, еще один показатель (среднее число различных предметов, приходящихся на одно погребение), позволяющий в некотором приближении оценить общее разнообра-

* В связи с малочисленностью возрастной категории *juvenis* в нее дополнительно включаются три погребения, половую принадлежность которых на основании морфологических особенностей установить не удалось, но по положению умерших в двух случаях констатируется мужской пол и в одном – предположительно женский.

зие и количество инвентаря в зависимости от возраста умерших. Для погребений молодых мужчин величина этого показателя составляет 2,67, старших – 1,53; для соответствующих погребений женщин – 2,56 и 2,27. Иначе говоря, в погребениях старших мужчин сравнительно с погребениями молодых инвентарь более редкий и менее разнообразный. Эти различия обусловлены более низкой частотой встречаемости предметов воинского набора и ножей, а также предметов из категории редких и увеличением частоты случаев отсутствия инвентаря в погребениях мужчин старшего возраста. Погребения молодых и старших женщин по количеству и разнообразию инвентаря практически не различаются. Более низкая частота встречаемости украшений и редких предметов «компенсируется» в погребениях старших женщин широким распространением пряслиц и заколок, а также снижением частоты случаев отсутствия инвентаря. Таким образом, влияние возраста умерших на состав сопроводительного инвентаря многообразно и не всегда сводимо к какому-то общему знаменателю.

Анализ главных компонент (АГК) распределения предметов воинского набора, украшений, заколок, пряслиц, ножей, сосудов и случаев отсутствия инвентаря в разных половозрастных подгруппах погребений дает следующие результаты (табл. 4, рис. 1). Первой, как и следовало ожидать, выделилась компонента «пола», которая объясняет 53,9% общей дисперсии. Все перечисленные признаки имеют по ней высокие нагрузки, в том числе «универсальные» сосуды и безынвентарность, но максимальные значения нагрузок связаны с признаками – половыми маркерами. Судя по величине нагрузок и их знакам, сосуды, наряду с украшениями, заколками и пряслицами, являются характерной принадлежностью женских погребений, а полное отсутствие инвентаря более типично мужским. Наименьшие значения по I компоненте имеют погребения юных женщин и старых мужчин. Компонента II отражает такую изменчивость, когда в женских погребениях с уменьшением частоты встречаемости украшений увеличивается частота встречаемости пряслиц и особенно заколок, а в мужских погребениях с уменьшением частоты встречаемости оружия и ножей возрастает частота случаев отсутствия инвентаря. Данное направление изменчивости в составе инвентаря, как было установлено ранее, связывается с возрастом умерших. Выделенная компонента «возраста» описывает 22,4% общей дисперсии. Показательно, что и по этой компоненте крайнее положение занимают те же самые подгруппы погребений – юных женщин и старых мужчин.

Таблица 4

Нагрузки по I–II главным компонентам

	I	II
Воинский набор	-0,88	0,404
Украшения	0,691	-0,296
Заколки	0,867	0,465
Пряслица	0,877	0,214
Нож	-0,79	
Сосуд	0,533	0,151
Отсутствие инвентаря	-0,31	-0,89
I	3,78	1,57
R(%)	53,9	22,4

Таким образом, в женских погребениях наибольшие отличия имеет инвентарь представителей юного возраста, а в мужских – старческого. В обоих случаях отличие это определяется одной и той же особенностью – пониженной частотой встречаемости соответствующих полоспецифичных предметов (половых маркеров). В связи с этим можно вспомнить,

что у погребенных мужчин старческого возраста не встречаются и полоспецифичные положения с согнутыми руками или ногами, преобладающие у молодых мужчин.

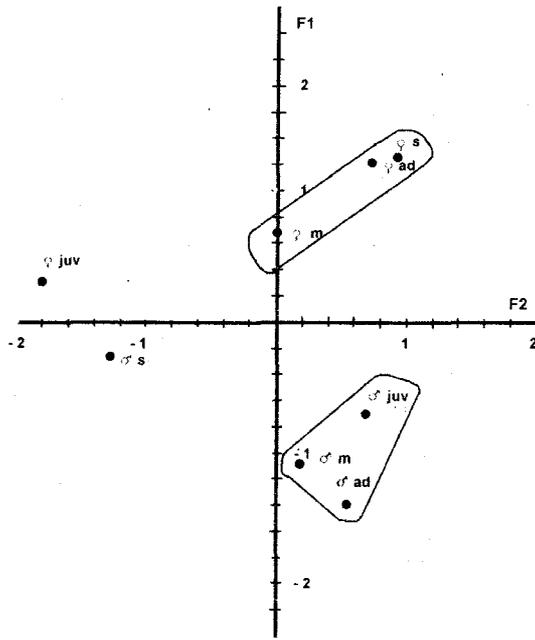

Рис. 1. Положение половозрастных подгрупп погребенных в захоронениях могильника Фирсово-XIV в пространстве I-II главных компонент

Примечания: возрастной период: Inf – до 13 лет; juv – 14–19 лет; ac1 – 20–35 лет; m – 35–55 лет; s – старше 55 лет.

Возможности соответствующего анализа инвентаря в погребениях детей обычно очень ограничены, поскольку половая принадлежность детских скелетов на основании морфологических признаков определению не поддается. Однако в данном случае детские погребения можно было разделить по полу, учитывая положение умерших. Если исходить из того, что любые варианты положения с согнутыми руками или ногами относятся к мужскому полу, а положение с вытянутыми руками и ногами – к женскому, то получится, что на 14 погребений мальчиков приходится 15 погребений девочек, что дает соотношение полов, близкое к естественному.

В погребениях девочек встречаются пряслица (28,6%), украшения (35,7%), сосуды (71,4%), астрагалы (14,3%) – один из них вместе с бусиной, а также портупейная пронизка. В 28,6% случаев инвентарь отсутствовал. В погребениях мальчиков набор инвентаря более однообразный и представлен в основном сосудами (41,7%), в одном случае был найден астрагал и еще в одном – портупейная пронизка. Более чем в половине погребений мальчиков инвентарь отсутствовал (58,3%). Половое распределение категорий инвентаря в погребениях взрослых и детей полностью совпадает. Те категории инвентаря, которые являются принадлежностью сугубо женских погребений (украшения, пряслица), встречаются в погребениях девочек, но в погребениях мальчиков отсутствуют. «Универсальные» категории инвентаря, характерные как для погребений женщин, так и для погребений мужчин (сосуды, портупейные пронизки, астрагалы), присутствуют в погребениях детей разного пола.

И такой общий для мужских и женских погребений признак, как безынвентарность, также встречается в детских захоронениях разного пола. Более того, количественные соотношения «универсальных» признаков, отражающие половую специфику погребений взрослых, сохраняют ее и в погребениях детей. Так, сосуды чаще встречаются не только в погребениях женщин, но и девочек, а процент безынвентарности выше не только в погребениях мужчин, но и в погребениях мальчиков. В то же время между погребениями взрослых и детей имеются различия. В детских погребениях отсутствуют некоторые категории инвентаря, присущие погребениям взрослых, а именно: предметы воинского набора, ножи, оселки, заколки, бляхи и наборные пояса, подвески из зубов животных и другие еще более редкие предметы. По таким показателям, как частота встречаемости пряслиц, процент безынвентарности, отсутствие заколок, погребения девочек сближаются с погребениями юных женщин. Различия по ним между погребениями девочек и юных женщин выражены меньше, чем между погребениями юных женщин и женщин старше 20 лет. Погребения мальчиков из-за отсутствия оружия и ножей, а также высокой (в масштабе мужских значений признаков) частоты встречаемости сосудов и безынвентарности резко отличаются от погребений молодых мужчин, несколько меньше – от погребений зрелых мужчин и сближаются с погребениями старых, которым тоже присуща альтернатива безынвентарности или сосуда. Сходство инвентаря в погребениях девочек и юных женщин, мальчиков и старых мужчин в наглядной форме демонстрируют и результаты анализа главных компонент (табл. 5, рис. 2). Если бы АГК, помимо частоты встречаемости некоторых категорий инвентаря, учитывал и положение погребенных, картина изменилась бы в одном – погребения мальчиков в пространстве компонент «пола» и «возраста» заняли бы промежуточную позицию между погребениями старых мужчин, с которыми их объединяет инвентарь, и молодых мужчин, с которыми они имеют сходство по положению в могильной яме.

Таблица 5

Нагрузки по I–II главным компонентам

	I	II
Воинский набор	-0,847	0,477
Украшения	0,718	-0,06
Заколки	0,762	0,553
Пряслица	0,849	0,408
Нож	-0,751	0,568
Сосуд	0,515	0,264
Отсутствие инвентаря	-0,276	-0,876
1	3,44	1,86
P(%)	49,1	26,6

Приведенные выше значения частоты встречаемости разных категорий инвентаря в детских захоронениях, рассчитаны, как уже отмечалось, исходя из того, что все 15 случаев положения умерших детей с вытянутыми руками и ногами относятся к женскому полу. Однако не исключается возможность, что 1–2 таких погребения (в пределах 12,5% от их общей численности) относятся к мужскому полу. Если не ставить под сомнение, что захоронения девочек маркируются наличием украшений, то круг захоронений, половая принадлежность которых остается недостаточно определенной, значительно сужается, что позволяет оценить возможную погрешность в значениях основных показателей, использованных в анализе. Как подтверждают дополнительные расчеты, учитывающие все возможные варианты изменений в составе погребений мальчиков и девочек, погрешность эта

невелика и не влияет на те выводы, которые были получены при сопоставлении инвентаря в погребениях взрослых и детей.

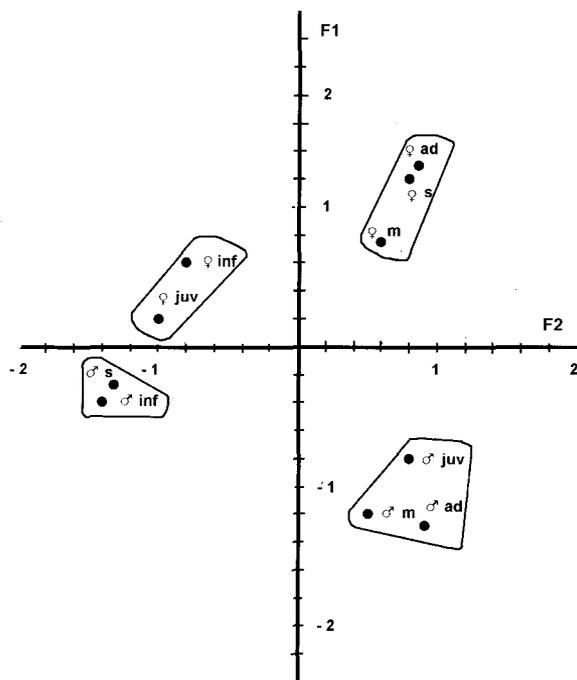

Рис. 2. Положение половозрастных подгрупп погребенных в захоронениях могильника Фирсово-XIV в пространстве I–II главных компонент

Примечания: возрастной период: Inf – до 13 лет; juv – 14–19 лет; ac1 – 20–35 лет; m – 35–55 лет; s – старше 55 лет.

В заключение нашего исследования, доказывающего, что вариативность некоторых элементов погребального обряда могильника Фирсово-XIV в значительной степени определяется полом и возрастом умерших, необходимо сделать еще один вывод общего порядка, имеющий значение для социально-экономических реконструкций не только староалейского общества, но и других древних обществ, независимо от их культурной атрибуции. Далеко не всегда допустимо количественные различия в составе погребального инвентаря, включая случаи его полного отсутствия, толковать как проявление имущественного неравенства членов общества. Необходимо иметь в виду, что эти показатели могут коррелировать с полом и, что особенно важно в данном случае, с возрастом умерших – не только детей, но и взрослых. Между тем в некоторых исследованиях на основе удельного веса безинвентарных погребений взрослых в составе того или иного могильника определяется относительная численность «совсем бедных» членов общества. Подобная интерпретация не исключается лишь в тех случаях, если отсутствие инвентаря в погребениях данного могильника или его «бедность» никак не связаны с возрастом умерших. А это требуется доказать. Чтобы избежать ошибок, следует исходить из того, что для социально-экономических реконструкций, основанных на материалах могильников, анализ погребальной обрядности в свете половозрастной дифференциации смертности является обязательным этапом исследования, отрицательные результаты которого не менее важны, чем положительные.

**ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И РЕКОНСТРУКЦИЯ
ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ
ХУННО-СЯНЬБИЙСКОГО ВРЕМЕНИ**

Реконструкция демографической ситуации и физико-генетической структуры общества является важной составляющей социальных исследований, построенных на использовании археологических материалов (Кислый А.Е., 1995). Демографический анализ базируется на положении о допустимости проецирования тенденций развития палеопопуляции (число индивидуумов, похороненных на одном или группе могильников, оставленных определенной территориальной или культурно-хронологической общностью людей) на состояние реально существовавшего в прошлом человеческого коллектива (Алексеев В.П., 1989, с. 75–78). Палеопопуляция выступает в качестве условно-стационарной статистической модели, отличающейся относительным постоянством уровня рождаемости, среднего возраста смерти, длительности поколений (Алексеев В.П., 1989, с. 76–77; Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В., 2003, с. 22). Одной из целей такого направления изучения служит оценка результатов адаптации населения к конкретным историко-экологическим условиям (Богатенков Д.В., 2000, с. 27–28).

По признанию отечественных и зарубежных специалистов, одним из достаточно эффективных способов реконструкции демографической ситуации по антропологическим материалам из древних погребений является вычисление таблиц смертности, отражающих корреляцию различных показателей, которые демонстрируют структуру и особенности функционирования популяций (Молодин В.И., Чикишева Т.А., Рыбина Е.В., 1997, рис. 1, табл. 1; Богатенков Д.В., 2000, с. 29; Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В., 2003, с. 21–24, табл. 4).

Несмотря на полученную на сегодняшний день весьма обширную антропологическую серию из погребальных комплексов Горного Алтая I тыс. до н.э. – I тыс. н.э., можно отметить пока только опыт демографической характеристики носителей бийкенской и пазырыкской культур скифского времени (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 195–199). Указанная проблематика по разным причинам не отражена в работах, посвященных истории кочевников рассматриваемого региона более поздних периодов.

При изучении демографических процессов, происходивших в этой горной стране в хунно-сяньбийское время, нами были задействованы половозрастные определения останков 260 человек из 26 могильников: Айрыдаш-I (26), Аккол-1 (1), Белый-Бом-II (23), Бийке (1), Бике-I (14), Боочи (4), Бош-Туу-I (29), Булан-Кобы-IV (50), Верх-Еланда-II (1), Верх-Уймон (8), Дялян (6), Кальджин-6 (5), Кара-Бом-XI (5), Кара-Коба-II (1), Карбан-I (13), Кок-Паш (22), Курайка (8), Пазырык (2), Сальдыр-II (5), Тыткескень-VI (5), Усть-Балыктыюль (4), Усть-Бийке-III (1), Усть-Эдиган (12), Чендек (3), Ябоган-III (2), Яломан-II (9)*. В располагаемой выборке насчитывалось 85 (32,6%) детских, 67 (25,7%) женских, 108 (41,5%) мужских особей (40% всей антропологической коллекции). Определенную сложность анализа до-

* Антропологическое изучение костных останков людей из некрополей Булан-Кобы-IV, Белый-Бом-II, Бош-Туу-I, Дялян, Кара-Бом-XI, Кок-Паш, Бийке, Верх-Еланда-II, Тыткескень-VI, Усть-Балыктыюль, Сальдыр-II, Боочи, Усть-Эдиган, Карбан-I, Айрыдаш-I осуществлялось в разное время А.Р. Кимом. Повторная обработка некоторых этих данных и исследование новых материалов проведено С.С. Тур (Усть-Бийке-III, Верх-Уймон, Курайка), Д.В. Поздняковым (Яломан-II, Кальджин-6, Аккол-1), Т.А. Чикишевой (Кальджин-6, Аккол-1). В отношении других памятников приходилось опираться на половозрастные определения, сделанные авторами раскопок.

ступных нам материалов вызывали относительная малочисленность половозрастных данных, их неравноценная представительность по отдельным физико-генетическим группам, фрагментарность сведений по многим памятникам, отсутствие информации о полностью раскопанных комплексах, широкая датировка могильников и неодинаковая количественная наполненность разных хронологических этапов. Эти обстоятельства определили ограниченную программу исследования и ориентацию на суммарную обработку имеющейся серии.

Анализ этого корпуса источников показал, что структура палеопопуляции населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. отличается доминированием мужчин (62,6%) над женщинами (37,3%) в 1,7 раза, а над детьми (24,8, или 24,6%) – в 2 раза (табл.). Исключение представляет некрополь Усть-Эдиган, в котором по предварительным результатам из 66 умерших людей с идентифицированным по инвентарю полом 38 (57,5%) были женщинами, 17 (25,5%) – мужчинами, 11 (16,6%) детьми (Худяков Ю.С., 1994, с. 135). Интересная ситуация отмечена на памятнике Бике-I, где раскопаны погребения младенцев, детей-подростков, женщин юношеского возраста (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 89). Тем не менее следует допустить, что удельный вес лиц «слабого» пола был чуть большим, так как, по крайней мере, третья часть людей с не установленным полом являлись женщинами. Какими конкретными причинами вызвано такое отклонение от «нормальной» (пропорциональной) гендерной структуры, сказать пока сложно. Численность детской группы по отношению к взрослым индивидам с определенной половой принадлежностью составляла 20%, а для выборки, включающей могилы без антропологических выкладок – 24,6%. Учитывая достаточно представительный процент детских захоронений в возрасте до трех лет, данную цифру можно с большой долей вероятности экстраполировать на реальную «булан-кобинскую» популяцию. Близкие по уровню показатели зафиксированы по археологическим данным у других народов раннего железного века, например, «пазырыкцев» Горного Алтая – 23,3% (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 195), «саргатцев» Обь-Иртышского междуречья – 19–22% (Матвеева Н.П., 2000, с. 240), скотоводов Хорезма – 19% (Яблонский Л.Т., 1999, с. 37), хунну Забайкалья – 17,7–23,7% (подсчитано суммарно по: Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б., 2004, с. 36, 43, 50, 56, 62, 65, 68, 72, 73), «кокзельцев» Тувы – 21,8–22,3% (Алексеев В.П., Гохман И.И., 1970, с. 24–248, 251; Kenk R., 1984, s. 93).

Средняя продолжительность жизни детей у номадов Горного Алтая хунно-сяньбийского времени составляла 5,9 года, а взрослых людей обоего пола – 36,6–37,2 лет. При этом средний возраст смерти женщин (32,1 года) был на семь лет ниже, чем у мужчин (39,2 лет). Такая диспропорция полов – в целом довольно типичное явление для многих древних популяций и обусловлена высокой смертностью женщин в репродуктивный период, а также формированием более благоприятных условий для мужской части общества (Козинцев А.Г., 1971, с. 152; Алексеев В.П., 1989, с. 84; Медникова М.Б., 2000, с. 70). Средняя продолжительность жизни «булан-кобинцев», включая детей, насчитывала 26,6–26,9 лет. Важно отметить, что племена пазырыкской культуры немного уступали по перечисленным параметрам: средняя продолжительность жизни мужчин – 34,6 года, женщин – 30,4 года, взрослые обоего пола – 36,6–32,7 года (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 196)*.

Сравнивая среднюю продолжительность жизни горно-алтайских кочевников II в. до н.э. – V в. н.э. с известными нам сведениями о других номадах Центральной Азии синхрон-

* Схожая с «пазырыкцами», продолжительность жизни булан-кобинского населения в определенной степени объясняется состоянием исходной выборки, характеризующейся относительной малочисленностью взрослых людей с антропологическими определениями на фоне детских захоронений. Отмеченное поведение показателя среднего возраста смерти популяции задается большой вероятностью смерти до 14–19 лет.

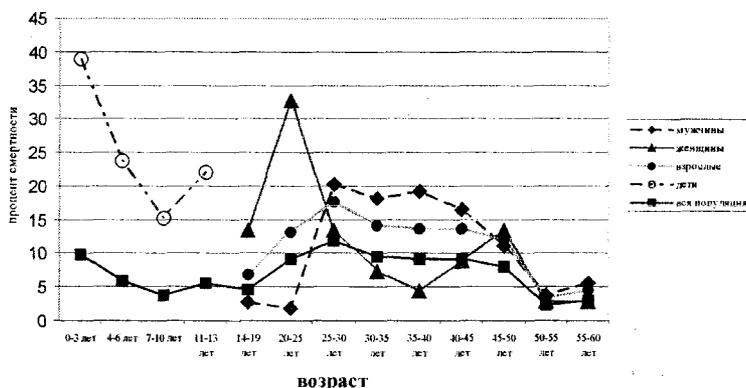
Уровень смертности и процент доживаемости палеопопуляции Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

Возрастной интервал	Дети (85/59)			Женщины (67)			Мужчины (108)			Взрослые (175)			Вся антропологическая серия (260)		
	число умерших в интервале	процент смертности в интервале	процент доживаемости до интервала	число умерших в интервале	процент смертности в интервале	процент доживаемости до интервала	число умерших в интервале	процент смертности в интервале	процент доживаемости до интервала	число умерших в интервале	процент смертности в интервале	процент доживаемости до интервала	число умерших в интервале	процент смертности в интервале	процент доживаемости до интервала
0-6 лет	49	57,6										49	18,8	100	
0-3 лет	23	38,9	100									23	9,8		
4-6 лет	14	23,7	61									14	5,9		
7-13 лет	36	42,3										36	13,8	81,1	
7-10 лет	9	15,2	37,2									9	3,8		
11-13 лет	13	22	22									13	5,5		
14-19 лет				9	13,4	100	3	2,7	100	12	6,8	100	12	4,6	67,3
20-25 лет				22	32,8	86,5	2	1,8	97,2	24	13,1	93,1	24	9,2	62,6
25-30 лет				9	13,4	53,7	22	20,18	95,3	31	17,7	79,4	31	11,9	53,4
30-35 лет				5	7,4	40,2	20	18,34	75	25	14,2	61,7	25	9,6	41,5
35-40 лет				3	4,4	32,8	21	19,26	56,4	24	13,7	47,4	24	9,2	31,9
40-45 лет				6	8,9	28,3	18	16,5	37	24	13,7	33,7	24	9,2	22,6
45-50 лет				9	13,4	19,4	12	11,1	20,3	21	12	20	21	8	13,4
50-55 лет				2	2,9	5,9	4	3,7	9,2	6	3,4	8	6	2,3	5,3
55-60 лет				2	2,9	2,9	6	5,5	5,5	8	4,5	4,5	8	3	3

ного времени, следует указать, что по данному критерию они находились весьма близко с населением Тувы, оставившим памятники Аймырлыг – 37,6 года (вычислено по: Радзюн А.Б., 1984, с. 17) и Кокэль – 38,4 года (Алексеев В.П., Гохман И.И., 1970, с. 251). По остальным показателям между ними имелись различия, отражавшие своеобразие развития этих общностей. Необходимо отметить, что среднее значение названного индекса для взрослых людей подтверждается данными о других социумах раннего железного века (35,8 года) и средневековья (36,7 года) широкого территориально-хронологического среза (Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В., 2003, рис. 14, табл. 10–12). Тенденция некоторого увеличения среднего возраста смерти взрослого населения этого региона в хунно-сяньбийское время согласуется с выводом о прогрессирующем росте продолжительности жизни кочевых скотоводов на протяжении I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. (Алексеев В.П., 1972, с. 19). Таким образом, несмотря на весьма напряженную этнокультурную и военно-политическую обстановку в Центральной Азии во II в. до н.э. – V в. н.э., в Горном Алтае имелись достаточно благоприятные экологические и политические условия для стабильного воспроизводства популяций. Очевидно, одним из факторов демографического подъема был усилившийся процесс метизации разных по происхождению групп местных и пришлых кочевников, что способствовало формированию более сильного генотипа.

В возрастном отношении мужчины характеризуются следующим образом: 58,3% индивидумов относятся к подгруппе зрелых (35–54 лет), 31,4% – возмужалых (20–34 лет), 7,4% – старых (от 55 лет и старше), 2,7% – юных (14–19 лет). Для женщин распределение по обозначенным интервалам принципиально иное: 53,7% принадлежат к возмужалому, 26,8% – зрелому, 13,4% – юному, 4,4% – старческому периодам. Максимальное количество детских захоронений (57,6%) представляет младшую возрастную подгруппу (до 6 лет), а уровень смертности в интервалах 0–3 и 4–6 лет составлял 38,9 и 23,7% соответственно. Процент умерших детей в возрасте 7–13 лет находился на отметке 42,3%: 7–10 лет – 15,2%; 11–13 лет – 22%.

Построенная на основе пятилетних когорт кривая смертности всей палеопопуляции горно-алтайских кочевников хунно-сяньбийского времени, а также данных по отдельным физико-генетическим группам (рис.) свидетельствует, что первый пик повышенной смертности наблюдается у детей 0–6 лет (18,8% всего коллектива; 57,6% детей). Похожая картина отмечена для многих других древних и средневековых обществ и является одной из основных причин низкой средней продолжительности жизни населения. Вероятность смерти на протяжении всего детства оставалась стабильно высокой, благодаря чему 22% человек не доживали до 11–13 лет.

Кривая смертности населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

Второй пик выявлен у женщин в 20–25 лет (32,8%) и обусловлен главным образом интенсивным деторождением в условиях низкого уровня акушерства и гигиены. Значительная масса случаев гибели в этом возрасте была связана с неудачным течением беременности и, возможно, первыми родами. Этот фактор определил, что к 25–30 годам у «булан-кобинцев» в живых оставался 53,7% женщин (отсюда средний возраст смерти около 32 лет). Такая ситуация вполне логична, поскольку при характерной для кочевых скотоводов (в отличие от оседлых народов) сравнительно невысокой рождаемости, номады стремились ограничивать ранние браки и нижнюю границу репродуктивного периода, что снижало число несчастных случаев при родах в юношеском возрасте (Алексеев В.П., 1972, с. 19; Матвеева Н.П., 2000, с. 243–244). В подтверждение последнего укажем, что у многих популяций эпохи палеометалла и бронзового века, например, «афанасьевцев» (Бобров В.В., Фрибус А.В., 2005, с. 199–200), «игрековцев» (Молодин В.И., Чикишева Т.А., Рыбина Е.В., 1997, с. 46, 48, 49), «елунинцев» (Грушин С.П., 2003, с. 50), в меньшей степени «ирменцев» (Горяев В.С., 1997, с. 35), уровень смертности лиц женского пола был наиболее высоким в 14–19 лет, либо одинаковым в течение 14–25 лет. Следует, однако, отметить, что у «булан-кобинцев» рост показателя смертности женщин наблюдается также уже с 14–19 лет (13,4%). У мужчин на интервал 20–25 лет приходится лишь 1,8% всех захоронений.

Следующий пик повышенной смертности фиксируется у мужчин с 25 до 42,5 (45) лет и отражает время их максимальной активности в различных сферах общественного производства. Стабильно высокая и «ровная» кривая в течение обозначенного отрезка (25–30 лет – 20,18%; 30–35 лет – 18,34%; 35–40 лет – 19,26%; 40–45 лет – 16,5%) жизни является результатом участия мужчин в военных действиях, других формах межгрупповых столкновений, демонстрирует большое число случаев насильственной смерти. Начиная с 25–30 лет данный показатель у женщин падает в 2,6 раза (13,4%) и несколько снижается к концу возмужалого – началу зрелого возраста (30–35 лет – 7,4%). Это можно объяснить уходом на второй план фактора гибели при родах и завершением к 35 годам репродуктивного цикла.

В интервале 40–45 лет у женщин уровень смертности незначительно поднимается (8,9%) и в указанный период, очевидно, происходило сильное изнашивание организма. Его рост до 13,4% сохраняется в возрастной когорте 45–50 лет, что, однако, нельзя пока однозначно классифицировать как последний пик смертности женщин. Значение последнего параметра может определяться состоянием анализируемой выборки. У мужчин с 45–50 лет смертность неуклонно снижается (11,1%), свидетельствуя об изменении статуса пожилых мужчин в структуре социума. В целом у лиц обоего пола периоды наибольшей смертности преимущественно не совпадали. Об их наложении можно говорить начиная с 50 лет. При этом процент доживших до зрелого и старческого возраста у мужчин был выше, чем у женщин, на 1,9 и 1,46 раза соответственно: к 55–60 годам в живых оставалось 5,5% мужчин и 2,9% женщин.

Исходя из средней продолжительности жизни женской части населения, начало репродуктивного периода и времени вступления в брак следует установить в рамках 18–20 лет. Этот рубеж подтверждается вычислениями, сделанными, например, для «саргатцев» (Матвеева, 2000, с. 242–244) и «пазырыкцев» (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 197), демонстрируя общую тенденцию воспроизводства человеческих коллективов (Козлов В.И., 1969, с. 111). С опорой на вычисленные индексы, а также на сравнительные данные о палеодемографии этнокультурных общностей различных исторических эпох (Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В., 2003, табл. 11, 12) можно предположить длительность одного поколения у «булан-кобинцев» в пределах 24–27 (в среднем 25) лет. Получается, что за 50 лет выросло одно поколение, умирало другое, рождалось третье. Таким образом, в течение всего хунно-сяньбийского времени (около 650 лет) в Горном Алтае сменялось

32–39 поколений. Учитывая среднюю продолжительность жизни женщин 32 года, доживаемость 53,7% субъектов этого пола до 25–30 лет, высокую вероятность (0,38) смертности в период 0–3 лет, для поддержания стабильной численности населения женщинам нужно было рожать всегда не менее двух детей. Представленные расчеты косвенно указывают на наличие малой семьи нуклеарного типа, состоявшей вместе с детьми из четырех-пяти человек, характерной для большинства кочевых скотоводов древности, средневековья, этнографической современности (Масанов Н.Э., 1995; Садовой А.Н., 1990). К сожалению, реконструкция семейно-брачных отношений «булан-кобинцев» объективно затруднена присутствием качественных антропологических определений для сравнительно немногочисленной группы умерших людей и отсутствием молекулярно-генетического изучения полученных остеологических останков. Семейный принцип в планиграфии могильников отражен слабо: разнополюе захоронения взрослых людей обнаруживают тенденцию к раздельному расположению.

Важным аспектом палеодемографического анализа является восстановление численности древней популяции (Тихонов С.С., 2005, с. 65–68). В настоящее время в специальной литературе имеются различные методики определения вероятного уровня названного параметра, базирующиеся на моделировании возможных вариантов эксплуатации ресурсов экосистемы посредством оценки экологической емкости ландшафта, величины и особенностей территориально-планиграфической организации могильников и поселенческих комплексов. В кочевниковедении практикуются исследования, ориентирующиеся на изучение соотношения первичной биопродуктивности пастбищ, преимущественно аридной зоны, и допустимой численности диких и домашних животных как критерия предельно возможного количества проживавших там людей (Железчиков Б.Ф., 1984; Халдеев В.В., 1987; Гаврилук Н.А., 1989, с. 17–24; Тортика А.А., Михеев В.К., Кортиев Р.И., 1994, с. 65–68; Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995, с. 53, 57, 60, 61; Крадин Н.Н., 2001, с. 71–79; 2004; и др.). Для проверки результатов этих реконструкций используются обычно этнографические данные о народах не столь отдаленных периодов. Однако такая процедура применима лишь по отношению к весьма ограниченным участкам местности Горного Алтая, главным образом к межгорным котловинам (Садовой А.Н., 1990; Васютин А.С., Садовой А.Н., 1999; Садовой А.Н., Онищенко С.С., 2003). Характеристика биоэнергетического потенциала всего рассматриваемого региона является очень трудоемким делом ввиду большой вариабельности геоклиматических условий разных горно-долинных комплексов даже в пределах одного орографического района и отдельных промысловых ареалов. К этому нужно добавить нерешенность вопроса о структуре хозяйства разных групп булан-кобинского населения. Можно указать пока только на опыт определения приблизительной численности одновременно проживавших людей, оставивших погребения на могильнике Кок-Паш (Васютин С.А., Васютин А.С., 1997, 2005; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003). Использование формул расчета данного показателя в вариантах, предложенных С.С. Сорокиным (1975, с. 20–25) и Б.Ф. Железчиковым (1984, с. 65), позволило сделать на материалах данного памятника достаточно гипотетичные выводы. Существенную погрешность в этих построениях дает отсутствие обстоятельно проработанных принципов сужения растянутой хронологии погребальных комплексов булан-кобинской культуры, поскольку большое количество захоронений не всегда может выступать аргументом длительности функционирования древнего кладбища.

Основой для реконструкции физико-генетической структуры кочевников Горного Алтая хунно-сяньбийского времени стали результаты проведенного нами половозрастного анализа погребальной практики (Матренин С.С., 2004, с. 82–86; 2005, с. 16–19; Матренин С.С., Тишкин А.А., 2005, с. 153–179). Институт половозрастных групп является самой ранней

формой социальной стратификации, основу которой составляют различия функций людей в производственной сфере, и выступает главным структурообразующим элементом всех древних и традиционных коллективов (Андреев И.А., 1971, с. 13–25; Артемова Ю.А., 1993, с. 48–52; Калиновская К.П., 1976, с. 143; Колесников А.Г., 1985, с. 156–157; и др.). Ключевая проблема изучения указанной общественной подсистемы заключается в выяснении соотношения биологической и социальной периодизаций жизненного цикла. У разных народов имелись свои представления о возрастных группах, об их временной продолжительности, символических границах, ролевом содержании. Возраст, измеряющийся с позиции древних людей не только как количество реально прожитых лет, но и как способность к выполнению определенных социально-производственных ролей, выступал одним из главных факторов приобретения индивидом статуса полноправного члена общества с полным набором присущих ему прав и атрибутов (Кон С.И., 1979). Это получало свое оформление в прохождении цикла обрядов, обозначаемых в этнографии понятием «инициации».

С большой вероятностью следует говорить о наличии у носителей булан-кобинской культуры следующих возрастных ступеней: детство, юность, зрелость и старость. Подобное деление отмечено для абсолютного большинства древних и современных социумов и является в известном смысле универсальным (Грач А.Д., 1975, с. 175–176; Грачева Г.Н., 1975, с. 138–140; Кон С.И., 1979, с. 212–213; Бутинов Н.А., 1982, с. 63–68; Калиновская К.П., 1982, с. 59–62; Попов В.А., 1982, с. 68–78; Масанов Н.Э., 1995, с. 131–155; и др.). При этом в рамках этих состояний могут существовать и более узкие периоды, варьирующие в том числе у лиц разного пола (Попов В.А., 1981, с. 90).

Опираясь на данные погребального обряда, а также археологические и этнографические материалы о других кочевых и полукочевых скотоводах Центральной и Северной Азии различных эпох, можно наметить следующую половозрастную градацию населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

«Детство». Данным понятием в этнографической литературе обозначают состояние человека от момента рождения до завершения цикла обрядов инициаций (Бутинов Н.А., 1992, с. 13–15). Анализ обряда захоронения и сопроводительного инвентаря позволил выделить такие этапы данного жизненного цикла.

«Младенчество» – период от рождения до 2,5–3 лет. В представлениях многих традиционных народов ребенок этого возраста являлся еще «дочеловеком», находился как бы на границе миров, не был включен в жизнь коллектива, не всегда имел имя. Несмотря на это, у «булан-кобинцев» дети до 2,5–3 лет хоронились на общем кладбище (чаще рядом с женщинами) с полным соблюдением обязательных канонов погребального ритуала. Для них возводились самые маленькие по размеру курганы с минимальной глубиной могильной ямы. Абсолютному большинству этих лиц (93,3%) инвентарь не полагался, хотя они принадлежали к разными прослойкам общества.

«Детство» – 2,5 (3) – 6 (7) лет. Предполагает постепенное приобщение к простым формам трудовой деятельности: выпас скота, стрельба из лука, охота, верховая езда. Дети уже пользуются отдельными орудиями (обычно ножами) и посудой, хотя среди найденных в могилах вещей преобладают украшения и предметы костюма. Начиная с 2,5–3 лет детей снабжают мясной пищей в виде курдючной части овцы, а иногда сопровождают взнузданным конем. На протяжении обозначенного жизненного цикла половые различия в инвентаре выражены достаточно слабо (это объясняется, в частности, тем, что у многих народов мальчики и девочки до определенного возраста носили одинаковую одежду и прическу). Так, с большей долей вероятности к захоронениям девочек следует отнести погребения, из которых происходят гробни, зеркала, пряслица. Ориентиром для идентификации мужского пола детей выступали находки железных наконечников стрел. В целом ребенок стано-

вится членом общества и его статус напрямую определяется социальным положением той или иной семейно-родовой группы. Отражением этого выступает появление социальной дифференциации. Некоторых детей хоронят с разнообразными и более многочисленными вещами, с отдельными социально престижными категориями (гривны, серьги, зеркала, пояса, удила). Для основной массы индивидов, напротив, характерна слабая насыщенность погребений предметами или большой удельный вес случаев безынвентарности.

«Отрочество» – 7–13 (14) лет. Данная группа была переходной и ее, видимо, нужно разделить на младшую («раннее отрочество» – 7–10 лет) и старшую («позднее отрочество» – 11–13 (14) лет) подгруппы. Первая из них примыкала к предыдущей возрастной ступени (об этом говорит высокая степень сходства инвентаря у детей 3–6 и 7–10 лет), вторая являлась пограничной с группой юношей. В течение этого периода происходит четкое оформление половой дифференциации, овладение самыми различными трудовыми навыками, что способствовало превращению детей-подростков в помощников по обслуживанию хозяйства. Окончание отрочества знаменовалось преодолением стадии обряда инициаций, определяющей рубеж между детским и взрослым состоянием. Благодаря раннему половому созреванию и включению в семейно-брачные отношения взросление девочек шло более быстрыми темпами, чем мальчиков. Это подтверждается тем, что качественно-количественный состав предметов в погребениях некоторых девочек-подростков 10–13 лет максимально сопоставим с наборами вещей из могил взрослых женщин.

Следующая возрастная позиция – «юность», уже характеризует жизнь взрослых людей и полностью совпадает с антропологической группой *Juvenis* (14–19 лет). Неоднородность данной ступени отражает асинхронное прохождение индивидами разных стадий инициаций. Первая стадия, связанная с завершением полового созревания и оформлением совершеннолетия, у основной массы девочек и мальчиков, приходилась на интервал 14–16 (17) лет. Маркером успешного ее преодоления лицами мужского пола было появление в инвентаре луков, стрел с железными наконечниками, поясов. Пока не зафиксировано случаев сочетания данных предметов у людей моложе 14 лет, несмотря даже на высокий социальный статус некоторых покойных. Хорошо известно, что оружие и воинская экипировка у всех кочевников Евразии считались обязательными атрибутами полноправного мужчины, являвшегося всегда воином (Худяков Ю.С., 1997а–б). Возможно, что у «булан-кобинцев», как и у средневековых тюрок, юноша по результатам обряда «посвящения» получал специальное героическое (мужское) имя (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2000, с. 144), независимо от своего социального и имущественного положения. Присутствие оружия в могилах детей более раннего возраста можно рассматривать в большей степени как подношения. Выявить в полном объеме индикаторы инициаций девочек сложно, поскольку они выражались в увеличении количества украшений, в первую очередь головных уборов, а также смене прически (появление наконечников), наличии пояса. Согласно многим этнографическим и археологическим источникам, данные элементы костюма строго отмечали переход девочек в разряд девушек, а последних – в группу замужних женщин (Таскин В.С., 1980, с. 58, 73; Ключева Н.И., Михайлова Е.А., 1988, с. 120–127; Кадыева В.Я., 1990, с. 233–242; Дьяконова В.П., 2001, с. 104; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 202).

В период с 14 до 19 лет закрепляется стабильное разделение на мужские и женские занятия. Прижизненное социальное положение юношей было ниже, чем у возмужалых мужчин (в захоронениях мужчин до 20–25 лет отсутствуют самые престижные категории вооружения – мечи, копыя, защитные доспехи), хотя отдельные представители этой возрастной подгруппы уже участвуют во многих сферах производства, в том числе включаются в военные действия. Превращение в полноправного члена коллектива происходило со вступлением в брак, что следует трактовать как последнюю стадию инициаций. Учитывая

результаты палеодемографического анализа, логично предположить начало брачного периода у основной массы горно-алтайского населения II в. до н.э. – V в. н.э. с 16–17 лет. На это косвенно указывает сравнительно невысокий процент смертности женщин в этом возрасте и самые ранние случаи нахождения захоронений младенцев рядом с могилами девушек 18–20 лет. Особое место этой ступени, регламентирующей начало военной службы и вступление в брак, подкрепляется сведениями о других кочевых и оседлых народах (Грачева Г.Н., 1975, с. 138–139; Викторова Л.Л., 1983, с. 56, 59; Кустова Ю.Г., 1993, с. 18; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 200–201). Определить четкие границы охарактеризованных выше состояний вряд ли возможно, поскольку такие переходы не приурочивались к строгому количеству прожитых лет и по своим темпам были во многом индивидуальными. В этнографических и письменных материалах засвидетельствованы факты, когда отдельные люди в силу особых физиологических или иных качеств преодолевали обряды «посвящения» намного раньше своих сверстников (Артемова Ю.А., 1993, с. 49; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2000, с. 144). В случае войны мальчики-подростки нередко проходили досрочное «взросление». У девушек совершеннолетие и вступление в брак в отдельных ситуациях могли совпадать, что автоматически сокращало продолжительность юношеской ступени. Кроме того, процесс социализации заметно ускоряла принадлежность человека к высокой общественной прослойке.

Этап *«зрелости»* у носителей булан-кобинской культуры продолжался с 20 до 45 лет. Захоронения возмужалых (*Adultus*) и основной массы зрелых (*Maturus*) людей обоего пола принципиальных различий между собой не обнаруживают и составляют одну, наиболее активную и влиятельную социальную категорию. Мужчины и женщины в этот период обладают наибольшим социальным весом и максимальной мобильностью, что подтверждается предельно насыщенным и неоднородным составом обнаруживаемого с ними в погребениях вещевого комплекса. Они участвовали во всех направлениях деятельности кочевого общества, среди которых ведущими для мужчин были война, обеспечение безопасности, управление, «сложные» ремесла, организация перекочевков, ухода за скотом, охоты, других крупных мероприятий, для женщин – домашнее производство, заготовка и обработка продуктов. Отмечается социальный приоритет мужчин, являющихся воинами и охотниками. В располагаемой выборке наблюдается пока наибольший престиж индивидов до 35 лет. Однако из-за небольшого объема возрастных определений пока трудно сказать, насколько указанное деление имело место в изучаемом обществе. Статус мужчин в значительной степени зависел от их положения в воинской иерархии. Для женщин также не прослеживается устойчивая корреляция инвентаря и возрастной дифференциации, хотя, если исходить из имеющихся материалов, с оружием хоронили преимущественно лиц 20–35 лет. Вероятно, это свидетельство того, что в определенных (вынужденных) ситуациях отдельные представители «слабого» пола могли брать на себя функцию обеспечения безопасности коллектива. Особую роль играл период деторождения (18–34 лет).

«Старость» рассматривается как результат биологических, психологических и социальных процессов, связанных со значительной утратой прежних и появлением новых функций. Возрастные параметры, критерии старости, отношение к ней у разных народов зависели от типа хозяйства, природной, экологической среды, конкретных историко-культурных условий. У мужчин и женщин ее наступление могло не совпадать. С учетом показателя средней продолжительности жизни взрослых людей нижнюю границу старости у горно-алтайских кочевников II в. до н.э. – V в. н.э. можно определить в районе 45–50 лет. Социальная активность пожилых мужчин несколько снижается, о чем свидетельствуют сокращение в погребениях количества оружия, отсутствие среди них самых престижных категорий. Женские могилы не отличались по инвентарю от захоронений предыдущего

возрастного периода. Каким образом меняются у «булан-кобинцев» позиции индивидов на этом этапе жизни, еще предстоит выяснить на более обширном количестве археологических источников. Бесспорно одно, их общественный статус был неоднозначным, поскольку факторы социально-имущественной, в меньшей степени профессиональной дифференциации сохраняли свое значение и в пожилом состоянии.

В заключение необходимо указать, что демографическая модель населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени обладает средними и «нормальными» для рассматриваемой эпохи показателями, обусловленными общими тенденциями социально-экономического развития кочевых народов Центральной Азии, а также являющимися результатом эффективной адаптации к природно-климатическим условиям этой территории. У носителей булан-кобинской культуры имела место традиционная для многих кочевых физико-генетическая структура, характеризующаяся социальным приоритетом возмужалых и зрелых мужчин при достаточно высоком положении женщин и ограниченной значимости детей. Совпадение биологического и социального возрастов отмечено только по отношению к отдельным этапам жизненного цикла. Система возрастных групп не представляла жестких возрастных классов, а дополнялась генеалогическим принципом, в соответствии с которым статус человека в значительной мере определялся происхождением, неодинаковым социально-имущественным положением умерших людей.

Библиографический список

- Алексеев В.П. Палеодемография СССР // СА. 1972. №1. С. 3–21.
- Алексеев В.П. Палеодемография: содержание и результаты // Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. М., 1989. С. 63–90.
- Алексеев В.П., Гохман И.И. Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из могильника Кокзль // ТТКАЭЭ. Л., 1970. Т. III. С. 239–297.
- Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Власти. Антропологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М., 2003. 132 с.
- Андреев И.А. О характере социальных связей в эпоху перехода от первобытнообщинного к классовому обществу // СЭ. 1971. №2. С. 13–25.
- Артемова Ю.А. Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993. 336 с.
- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск, 2003. 223 с.
- Бобров В.В., Фрибус А.В. К вопросу о демографической ситуации на территории Горного Алтая в афанасьевское время // Социогенез в Северной Азии. Иркутск, 2005. Ч. I. С. 198–202.
- Богатенков Д.В. Палеодемография могильников Николаевка (Казацкое), Золотая Балка, Неаполь Скифский // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 27–35.
- Бутинов Н.А. Половозрастная организация // СЭ. 1982. №1. С. 63–68.
- Бутинов Н.А. Детство в условиях общинно-родового строя // Этнография детства. Традиционные методы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии. М., 1992. С. 5–16.
- Васютин А.С., Садовой А.Н. К проблеме реконструкции традиционных систем жизнеобеспечения в раннескифское время (Восточный Алтай – могильник Коо-1) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 35–38.
- Васютин С.А., Васютин А.С. Социальная планиграфия предтюркских погребений могильника Кок-Паш из Восточного Алтая // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: Теория, методология, интерпретация. Кемерово, 1997. С. 73–77.
- Васютин С.А., Васютин А.С. Население Восточного Алтая в предтюркское время // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005. С. 224–236.
- Викторова Л.Л. Система социализации детей и подростков у монголов, пути и причины трансформации ее элементов // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1983. С. 51–71.

- Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев, 1989. 112 с.
- Горяев В.С. Количественный анализ предметов погребального инвентаря и половозрастная структура // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. Кемерово, 1997. С. 34–39.
- Грач А.Д. Принципы и методика историко-археологической реконструкции форм социального строя (по курганным материалам скифского времени Казахстана, Сибири и Центральной Азии) // Социальная история народов Азии. М., 1975. С. 158–182.
- Грачева Г.Н. Отражение хозяйственного и общественного укладов в погребениях народностей Севера Западной Сибири // Социальная история народов Азии. М., 1975. С. 126–142.
- Грушин С.П. Палеодемографический анализ антропологических материалов из могильников елунинской культуры Верхнего Приобья // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово, 2003. С. 47–52.
- Дьяконова В.П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск, 2001. 222 с.
- Железчиков Б.Ф. Вероятная численность савромато-сарматов Южного Приуралья и Заволжья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 65–68.
- Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природы и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995. 259 с.
- Кадыева В.Я. Обряды и поверья, связанные с головой человека у южных алтайцев // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 233–242.
- Калиновская К.П. Возрастные группы народов Восточной Африки. М., 1976. 157 с.
- Калиновская К.П. К проблеме возрастных систем // СЭ. 1982. №1. С. 59–62.
- Кислый А.Е. Палеодемография и возможности моделирования структуры древнего населения // РА. 1995. №2. С. 112–122.
- Клюева Н.И., Михайлова Е.А. Накосные украшения у сибирских народов // Материальная и духовная культура народов Сибири: Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1988. Т. XLII. С. 105–128.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000. 320 с.
- Козинцев А.Г. Демография тагарских курганов // СА. 1971. №6. С. 148–152.
- Колесников А.Г. Некоторые вопросы половозрастной стратификации позднетрипольского населения среднего Поднепровья (по материалам могильников софиевского типа) // Археология и методы исторических реконструкций. Киев, 1985. С. 152–168.
- Кон С.И. Понятие поколения в современном обществоведении // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979. С. 202–229.
- Крадин Н.Н. Империя хунну. М., 2001. 312 с.
- Крадин Н.Н. Палеодемографическое моделирование и этнографические параллели: пример агинских степей // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 149–153.
- Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток, 2004. 106 с.
- Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 43–95.
- Кустова Ю.Г. Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996. 19 с.
- Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельностиномадного общества). Алматы; М., 1995. 320 с.
- Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск, 2000. 395 с.
- Матренин С.С. Некоторые аспекты палеосоциологического анализа детских погребений булан-кобинской культуры // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 81–86.
- Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 24 с.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005. С. 152–182.

Медникова М.Б. Палеодемографический анализ антропологических материалов из могильных комплексов джетысарской культуры // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000. С. 70–78.

Молодин В.И., Чижишева Т.А., Рыбина Е.В. Палеодемография игрековской культуры // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. Кемерово, 1997. С. 43–49.

Попов В.А. Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеаканского общества: (к постановке проблемы) // СЭ. 1981. №6. С. 89–97.

Попов В.А. Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности (вместо ответа оппонентам) // СЭ. 1982. №1. С. 68–79.

Радзюн А.Б. Характеристика населения гунно-сарматского времени Тувы // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984. С. 16–18.

Садовой А.Н. Территориальная община Горного Алтая в конце XIX – начале XX вв. (экологический аспект) // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 161–177.

Садовой А.Н., Онищенко С.С. К проблеме реконструкции традиционных систем жизнеобеспечения населения Восточного Алтая предтюркского времени // Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века) / В.В. Бобров, А.С. Васютин, С.А. Васютин. Новосибирск, 2003. С. 209–220.

Сорокин С.С. О хронологических формулах и значении термина «могильник» // Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1975. Вып. 3. С. 17–22.

Таскин В.С. Материалы по истории ухуаней и сяньби // Дальний Восток и соседние территории в средние века. История и культура Востока Азии. Новосибирск, 1980. С. 54–78.

Тихонов С.С. Верхнее Приобье в XII–IX вв. до н.э.: методики и реконструкции // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005. С. 64–81.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. 430 с.

Тортика А.А., Михеев В.К., Кортиев Р.И. Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ // ЭО. 1994. №1. С. 49–62.

Халдеев В.В. Сколько было сарматов? // СА. №3. С. 230–231.

Худяков Ю.С. Роль военного дела в социальной стратификации кочевого общества // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997а. С. 9–11.

Худяков Ю.С. Оружие как показатель социального статуса в кочевых обществах Южной Сибири и Центральной Азии // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. Кемерово, 1997б. С. 62–64.

Худяков Ю.С. Палеодемографические аспекты изучения могильника Усть-Эдиган // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 134–136.

Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма // Археология и антропология могильников. М., 1999. 326 с.

Kenk R. Das Gräberfeld der hunno-sarmatische Zeit von Kokel', Tuva, Süd-Sibirien. AVA-Materialien. München, 1984. Band 25. 202 s.

Н.П. Гуляева

*Красноярский государственный университет
цветных металлов и золота, Красноярск*

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ В АРХЕОЛОГИИ:

ПРОБЛЕМА ГЛАЗАМИ СОЦИОЛОГА*

В последние годы значительно возрос интерес к социальной интерпретации археологического материала. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что без этого не обходится ни одно серьезное исследование материальной культуры древних обществ (см., например: Бернабей М., Бондиоли, Гуиди А., 2004; Бишони Р., 2004; Бобров В.В., Васютин А.С.,

* Работа выполнена при поддержке Красноярского краевого фонда науки (грант 16G039).

Васютин С.А., 2003; Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И., 1993; Бородкин Л.И., Гарскова М., 1994; Бунятян Е.П., 1985; Вадецкая Э.Б., 1999; Дженито Б., 1994; Железчиков Б.Ф., 1994; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; Матвеев А.В., 1998; Матвеева Н.П., 2000; Николаев В.С., 2004; Полосьмак Н.В., 2001; Савинов Д.Г., 2002; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003а; Хлобыстин Л.П., 1998; Хлобыстина М.Д., 1993; Матющенко В.И., Татаурова Л.В., 1997). Кроме того, за последние 10–15 лет был проведен ряд конференций, по итогам которых вышли в свет сборники научных работ, специально посвященные данной тематике (подробно см.: Бобров В.В., 2003, с. 4–5).

Тем не менее хотелось бы выделить ряд вопросов, которые, на взгляд автора данной статьи, до сих пор не нашли адекватного решения.

Прежде всего следует остановиться на понимании социальной структуры в работах археологов. Так, например, А.А. Тишкин и П.К. Дашковский (2003а, с. 101) интерпретируют ее как «размещение всех отношений, зависимостей, взаимодействий между отдельными элементами в социальных системах разного ранга. При этом в качестве таких элементов могут выступать социальные институты, социальные группы и общности разных типов; базовыми элементами социальной структуры являются нормы и ценности». Налицо смешение разных подходов: структурно-функционального анализа Т. Парсонса, который действительно рассматривает в качестве базовой ценностно-нормативную основу деятельности людей, и системного, традиционного для отечественного обществознания. Авторы коллективной монографии «Социальная структура ранних кочевников Евразии» (Васютин С.А., Коротаяев А.В., Крадин Н.Н., Тишкин А.А., 2005, с. 39–40) видят эту разницу, но не замечают другого: в их интерпретации исчезает разница между социальной структурой и социальной системой.

Для решения данной проблемы необходимо разобраться с некоторыми основополагающими категориями социологии. В пределах данного исследования таковыми являются «социальная система», «социальная структура», «социальная стратификация» и «социальная дифференциация». Начнем с первых, самых общих – «социальная система» и «социальная структура». Надо сказать, что и в работах социологов эти дефиниции до некоторой степени смешиваются и употребляются почти как синонимы (см., например: Руткевич М.Н., 2004, с. 50–53; Волков Ю.Г., Добренков В.И., Нечипуренко В.Н., Попов А.В., 2003, с. 159; Кулыгин В.П., 2002, с. 122). Но при теоретической интерпретации данных понятий с целью превращения их в инструменты научного исследования мы оказываемся перед необходимостью провести четкие разграничительные линии. Попытаемся выделить основные подходы, сложившиеся в социологии при изучении социальной системы и социальной структуры.

С.Г. Кирдина выделяет два таких подхода, обозначая их как объективистскую и субъективистскую парадигмы. «В рамках объективистского подхода общество рассматривается как определенным образом устроенная социальная система, а предметом социологии выступает изучение этой социальной системы, ее взаимосвязанных элементов, комплекса устойчивых исторически сформировавшихся отношений, или социальных институтов. С этой точки зрения общество понимается как социальная макроструктура, существующая объективно и независимо от индивидов, как результат предшествующей деятельности людей, отделенный во времени от них самих. В определенных границах эта структура, образованная комплексом постоянно функционирующих социальных институтов, остается неизменной, несмотря на то, что ее внешние проявления постоянно меняются. Это – социальный, системный уровень рассмотрения общества. Поскольку в рамках объективистской парадигмы социальные процессы рассматриваются преимущественно на макроуровне, такой подход часто называют макросоциологическим» (Кирдина С.Г., 2005, с. 31).

Таким образом, при исследовании социальных систем представители этого подхода идут от общего к частному, от общей характеристики социальной системы к более подробному рассмотрению входящих в нее элементов, определяя социальную структуру как некий устойчивый каркас общества. При этом, естественно, понятие «структуры» оказывается неизмеримо «беднее» понятия «системы», поскольку исследователи сосредоточиваются на сущности и существовании общества как такового, аналитически отсекая явления частного, единичного порядка. Финский социолог Эрки Калеви Асп (1998, с. 32) указывает: «Многие исследователи подчеркивают в первую очередь структуру и значение различных структур в анализе социальной системы. Структурализм является таким методом исследования, в котором социальная система и ее явления рассматриваются как структурные совокупности, а развитие и действие в социальной системе – как отношение между этими совокупностями или их составляющими... Социальная система – это организованное целое, части которого находятся в отношениях взаимозависимости в том смысле, что изменение в какой-то части приводит к изменениям в других частях системы... Социальная система, как система взаимодействий, является таким образом структурной и функциональной совокупностью».

Альтернативный подход можно назвать субъектно-деятельностным. «Общество рассматривается прежде всего как социально-групповая, субъектно-поведенческая структура, и само его существование представляет собой не что иное, как взаимодействие между этими социальными группами. Особенности этого взаимодействия, установки участников, их интересы, специфика поведения задают тип общества, а потому именно субъекты или акторы социального действия являются основным объектом изучения. Такой ракурс рассмотрения общества характеризует субъективистскую парадигму в социологии. Типология социальной деятельности М. Вебера, концепция хабиитуализации и основанная на ней теория «социального конструирования действительности» П. Бергера и его коллег, социальный бихевиоризм Дж. Г. Мида, развитый Г. Блумером в социальную теорию символического интеракционизма, и многое другое являются вкладом представителей, придерживающихся субъективистской парадигмы, в социологическую теорию», – пишет С.Г. Кирдина (2005, с. 30). Следовательно, в рамках этого подхода мы наблюдаем своего рода «встречное движение» – от частного, единичного – к общему: от деятельности человека как субъекта общественных отношений к возникновению неких надындивидуальных и сверхколлективных сущностей. Таким образом, бесчисленное множество единичных взаимодействий создает социальную структуру, кристаллизуя в качестве ее элементов социальные статусы и роли, а социальная система (в крайних случаях – и само общество) трактуется как некий гносеологический конструкт.

Какой же из этих методологических подходов в большей степени отвечает задачам реконструкции древних обществ по археологическим источникам? Автору данной статьи представляется, что первый. Материал, полученный в ходе раскопок, первоначально предстает перед исследователем как единый комплекс, в котором затем путем аналитических процедур вычлняются типы, модели, группы, отражающие тот или иной аспект жизни древнего населения. Например, вся совокупность погребальных памятников по признакам, выделяемым как значимые, разбивается на группы захоронений, которые исследователи соотносят с единицами социальной структуры. Именно так действует Е.П. Бунятян (1985, с. 26–27), рассматривая социальную структуру как «совокупность общественных групп, исторически сложившихся общностей людей (классов, наций, семейных общностей и т.д.) и связей, отношений между ними, образовавшихся на основе определенного экономического базиса». Пожалуй, при анализе археологического материала это даже оправдано, поскольку, как правило, речь идет именно о структуре, а не о системе древнего общества. Точ-

нее, о некоторых «срезах» социальной структуры: половозрастном, социально-классовом, профессиональном и т.д. Проследить же индивидуальное социальное положение каждого из захороненных и, тем более, оценить на вещевых источниках способы и формы взаимодействия членов древних обществ гораздо сложнее, а чаще всего просто невозможно. Более того, с точки зрения автора данной статьи, использование методологии структурно-функционального анализа применительно к археологическому материалу представляется весьма затруднительным, так как интерпретация остатков материальной культуры в ценностно-нормативном аспекте, равно как и построение опирающейся на него статусно-ролевой иерархии, сопряжена с определенными сложностями. Тем более, что на практике осуществляется именно реконструкция социальной структуры, более того, ее достаточно специфической стороны – социальной стратификации. Это не означает, разумеется, что субъективистская парадигма должна быть отвергнута археологами раз и навсегда. Напротив, на определенном этапе исследований «подключение» субъектно-деятельностного подхода просто необходимо. Но это возможно только после того, как будут обозначены собственно субъекты деятельности. Специфика же археологического материала такова, что в качестве последних рассматриваются преимущественно социальные группы, а не индивиды. Выделение же социальных групп по причинам, указанным выше, рациональнее начинать с макроуровня, постепенно разбивая их на более мелкие, уточняя положение относительно друг друга.

Это положение социальных групп в социальной системе и структуре описывается с помощью двух основных дефиниций: социальная стратификация и социальная дифференциация. Стратификация определяется как система организованного социального неравенства, т.е. разделение общества по вертикали. Социальная дифференциация противопоставляется стратификации и дополняет ее, выявляя разницу по горизонтали. Например, когда мы говорим о группах, выделенных по величине дохода, это стратификация, а когда рассматриваем по источнику дохода, – дифференциация.

Многие авторы-археологи отождествляют стратификацию с социально-классовой структурой (даже если называют ее иначе; см.: например: Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2005, с. 53) и противопоставляют половозрастной структуре. При этом следует упомянуть, что реконструкция половозрастной структуры населения, проводимая по антропологическим данным, полученным при исследовании погребальных комплексов, является, как правило, первым шагом при моделировании социальной системы древних обществ. И это вполне естественно, так как именно половозрастная структура общества, с одной стороны, наиболее четко фиксируется в материалах, полученных путем раскопок, а с другой – является своего рода основой для проведения дальнейших изысканий. «Структуру древнего общества следует представлять... в виде системы координат, на горизонтальной оси которой находятся группы, имеющие отношение к разным ролям или статусам, на вертикальной – имеющие отношение к разным уровням социальной значимости или рангам... Каждый член социума имеет свои координаты на шкале статусов и рангов. Статус он, как правило, наследует, а повышение ранга обычно связано с заслугами... Предложено также деление статусов на предписанные и достигаемые. Первый базируется на половозрастном делении и принадлежности к данному коллективу по рождению и поэтому наследуется. А второй может быть получен в силу должностного положения, участия в религиозной деятельности и т.п.» (Матвеева Н.П., 2000, с. 6). Более отчетливо та же позиция выражена у А.А. Тишкина и П.К. Дашковского (2003б, с. 20): «В древних, средневековых и традиционных обществах в основе горизонтальной проекции лежит половозрастная структура, а вертикальная базируется на социальном, имущественном, профессиональном и ином различии». Подобный подход тем более удивителен, что сами авторы выстраивают иерар-

хию групп и по половозрастному признаку! А на «вертикальной оси» выделяют не менее трех различных оснований для ранжирования. В связи с этим хотелось бы напомнить, что П.А. Сорокин, глубокое знакомство с трудами которого прослеживается практически во всех серьезных работах по реконструкции социальных систем древних обществ, не раз подчеркивал многомерность социального пространства, которое насчитывает не две, а бесконечное множество координатных осей. «Социальное же пространство – многомерное, поскольку существует более трех вариантов группировки людей по социальным признакам, которые не совпадают друг с другом (группирование населения по принадлежности к государству, религии, национальности, профессии, экономическому статусу, политическим партиям, происхождению, полу, возрасту и т.п.). Оси дифференциации населения по каждой из этих групп специфичны, *sui generis* и не совпадают друг с другом. И поскольку связи всех видов являются существенными признаками системы социальных координат, то очевидно, что социальное пространство многомерно, и чем сложнее дифференцировано население, тем многочисленнее эти параметры» (Сорокин П.А., 1992, с. 302).

Таким образом, и половозрастная, и профессиональная дифференциация и имущественная, и социально-классовая стратификация – все это разные срезы социальной структуры, которую, сужая поле исследования, можно рассматривать как систему отношений социальных групп.

А что же такое «социальная группа»? В большинстве случаев археологи не задаются этим вопросом, априорно подразумевая под выделенными на археолого-антропологическом материале совокупностями отражения реально существовавших социальных общностей. При сравнительно редких попытках атрибуции данной дефиниции она соотносится с тем или иным подходом к определению группы в классической социологии. Так, Н.П. Матвеева (2000, с. 6) трактует этот феномен как «совокупность индивидов, объединенных характером и содержанием трудовой деятельности, жизненным уровнем, определенным способом распределения рабочего и свободного времени, отношением к духовным ценностям». В том же ключе рассматривает социальные группы Е.П. Бунятыч (1985, с. 27): «Основанием для выделения социальных групп в социально-классовой структуре является место их в системе общественного производства, в системе производственных отношений... Из социального положения вытекает социальная роль этих групп, определяемая как совокупность функций, которые надлежит выполнить человеку, занимающему то или иное социальное положение в обществе». Пожалуй, наиболее «социологичным» следует признать подход А.А. Тишкина и П.К. Дашковского (2003, с. 102), которые предлагают трактовку социальной группы, почерпнутую у В.В. Радаева и О.И. Шкаратана (1995, с. 18): «...совокупность людей, которые взаимодействуют друг с другом, объединены общностью устойчивых и воспроизводящихся свойств и совпадающими интересами своих членов... категория «группа» преимущественно используется для такой совокупности людей, члены которой чаще взаимодействуют друг с другом, чем с людьми извне...»

Но дело в том, что понятие «социальная группа» – это очень широкое понятие (что, впрочем, заметно и по цитированному выше) и включает в себя самые разнообразные социальные общности. По словам А. Смолла, часто «термин *группа* служит в качестве удобного обозначения любого количества лиц, большего или меньшего, между которыми обнаруживаются такие связи, которые говорят, что они вместе» (См.: Антипина Г.С., 1982, с. 27). Следовательно, под определением «социальная группа» могут скрываться самые разные социальные общности и агрегаты. Вероятно, поэтому среди высказываний отечественных социологов встречаются прямо противоположные мнения о месте социальной группы в структуре общества. Так, Н.А. Аитов полагает, что «социальная группа есть первичная, основная единица социально-классовой структуры. Более общим понятием, стоящим

над социальной группой, является только общество» (Аитов Н.А., 1990, с. 6). Напротив, В.С. Семенов считает, что социальная группа – «более дробный, внутриклассово-социальный элемент социальной структуры... Если класс образует наиболее высокий уровень социального деления, слой – средний уровень, то социальная группа – низший, первичный уровень» (Семенов В.С., 1977, с. 62). Поэтому, как в свое время указал Е.И. Головаха (1979, с. 33), «анализ понятия «социальная группа» сопряжен с рядом трудностей. Во-первых, оно охватывает чрезвычайно широкий круг различных социальных общностей. Сюда включаются и малые, контактные группы, и различные макрогруппы..., коллективы предприятий, население регионов и т.п. Во-вторых, взаимное пересечение групп, включение одних групп в другие, порождает сложную иерархию групп в обществе».

Для решения проблемы социальной группы как элемента социальной структуры следует уточнить, какую именно социальную группу мы имеем в виду. Термин «социальная группа» будет наиболее общим, включающим в себя самые разнообразные социальные общности без уточнения размера, структуры, характера связей внутри группы. Следовательно, это наиболее абстрактное определение. Его конкретизацией являются термины «большая (дистантная) социальная группа» и «малая (контактная) социальная группа». Разумеется, только количество индивидов, входящих в группу, не делает ее большой или малой. Так, А.А. Радугин и А.К. Радугин (1995, с. 13) пишут: «...принято называть малой социальной группой группу индивидов, насчитывающую в своем составе от 2 до 15–20 индивидов. Все группы, в которые входят более 20 человек, называются большими социальными группами». Не будем иронизировать по тому поводу, что группа из 21 человека попадает в разряд «больших». Скажем только о том, что, по мнению Г. Антипиной, малая группа состоит из 3–4 человек, а Радугины относят подобное социальное объединение к «первичным» группам как разновидности малых. На наш взгляд, отличия большой социальной группы от малой, – это отличия не столько количественного, сколько качественного порядка.

Большая социальная группа недаром носит имя дистантной. Это значит, что составляющие ее индивиды не состоят в прямом, непосредственном контакте. Они могут вообще не иметь представления друг о друге и составлять статистическую совокупность. Л. Десев (1979, с. 12) отмечает следующие особенности больших социальных групп: 1) опосредованность контактов между индивидами, их составляющими; 2) отсутствие пространственной близости; 3) структурная сложность (большая социальная группа может включать в себя множество малых социальных групп, которые, являясь элементами дистантной группы, могут функционировать как самостоятельные социальные образования).

Однако создается впечатление, что большая (дистантная) социальная группа является чрезвычайно аморфным образованием. Можно ли в таком случае говорить о ней как о социальном единстве? Еще раз подчеркнем, что мы имеем дело с абстракцией очень высокого порядка, а, следовательно, подход к решению поставленного вопроса должен быть очень осторожным. Сошлемся на слова А.И. Донцова (1979, с. 51): «Целостность социальной группы может быть понята как процессуальная непрерывность ее существования, обеспечиваемая относительно устойчивым воспроизводством основных структурных компонентов системы внутригрупповой активности. Воспроизводству подлежат как цели, средства и условия групповой активности, составляющие ее предметное содержание, так и сама совокупность обладающих определенными умениями, навыками и взаимоотношениями индивидов, которые используют данные средства и реализуют поставленные цели». Таким образом, если существование социальной группы: а) процессуально непрерывно, б) основано на воспроизводстве важнейших компонентов ее структуры и условий существования, то мы можем считать ее обладающей внутренним единством.

В отличие от дистантной социальной группы понятие малой социальной группы является более конкретным. Это приводит к большей однородности взглядов исследователей. Значительная часть как отечественных, так и зарубежных авторов придерживаются мнения, что малую социальную группу в первую очередь отличает непосредственный характер взаимодействия между ее членами (см., например: Антипина Г.С., 1982; Антонович И.И., 1981; Фатхуллин Н.С., 1989; Щепаньский Я., 1969).

Возвращаясь к синтезу археологии и социологии, точнее к социологической интерпретации археологических источников, мы оказываемся перед необходимостью соотнести понятия «социальной группы» и «малой социальной группы» с совокупностями, выделяемыми на основании анализа полученного в ходе раскопок материала. Очевидно, что малыми социальными группами являются группы семейные и/или кровно-родственные (при условии одновременного существования такой общности). Можно ли это отследить на археологическом материале? В некоторых случаях – несомненно. Достаточно хорошие результаты дает планиграфический анализ могильников, что неоднократно отмечено в литературе (см.: Бобров В.В., 1989, с. 52; Троицкая Т.Н., 1989, с. 74; Миняев С.С., 1989, с. 114–115; Зах В.А., 1989, с. 142–144; Марсадолов Л.С., 2003, с. 82, 86; Савинов Д.Г., 2005, с. 213–214, 216; Васютин С.А., Васютин А.С., 2005, с. 232–233; Новиков А.Г., Горюнова О.И., Вебер А.В., 2005, с. 146–148; Николаев В.С., 2004, с. 112–114; Матвеев А.В., 1998, с. 169–175, 222–236; Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И., 1993, с. 75–79; Матющенко В.И., Тагаурова Л.В. 1997, с. 92–96; Грушин С.П., 2002, с. 9; Иванова С.В., 1998; Еременко В.Е., 2001; Алексеева Т.А., Денисова Р.Я., Козловская М.В., Костылева Е.Л., Крайнов Д.А., Лебединская Г.В., Уткин А.В., Федосова В.Н., 1997, с. 21; Шульга П.И., 1989, с. 42–43; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 21, 33).

Обращает на себя внимание общий подход к анализу планиграфии погребальных памятников: исследователи стремятся выделить на территории могильника локальные группы погребально-ритуальных сооружений, проследив как их внутреннюю хронологию и структурную организацию, так и взаимосвязь с иными объектами исследуемой территории. И это совершенно оправдано. Однако остается открытым вопрос: насколько выделяемые группы действительно были связаны узами родства? Как известно, родственные отношения могут строиться по двум основным линиям: кровно-родственной и семейно-брачной. Если отслеживание последней на археологических материалах представляется крайне сложным делом, поскольку предварительно необходимо решить проблему принципиальной реконструкции конкретного воплощения института брака и семьи в исследуемом обществе, выделив археологические маркеры специфического семейного положения того или иного его представителя, то реконструкция кровнородственных связей теоретически вполне возможна, если использовать материалы палеопатологии и генетики. В этой связи очень интересны работы А.П. Бужиловой (Бужилова А.П., 1992, с. 78–104; Бужилова А.П., Козловская М.В., 2000, с. 36–38; Бужилова А.П., Медникова М.Б., 1993, с. 253–270; 1995, с. 229–239) и других авторов (Смушко С.Ю., 1999, с. 300–302; Черепанова А.А., 1998, с. 215–216), а также коллективная монография, посвященная исследованию населения Горного Алтая в эпоху раннего железного века (Молодин В.И., Воевода М.И., Чикишева Т.А., Ромащенко А.Г., Полосьмак Н.В., Шульгина Е.О., Нефедова М.В., Куликов И.В., Дамба Л.Д., Губина М.А., Кобзев В.Ф., 2004).

Таким образом, при достаточно тщательном анализе погребальных комплексов мы можем выделить семейные (родственные) группы, которые могут быть организованы в систему иерархического подчинения (и таким образом представлять интерес на следующем уровне анализа), а могут оказаться на одной ступени социальной лестницы в качестве равноправных участников общественных отношений.

Однако, помимо родственных, в качестве малых групп могут рассматриваться и иные. При достаточно значимом статистическом материале, полученном в ходе раскопок какого-либо одного погребального комплекса, представляется теоретически возможным выделение малых групп по социально-сословному признаку и, возможно, по месту в общественном разделении труда. Я намеренно избегаю такого признака, как «профессиональный», так как возникают серьезные сомнения в жестком членении социальной структуры древних обществ по данному основанию. Скорее, проявляя осторожность, мы можем говорить о неких группах индивидов, выполняющих чрезвычайно специфические функции (сакральные, управленческие, военно-политические), и именно эта специфика будет отражена в погребальной обрядности. Разумеется, рассматривать такие группы в качестве малых мы можем только после решения вопроса о одновременности сосуществования входящих в них индивидов. К сожалению, далеко не всегда подобные интерпретации сопровождаются абсолютной датировкой исследуемых объектов, что могло бы, с одной стороны, послужить своего рода проверкой выводов, сделанных на основании анализа археологических материалов, а с другой – явилось важным аргументом при выделении одновременно существующих социальных групп.

В качестве малых социальных групп мы можем рассматривать и домохозяйства, переходя, таким образом, от анализа погребальных памятников к изучению поселений.

При изучении жителей поселения как социальных групп, во-первых, необходимо определиться с количественным составом последних. Обычно это делается через сопоставление общей площади жилищ (хозяйственных построек) и нормы жилой площади на одного человека. Однако в настоящее время существуют серьезные расхождения в оценках индивидуальных норм. Так, например, В.И. Матюшенко (1974, с. 111) определяет ее как равную 3 кв. м, Л.П. Хлобыстин (1972, с. 31; 1998, с. 157), В.Ф. Старков (1980, с. 183), В.Т. Ковалева (1993, с. 11), Г.М. Буров (1993, с. 29, 32–33) считают более вероятной оценку в 3,5 кв. м. Т.Н. Троицкая и Т.В. Мжельская (1994, с. 80–81) более осторожно оценивают в 3–4 кв. м, В.А. Зах (1995, с. 73), Н.П. Матвеева (2000, с. 85, 114), Л.Н. Корякова и А.С. Сергеев (1989, с. 171) придерживаются нормы площади 4 кв. м. А.В. Матвеев (1995, с. 38) увеличивает ее до 4–5 кв. м. Эти расхождения вполне понятны, так как разные типы хозяйственной деятельности, особенности окружающей среды формируют различный хозяйственно-бытовой уклад. Проблема состоит скорее в адекватности используемых этнографических параллелей и корректности сопоставления результатов, полученных при применении различных методик. И весьма странно было встретить следующее утверждение: «Если предположения о величине нормы жилой площади на человека, сделанные исследователями для отдельных поселений, разных в культурном и хронологическом отношении, в целом верны, то средняя норма – 4 кв. м, рассчитанная с учетом всех вышеперечисленных показателей, представляется, на наш взгляд, наиболее оптимальной и приемлемой характеристикой для палеодемографических исследований» (Аношко О.М., 2003, с. 67).

Подобный подход представляется не критичным, так как игнорирует все особенные, специфические черты изучаемых древних обществ, сводя индивидуальную норму жилой площади к некоторому арифметическому среднему или даже модальному значению. При этом данный показатель утрачивает свои потенциальные диагностические возможности. Теоретически, опираясь на него, можно было бы поставить вопрос не только о размере семьи, но и о степени ее интеграции/обособленности в хозяйственной жизни древнего коллектива. В самом простом, схематичном виде при возрастании доли совместно используемых хозяйственных построек мы можем диагностировать и большую взаимозависимость семей, более широкое распространение межхозяйственной кооперации. Однако при этом мы оказываемся перед необходимостью и более четкого определения функционального на-

значения исследуемых строений, и индивидуальная норма площади в таком случае должна рассчитываться только по «жилым» помещениям, за вычетом складских, ритуальных, оборонительных сооружений, а также строений для содержания скота. Кроме того, следует учитывать и планиграфию вспомогательных построек – при тяготении их к жилым домам можно предполагать большую степень индивидуализации домохозяйства, при общей концентрации в какой-либо определенной части поселения, да еще и большими площадями, напрашивается вывод о большей интегрированности хозяйственной жизни его обитателей. К сожалению, помимо чисто технических аспектов фиксации материала с необходимой точностью, на данном пути существуют сложности и методологического порядка. В самом деле, для того чтобы определить норму жилой площади, нужно выяснить, какой тип хозяйства был присущ изучаемому обществу. А определение типа хозяйства в свою очередь зачастую опирается на изучение особенностей поселенческой структуры. Получается замкнутый круг, выход из которого автор данной статьи видит лишь через сравнение и сопоставление жилых комплексов разных времен и территорий с задачей выделения типов как общепоселенческих структур, так и отдельных строений, характерных для каждой культурной и пространственно-хронологической ниши.

Другим аспектом данной проблемы является выделение семейной группы в качестве единицы поселенческих комплексов. Нужно сказать, что эта проблема неоднократно затрагивалась в работах археологов. Например, В.А. Борзунов, Ю.Ф. Кирюшин, В.И. Матющенко (1993, с. 5) отмечают: «...характер, планировка и размеры поселений и построек, детали интерьера жилищ зависели от социального и демографического факторов: уровня развития, структуры и численности общин... размещение поселений, обитатели которых были связаны родоплеменными узами, как правило, характеризовалось наличием достаточно устойчивых связей между этими поселениями. В самих поселках жилища часто концентрировались группами, принадлежащими определенной фратриальной родоплеменной или семейно-клановым единицам» (Борзунов В.А., Кирюшин Ю.Ф., Матющенко В.И., 1993, с. 5).

Однако вопрос соотношения поселенческих комплексов и родоплеменных и семейных групп представляется очень и очень непростым. Как правило (с учетом индивидуальной нормы жилой площади), малые строения соотносятся с малой семьей, а большие, соответственно, – с большой. Например, Г.М. Буров (1993, с. 35) пишет: «...мы можем предположить, что меньшие из них (полуземлянок. – Н.Г.) принадлежали малым семьям, а большие – «расширенным», причем в просторных помещениях с 2–3 очагами последние были закреплены за отдельными брачными парами». В том же ключе высказывается Л.Л. Косинская: «Расположение очагов в больших жилищах цепочкой по продольной оси позволяет относить их к типу «длинных домов», широко известных и в этнографии, и по археологическим данным. Интерьер таких домов организуется как ряд жилых семейных ячеек с очагом в каждой. Родственные семьи, занимающие «длинный дом», составляют общину» (Косинская Л.Л., 1993, с. 57). Такая интерпретация вполне возможна. Однако она не является исчерпывающей. Большие дома с несколькими очагами – центрами эксплуатации, конечно, можно рассматривать как свидетельства существования большой многопоколенной семьи. Но можно их интерпретировать и иначе. Например, как пресловутые «мужские» или, наоборот, «женские» дома. Я отнюдь не настаиваю на своем предложении, – оно сделано без учета конкретных обстоятельств, без изучения остатков хозяйственной деятельности и потому совершенно некритично. Но и из приводимого авторами материала не следует, что описанные ими жилища эксплуатировались именно семьями, а не какими-то иными коллективами. Тем более, что в большинстве случаев на памятниках фиксируются и большие, и малые строения, что должно приводить к заключению о сосуществовании

различных форм семейно-брачных отношений. Поэтому, возможно, следует воздержаться от прямой экстраполяции количества очагов на структуру семьи.

Еще более сложным является вопрос о соотношении поселенческих памятников, семейно-брачной структуры, структуры домохозяйств и общественной организации в целом. В литературе чрезвычайно распространено прямое перенесение: поселение – племя, поселение – община и т.д. Поскольку для его решения необходимо разобраться с такими дефинициями, как «племя», «община», «род», а также с адекватностью выделения последних на археологическом материале, позвольте ограничиться лишь обозначением данной проблемы.

Завершая данный сюжет, хотелось бы отметить, что при всех сложностях использования материалов поселенческих комплексов, игнорировать их все же нельзя как минимум по двум причинам. Первая: для целого ряда территорий массовые погребальные памятники отсутствуют. Следовательно, мы не имеем иного пути как анализ социальной структуры древних обществ на материалах поселений. Но для этого нужна грамотная, прошедшая проверку методика исследования. Построить ее можно, используя перекрестный анализ данных погребений и поселений там, где на радость исследователю, есть и те, и другие. Во-вторых, изучение поселенческих комплексов, разумеется, выступает в качестве «контрольного замера» для моделей социальной структуры, выведенных из исследования погребального обряда.

Что касается больших социальных групп, то здесь на первый взгляд все гораздо проще. В самом деле, выделяемые на основании анализа трудозатрат и вещевого комплекса захоронений, модели погребений зачастую прямо соотносятся с бытовавшими в обществе большими социальными группами. На базе этого строится иерархия групп (моделей), в основу которой положен комплекс признаков, характеризующих социально-сословную, имущественную, политическую дифференциацию общества. И это не случайно, так как подобная нерасчлененность характерна для самого погребального обряда, рассматриваем ли мы единичные артефакты, их комплекс или «архитектурное» оформление захоронений. С другой стороны, уже при выделении моделей имплицитно исследователями ставится задача выйти на систему социальной стратификации изучаемого общества. На то, что подобный подход вызывает определенные сомнения, указывали разные исследователи (см.: Тихонов С.С., 1989, с. 34; Епимахов А.В., Ражев Д.И., 2003, с. 24–26). Кроме того, выделение моделей, конечно, позволяет определить статус каждой из выделенных групп в относительной иерархии социума, но при этом теряется сама многомерность социального пространства, что с гносеологических позиций представляется не вполне корректным. Если в классической социологии первоначально определяются позиции социальных групп по каждому конкретному вектору и лишь затем осуществляется общая характеристика социального статуса, то применительно к анализу археологического материала, возможно, есть смысл пойти иным путем – от общего к частному. Используя сравнительный анализ погребальных памятников различных культур, присущих им моделей погребений и погребальной обрядности в целом, вычленив элементы, характеризующие какое-либо измерение социального пространства.

Помимо этого, следует учитывать, что социальные группы, выделяемые по материалам захоронений, дистантны не только в пространстве, но и во времени. С одной стороны, это служит дополнительным аргументом адекватности их выделения, поскольку свидетельствует о двух важнейших характеристиках подобных общностей, упоминавшихся выше: процессуальной непрерывности и воспроизводстве важнейших компонентов ее структуры. С другой стороны, получается, что существование выделяемой группы, по сути, игнорирует фактор времени, сводя его к некой абстрактной «хронологической точке».

Кроме того, существует еще одна проблема: соотнесение данных, полученных при исследовании разных памятников одной и той же археологической культуры, что, по идее, должно выводить на построение общей, генеральной модели социальной структуры исследуемого общества. А при соотнесении с фактором времени подобные построения послужили бы базой для оценки динамики социальной структуры. Однако, к сожалению, как правило, исследователи ограничиваются интерпретацией материалов одного памятника. Блестящее методическое решение этого вопроса, продемонстрированное более двадцати лет назад Е.П. Бунятян (1985, с. 45–57), до сих пор не нашло широкого применения в практике археологических исследований.

Выделение больших социальных групп по материалам поселений также сопряжено с рядом проблем. В принципе, в качестве такой группы мы можем рассматривать всех жителей какого-либо поселения при условии их единовременного сосуществования. Таким образом, возникает вопрос: разрешима ли данная задача – определение единовременности сосуществования – посредством анализа археологических материалов? Возможно, некоторые пути решения удастся найти через более тщательное исследование микростратиграфии отдельных жилищ, сопоставление их друг с другом и выявление общей пространственно-хронологической картины эксплуатации данной территории.

Во-вторых, возникают определенные сложности с качественным составом. Рассматривая жителей какого-либо поселения как большую социальную группу, мы неизбежно оказываемся перед необходимостью определения ее внутренней структуры: какие малые группы и какого характера входили в ее состав? Выше уже излагались соображения о сложностях выделения домохозяйств и семей в качестве малых социальных групп. Кроме того, на материалах поселений значительно сложнее, чем при изучении погребальных комплексов, выделить признаки, характеризующие социальную иерархию. Можно ли в качестве маркера рассматривать размер жилища? Очевидно, только после решения вопроса о количестве эксплуатировавших его людей. Может ли служить таким признаком сравнительно более сложная архитектурная конструкция? Отражается ли социальное неравенство в планиграфии памятника? К сожалению, в данном случае у автора статьи вопросов гораздо больше, чем ответов.

Постараемся подвести некоторые итоги. В настоящее время вопрос «осуществимы ли социологические реконструкции на основе археологических источников» лишен смысла, поскольку практика убедительно свидетельствует в пользу осуществимости. Проблема состоит в другом: в каком объеме, на каком теоретическом уровне и как технически могут и должны проводиться эти реконструкции? У автора данной статьи есть серьезные сомнения в принципиальной реконструкции социальных систем древних обществ, по крайней мере, – относительно функциональной составляющей и на современном уровне источников. Парадокс состоит в том, что функциональность оказывается легче просматривается в динамике, чем при анализе какого-либо древнего коллектива, взятого в статичном положении. А вот отследить структуру социальной системы – или собственно социальную структуру – можно, что и делается с переменным успехом. При этом в большей степени внимание сосредоточивается на выделении социальных групп и их взаимного расположения. Именно по этой причине автор статьи уделила данной проблеме (как теоретическому выделению этих общностей в социологии, так и отражению в археологических материалах) так много места. Но дело в том, что социальная структура не исчерпывается сколько бы то ни было подробным описанием социальных групп и их расположения относительно друг друга. Она включает, как минимум еще и социальные институты, и социальные связи. Фиксируемы ли они по археологическим источникам? Этот вопрос требует отдельного и очень тщательного рассмотрения.

Библиографический список

- Аитов Н.А. Понятие «социальная группа» в марксистской социологии // Социальные группы и их деятельность. Уфа, 1990. С. 3–12.
- Алексеева Т.А., Денисова Р.Я., Козловская М.В., Костылева Е.Л., Крайнов Д.А., Лебединская Г.В., Уткин А.В., Федосова В.Н. Неолит лесной полосы Восточной Европы (Антропология Сахтышских стоянок) М., 1997. 191 с.
- Аношко О.М. Некоторые аспекты палеодемографического изучения бархатовской культуры (по материалам поселений) // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово, 2003. С. 65–70.
- Антипина Г.С. Теоретико-методологические проблемы исследования малых социальных групп. Л., 1982. 282 с.
- Антонович И.И. Буржуазная социологическая теория. Минск, 1981. 224 с.
- Бернабей М., Бондиоли Л., Гуиди А. Социальная структура кочевников савроматского времени // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н.э.). М., 1994. С. 159–184.
- Бишони Р. Погребальный обряд как источник для исторических реконструкций // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н.э.). М., 1994. С. 153–158.
- Бобров В.В. К вопросу о социологическом анализе погребений предскифского времени Кузнецкой котловины // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1989. Ч. I. С. 49–53.
- Бобров В.В. Современное состояние развития социального направления в археологии // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово, 2003. С. 3–6.
- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск, 2003. 224 с.
- Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск, 1993. 157 с.
- Борзунов В.А., Кирюшин Ю.Ф., Матющенко В.И. Поселения эпох камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993. С. 4–45.
- Бородкин Л.И., Гарскова М. Методика анализа многомерных иерархических данных // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н.э.). М., 1994. С. 87–125.
- Бужилова А.П. Изучение физиологического стресса у древнего населения по данным палеопатологии. // Экологические аспекты в палеоантропологических и археологических реконструкциях. М., 1992. С. 78–104.
- Бужилова А.П., Козловская М.В. Были ли скифы тучными? (антропологический анализ кремнированных останков из скифского погребения) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология, археология. М., 2000. С. 36–38.
- Бужилова А.П., Медникова М.Б. Опыт палеодемографической реконструкции населения Восточного Приуралья в последние века до нашей эры – VIII в. н. э. По материалам из склепов джетысарской культуры // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II: Джетысарская культура. Ч. 1: Склепы. М., 1993. С. 253–270.
- Бужилова А.П., Медникова М.Б. Реконструкция некоторых особенностей образа жизни древнего населения Восточного Приуралья по антропологическим материалам могильника Косасар-2 // Джетысарская культура. М.: ИЭА РАН, 1995. Ч. 5. С. 229–239.
- Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV–III вв. до н.э.). Киев, 1985. 227 с.
- Буров Г.М. Неолитические полупещерные жилища крайнего северо-востока Европы в аспекте социальной организации его древнего населения // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1993. С. 23–41.

- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999. 440 с.
- Васютин С.А., Васютин А.С. Население Восточного Алтая в предтюрокское время // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005. С. 224–236.
- Васютин С.А., Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Тишкин А.А. Методологические проблемы реконструкции социальных структур в археологии // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005. С. 39–63.
- Волков Ю.Г., Добренев В.И., Нечипуренко В.Н., Попов А.В. Социология. М., 2003. 512 с.
- Гегель Г. Философия права. М., 1990. 524 с.
- Головаха Е.И. Структура групповой деятельности. Киев, 1979. 198 с.
- Грушин С. П. Культура населения эпохи ранней бронзы лесостепного Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 24 с.
- Десеев Л. Психология малых групп. М., 1979. 126 с.
- Дженито Б. Археология и современные концепции социальной организации кочевников // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н.э.). М., 1994. С. 11–17.
- Донцов А.И. Проблемы групповой сплоченности. М., 1979.
- Епимахов А.В., Ражев Д.И. Тафокомплекс и социальная реальность: постановка проблемы // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово, 2003. С. 24–28.
- Еременко В.Е. Новые перспективы исследования планиграфии и топохронологии могильников раннего железного века (по материалам зарубинецких могильников Чаплин и Велемичи-I) // *Stratum plus*. Культурная антропология. Археология. №4. 2000. (Время великих миграций). СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2001. С. 36–52.
- Железчиков Б.Ф. Общая характеристика исходных признаков погребального обряда савроматского времени // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н.э.). М., 1994. С. 127–149.
- Зах В.А. К вопросу о «семейных» группах в ирменском обществе // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1989. Ч.1. С. 141–144.
- Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск, 1995. 96 с.
- Иванова С.В. Захоронения детей и проблема наследования социального статуса // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: Тез. докл. VII Донской археол. конф. Ростов-на-Дону, 1998. С. 37–38.
- Иванова С.В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2001. 244 с.
- Кирдина С.Г. Теория институциональных матриц (пример российского институционализма). Донецк: Каштан, 2005. 190 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. 234 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.
- Ковалева В.Т. О реконструкции общинных структур древних обществ Среднего Зауралья по раскопкам поселений и жилищ (неолит – начало бронзового века) // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1993. С. 5–23.
- Корякова Л.Н., Сергеев А.С. Некоторые вопросы хозяйственной деятельности племен саргатской культуры (опыт палеоэкономического анализа селища Дуванское-II) // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989. С. 165–177.
- Косинская Л.Л. О типах поселений эпохи камня на Европейском Северо-Востоке // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1993. С. 41–59.
- Краткий словарь по социологии. М., 1988. 479 с.
- Критика современной буржуазной социологии. М., 1997. 280 с.
- Культыгин В.П. Исследования социальной структуры в переходных обществах (историко-методологический обзор) // Социологические исследования. 2002. №4. С. 121–129.

Марсадолов Л.С. Изменения в приоритетах разных поколений вождей племен Алтая (по материалам больших пазырыкских курганов) // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово, 2003. С. 81–86.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, 1998. 417 с.

Матвеев А.В. Семья в ирменском обществе: некоторые аспекты палеодемографического изучения (по материалам поселений) // Археология вчера, сегодня, завтра. Новосибирск, 1995. С. 25–41.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск, 2000. 399 с.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 4: Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 12. 196 с.

Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск, 1997. 198 с.

Миняев С.С. «Социальная планиграфия» погребальных памятников сюнну // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1989. Ч. 1. С. 114–115.

Молодин В.И., Воевода М.И., Чикишева Т.А. Ромащенко А.Г., Полосьмак Н.В., Шульгина Е.О., Нефедова М.В., Куликов И.В., Дамба Л.Д., Губина М.А., Кобзев В.Ф. Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). Новосибирск, 2004. 286 с. (Интеграционные проекты СО РАН. Вып. 1).

Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV вв. Владивосток; Иркутск, 2004. 306 с.

Новиков А.Г., Горюнова О.И., Вебер А.В. Планиграфические особенности могильника бронзового века Хужир-Нугэ-XIV // Социогенез в Северной Азии. Иркутск, 2005. Ч. 1. С. 145–149.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001. 336 с.

Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1995. 237 с.

Радугин А.А., Радугин А.К. Введение в менеджмент: социология организаций и управления. М., 1995. 244 с.

Руткевич М.Н. Социальная структура. М., 2004. 272 с.

Савинов Д.Г. Кокзельский могильник в Туве // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005. С. 200–223.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб., 2002. 204 с.

Семенов В.С. Диалектика развития структуры советского общества. М., 1977. 216 с.

Смушко С.Ю. Опыт исследования травматических повреждений на материалах средневекового погребения из Каменного Лога с территории Красноярского водохранилища // 63-я итоговая науч.-практ. студ. конф. / Красноярская государственная медицинская академия. Красноярск, 1999. С. 300–302.

Сорокин П. Социальная и культурная мобильность // Человек, цивилизация, общество / Под ред. А.Ю. Согомонова. М., 1992. 543 с.

Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980. 219 с.

Тихонов С.С. О достоверности социальных реконструкций в археологии // Скифо-сибирский мир. Ч. 1. С. 34–36.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003а. 430 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Теоретические принципы проведения палеосоциальных исследований на основе археологических данных // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово, 2003б. С. 19–23.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. О государственности пазырыкцев // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2005. Вып. 1. С. 50–59.

Троицкая Т.Н. Некоторые вопросы социальной стратификации общества большереченской культуры (V–I вв. до н.э.) // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1989. Ч. 1. С. 73–76.

Троицкая Т.Н., Мжельская Т.В. Проблемы демографии населения завьяловской культуры // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 80–81.

Фатхуллин Н.С. Малая социальная группа как форма общественного развития. Казань, 1989. 108 с.

Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. СПб., 1998. 341 с.

Хлобыстин Л.П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972. С. 26–42.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Восточной Европы как памятники социальной истории. СПб., 1993. 147 с.

Черепанова А.А. Зубочелюстные патологии населения с территории г. Красноярскa эпохи раннего железа // 62-я итоговая науч.-практ. студ. конф. / Красноярская государственная медицинская академия. Красноярск, 1998. С. 215–216.

Шульга П.И. К вопросу о планировке могильников скифского времени на Алтае // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1989. Ч. II. С. 40–43.

Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969. 176 с.

Эркин Калеви Асп. Введение в социологию. СПб., 1998. 248 с.

Т.В. Тишкина

Алтайский государственный университет, Барнаул

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ Н.С. ГУЛЯЕВА В ОКРЕСТНОСТЯХ д. БОЛЬШАЯ РЕЧКА В 1912 г.

Первое известное нам письменное сообщение о находке в окрестностях д. Большая Речка археологического предмета датируется 4 мая 1889 г., когда волостным старшиной Родионовым был подан рапорт особому чиновнику по крестьянским делам 2-го участка Бийского округа. Из рапорта следует, что крестьянин д. Большая Речка Потап Мартимьянович Колмагоров доставил в волостное правление медный нож, обнаруженный им весной 1887 г. на местности, называемой «Никулинский лог», расположенной в 6 верстах к северу от деревни. Нож был выпахан на поле, очищен от ржавчины и находился у П.М. Колмагорова. Родионов, полагая, что находка должна «...храниться в Музее или в каком-либо учреждении ученого Общества...», передал ее особому чиновнику для «...отсылки по принадлежности» (ЦХАФ АК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 3. Л. 46). Позднее сведения о данном медном ноже зафиксированы в документах Общества любителей исследования Алтая. В «Списке поступивших в Общество книг, журналов, статей, различных предметов...» он указан за №45 (ЦХАФ АК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 7. Л. 52, 60). Отмечено, что нож передан С.Я. Пузыревым из Змеиногорска, с описанием местонахождения и упоминанием П.М. Колмагорова. Возможно, что на эту находку обратил внимание Николай Степанович Гуляев, член-учредитель и активный сотрудник Общества любителей исследования Алтая.

Ранней весной 1896 г. (ЦХАФ АК. Ф. 86. Оп. 1. Д. 14. Л. 21), по другим сведениям 1897 г. (РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 210. Л. 1), заведующий архивом Главного управления Алтайского округа Н.С. Гуляев по служебным делам побывал в д. Большая Речка. Его заинтересовала открытая от снега с солнечной стороны гряда дюн, по которой пришлось проезжать. Тщательному осмотру местности препятствовали снежный покров и ограниченность во времени. В течение двух-трех часов Николаю Степановичу удалось собрать на проталинах разнообразные археологические предметы из камня, кости, бронзы и железа (РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 210. Л. 1). Гряде дюн Николай Степанович принял за «...явственные остатки вала древнего городища», причем настолько обширного, что он шутливо назвал его «...губернским городом “чуди”». Другой археологический объект, который располагался на расстоянии 1,5–2 верст* (1,6–2,13 км. – Т.Т.) от первого, внутри угла, образованного левым берегом Большой Речки и правым Оби, был определен Николаем Степановичем как «...очень высокий курган» (Архив ИИМК РАН. Ф. 1, 1898. Д. 84. Л. 2–3).

В 1898 г. Н.С. Гуляев представил в Императорскую Археологическую комиссию коллекцию древних предметов, обнаруженных на территории Барнаульского, Бийского и Мариинского округов (Отчет..., 1901, с. 82). В состав коллекции входили и археологические предметы, найденные в окрестностях д. Большая Речка: медный нож, состоящий из нескольких частей (в описи порядковый №29); одиннадцать «...бронзовых и медных стрелок» (№49–59); пять «...костяных стрелок» (№60–64); шесть бронзовых пряжек (№69–74); два металлических и один каменный предметы (№75–77) неизвестного назначения, три медных гвоздика (№78–80); два ножа и три обломка (№82–86); три медных бусины (пронизки) (№87–89); «...две иглы, колечко и булавка медные» (№100–103); «напрясло» (№106) и «40

* 1 верста = 1,0668 км.

обломков глиняной посуды» (№125) (Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1898. Д. 84. Л. 5, 12–14). Обзору состава коллекции Н.С. Гуляева было уделено внимание на страницах издания Императорской Археологической комиссии (Отчет..., 1901, с. 82–84). Там уточнялось, что фрагменты керамики имели шнуровой орнамент; шесть пряжек составляли «...серебряный поясной набор», тонкий медный нож был определен как «минусинского типа».

От Императорской Археологической комиссии Н.С. Гуляев получил разрешение на осуществление в 1898 г. археологических раскопок в пределах Алтайского горного округа (ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 38. Л. 138). В августе того же года, воспользовавшись двухнедельным отпуском, Н.С. Гуляев отправился в д. Большая Речка. Его сопровождала сестра Надежда Степановна Гуляева. Предполагалось, что межевщик Я.Н. Дмитриев выполнит план местности, где будут осуществлены раскопки. Однако поездка, по определению Н.С. Гуляева, оказалась малорезультативной. Николай Степанович неудачно выбрал время для обследования археологического памятника. Из-за сенокоса и жатвы вздорожали рабочие руки, а археолог-любитель располагал всего лишь 75 рублями из личных средств. Поэтому он был вынужден отказаться от масштабных земляных работ, не решился выполнить и несколько шурфов из-за боязни разрушить памятник и ограничился лишь сборами археологических предметов с поверхности дюн (ЦХАФ АК. Ф. 86. Оп. 1. Д. 14. Л. 27).

Сочтя результаты своих исследований неудовлетворительными, Николай Степанович отложил отправку отчета в Археологическую комиссию. Между тем для собрания членов Общества любителей исследования Алтая 25 марта 1900 г. Н.С. Гуляев подготовил доклад «О курганах в Алтайском округе и городище, открытом вблизи деревни Болшереченской (она же Белокурова)» (ЦХАФ АК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 27. Л. 4). Николай Степанович отметил, что все обнаруженные им в окрестности д. Большая Речка археологические предметы относятся, по его мнению, к одному культурному слою. «Видимое преобладание в этом слое изделий из меди и ее сплавов с оловом едва ли может объясняться чем-либо иным, кроме принадлежности рассматриваемого городища к так называемому бронзовому веку...», — указал в своем докладе археолог-любитель (ЦХАФ АК. Ф. 86. Оп. 1. Д. 14. Л. 27).

В январе 1901 г., отвечая обстоятельным письмом на неоднократные предложения Императорской Археологической комиссии представить отчет о результатах работ 1898 г., Н.С. Гуляев сообщил, что в ближайшее время вышлет в адрес организации требуемые материалы (Архив ИИМК РАН. Ф. 1, 1898. Д. 84. Л. 68).

В 1903 г. Н.С. Гуляев получил «Открытый лист Императорской Археологической Комиссии» и вновь предпринял обследование у д. Большая Речка. Средства для проведения работ были предоставлены Алтайским подотделом Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ЦХАФ АК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 31. Л. 11).

Археологические исследования у д. Большая Речка осуществлялись в течение двух дней (26–27 июня). За это время были вскрыты два погребения и собрано «...значительное количество каменных и костяных наконечников стрел, медные украшения для сбруи, бронзовые и железные изделия, обломки глиняной посуды... и другие предметы археологии» (Отчет..., 1904, с. 28). Кости человеческих скелетов оказались «сильно истружшими» и извлечь их не удалось. При погребенных были обнаружены «...железный меч и несколько железных и костяных стрел, ...одна стрела литой бронзы и несколько каменных стрелок прекрасной работы» (ЦХАФ АК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 28. Л. 69). В настоящее время указанные выше захоронения отнесены к сrostкинской культуре конца I тыс. н.э. (Демин М.А., 1989, с. 71).

На очередном собрании членов Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества 27 ноября 1903 г. археолог-любитель представил отчетный доклад о своих исследованиях. Археологические находки были пе-

реданы в музей организации. Несмотря на наличие предметов из камня, бронзы и железа, а также на мнение сотрудников Археологической комиссии о том, что «нахождение в одной и той же местности столь разнородных предметов древности не лишено значения, как показатель последовательных смен культур одна другою» (Отчет..., 1901, с. 84), Н.С. Гуляев был убежден, что «Большереческое городище» имеет один культурный слой и является археологическим памятником бронзового века (ЦХАФ АК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 28. Л. 69).

Археологические обследования местности у д. Большая Речка Н.С. Гуляев осуществлял и в последующие годы. Особенно масштабными стали работы 1912 г. Основными источниками для изучения данной темы являются машинописный текст «Отчета об археологических раскопках в окрестностях деревни Большая Речка Ильинской волости Барнаульского уезда, произведенных летом 1912 года», «Кроки местности раскопок посл. чисел VI/VII 1912 г. и 20-х чисел сентября 1912 / Большереченское городище» (РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 210. Л. 1–13), рукописный черновой вариант указанного отчета (ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2782. Л. 31–44) и записи полевого дневника Н.С. Гуляева (ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 236. Л. 38–49). Указанные материалы, а также сведения о деятельности Н.С. Гуляева, представленные В.П. Михайловым (1917, с. 4, 6, 8) и М.П. Грязновым (1956, с. 10–12, 28, 154–155), существенно дополняют друг друга и при тщательном изучении позволяют воссоздать последовательность осуществления раскопок 1912 г. и конкретизировать их результаты.

Средства на проведение археологических исследований были предоставлены Русским Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, этнографическом и лингвистическом отношениях. Первоначально предполагалось, что в работах примет участие Александр Васильевич Адрианов. В 1911 г. по поручению Комитета он уже проводил раскопки в районах Юго-Западного Алтая (Дэвлет М.А., 2004, с. 48). Николай Степанович Гуляев, готовясь к совместной работе, предварительно отправил Александру Васильевичу материалы своих исследований у д. Большая Речка. Однако служебные обстоятельства помешали А.В. Адрианову осуществить задуманное, и он рекомендовал Комитету поручить Н.С. Гуляеву руководство археологическими работами в окрестностях д. Большая Речка (АГКМ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 27. Л. 2). Александр Васильевич также заказал необходимое оборудование. На имя Н.С. Гуляева 20 апреля 1912 г. сотрудники Комитета выслали посылкой зонт, стальной шуп, совки, «железное полотно», 15 мая отправили 250 рублей и «Открытый лист Императорской Археологической Комиссии» на проведение археологических работ. В письме от 16 мая 1912 г. председатель Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, этнографическом и лингвистическом отношениях, академик В.В. Радлов известил Н.С. Гуляева о том, что отчет с результатами исследований и обнаруженные предметы следует выслать в адрес Музея антропологии и этнографии Императорской Академии наук (АГКМ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 28. Л. 1).

Сохранившиеся архивные материалы свидетельствуют о том, что Н.С. Гуляев в сопровождении сына Сергея побывал в д. Большая Речка уже в мае 1912 г. Согласно черновой записи археолога-любителя в дневнике раскопок, 5 мая на одном из выдувов был обследован курган высотой 1,5 сажени* (3,2 м. – Т.Т.), шириной приблизительно 7 сажень (14,93 м. – Т.Т.). На северном краю выдува на глубине 1,5 аршин** (1,07 м. – Т.Т.) был обнаружен глиняный кувшин, а к северо-востоку от него «показались куски сильно истлевшего дерева. При раскопке был обнаружен «...накат из коротких, длиной в 1 сажень (2,13 м. – Т.Т.) бревен, положенных крестообразно один слой на другой . Три бревна в длину и несколько по-

* 1 сажень = 2,1336 м.

** 1 аршин = 71,12 см.

тоньше и короче в ширину. Под бревнами лежал сильно иструхший костяк» (ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 236. Л. 38). Скелет был размещен на спине, ориентирован головой на юг, кости одной руки подогнуты к груди, другой – размещались вдоль туловища. В ногах обнаружен небольшой целый кувшин и обломки глиняной корчаги. К северу от погребения были вновь встречены кости скелета человека. При расчистке этого захоронения извлекли череп, но «...рухнул нависший слой земли». Николай Степанович записал, что дальнейшие «...раскопки за недостатком времени пришлось прекратить» (ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 236. Л. 38).

Сергей Гуляев, ученик архитектурного отделения Казанской художественной школы, выполнил «Кроки раскопок 5 мая 1912 г.» (ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2782. Л. 43). Из этого чертежа участка местности следует, что выдув, отмеченный под №2, и раскопанное здесь погребение, зафиксированное как «могила с деревом», располагались к северу от зимней дороги, ведущей в д. Большая Речка. Под №1 значится выдув у места слияния зимней и летней дорог по направлению в деревню. Здесь на чертеже выполнены подписи «материя», «топор» и знаками указаны местонахождения этих предметов, а также имеется пометка: «...на этом же выдуве найдены бусы и мелкие медные украшения». Следует отметить, что информацию о результатах археологических исследований, осуществленных в мае 1912 г., Николай Степанович включил в рукописный вариант отчета, но датировал их уже 26–27 сентября 1912 г. (ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2782. Л. 29). Рядом с записью в дневнике раскопок от 5 мая 1912 г. также имеется пометка карандашом «26–27 сентября» (ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 236. Л. 38). Поэтому в настоящее время не представляется возможным конкретизировать дату осуществления раскопок на этом объекте.

Археолог-любитель решил выполнить поэтапно запланированные работы в окрестностях д. Большая Речка: в июне до наступления дождливой погоды и в начале осени. 17 июня Николай Степанович с помощниками отправился пароходом в с. Легостаево. Его сопровождали старшая дочь Анна, закончившая полный курс гимназии, и ученик Казанской художественной школы Михаил Трусов. Девятнадцатилетней Анне было поручено заведование хозяйством экспедиции. Михаил Трусов принял обязанности рисовальщика и фотографа. 18 июня на рассвете пароход прибыл в с. Легостаево. Оттуда Н.С. Гуляев и его спутники на пароме переправились через Обь. В д. Большая Речка были наняты шестеро рабочих.

Тщательно осмотрев местность, Н.С. Гуляев решил начать работы с раскопок большого кургана, который располагался в южной части кромки выдува, между двумя проселочными дорогами, ведущими из деревни. Местный лесничий М.Г. Лаврентьев инструментально измерил высоту кургана – 4 аршина 9 вершков* (3,24 м. – *Т.Т.*) от уровня проселочной дороги. К раскопкам приступили во второй половине дня. Курган вскрывали траншеей длиной 24 сажени 2 аршина (52,62 м. – *Т.Т.*), ориентированной с севера на юг, причем грунт вынимали послойно. На глубине $\frac{3}{4}$ (аршина (?), 0,53 м. – *Т.Т.*) от поверхности кургана был обнаружен «железный сошник (мотыка)». Затем стали встречаться обугленные и истлевшие куски древесины сосны, которые Н.С. Гуляев счел остатками настила или покрытия над погребением (РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 210. Л. 4). На глубине 1 аршин 9 вершков (1,11 м. – *Т.Т.*) был встречен глиняный горшок, орнаментированный по венчику.

Раскопки продолжили 19 июня. В этот день на глубине 5 вершков (0,22 м. – *Т.Т.*), ниже вынутого горшка, были обнаружены кости скелета человека. Их тщательной расчисткой гусяными крыльями занялись Н.С. Гуляев с одним из рабочих, другие продолжали вынимать грунт из траншеи. Скелет человека располагался на спине. Умерший был ориентирован головой на северо-восток. Череп оказался «несколько приподнят» и повернут на правую сторону. Длина скелета «от темени до конца пальцев ног» была определена в 2 аршина 2 вершка (1,51 м. – *Т.Т.*). Кости на $\frac{2}{3}$ длины скелета оказались завернутыми

* 1 вершок = 4,45 см.

в бересту. По обеим сторонам черепа встречены две серьги в виде колечек. Сплав, из которого они были изготовлены, Н.С. Гуляеву не удалось определить. Археолог-любитель счет погребение необычным, решил целиком вынуть скелет и отправить в Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, этнографическом и лингвистическом отношениях. В течение нескольких дней он поливал кости и песчаную почву жидким столярным клеем, надеясь таким образом закрепить их. По указанию Н.С. Гуляева из плах был сооружен крепкий ящик для транспортировки. Однако все эти труды оказались тщетными. Позднее, при вскрытии ящика в Барнауле, обнаружилось, что кости скелета сместились и рассыпались на небольшие фрагменты.

По распоряжению Николая Степановича 20 июня рабочие продолжили углубление и расширение размеров траншеи. Приблизительно на той же глубине, что и первое погребение (в черновом варианте отчета указано – «...на одну четверть выше») (ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2782. Л. 38), обнаружен плохо сохранившийся скелет умершего человека, уложенного на спину и ориентированного головой на северо-восток. Н.С. Гуляев зафиксировал длину «от верхней части черепа до конца пальцев ног» 2 аршина 4,5 вершка (1,62 м. – *Т.Т.*). Около костей левой руки, в районе локтя, был найден железный наконечник стрелы.

Продолжая раскопки, рабочие к концу дня встретили череп человека. С целью поиска костей скелета или их частей был вынут и просеян окружающий грунт, однако это не дало ожидаемого результата. Нахождение черепа вызвало много толков среди рабочих. Они рассказывали Н.С. Гуляеву, что не раз предпринимали самовольные раскопки «бугров», но подобного еще не встречали. Николай Степанович также затруднялся разъяснить ситуацию. «Нахождение одинокого черепа осталось для меня загадкой», – отметил он в черновом варианте отчета (ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2782. Л. 40). В конце концов рабочие решили, что «...череп принадлежал... врагу погребенного, родственники которого, убив врага, принесли в дар на могилу схороненного одну голову...» (РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 210. Л. 4).

Благодаря увеличению площади раскопа «до подошвы кургана», в 2,5 саженьях (5,33 м. – *Т.Т.*) от второго погребения и параллельно ему был обнаружен третий человеческий скелет в вытянутом положении, на спине, головой на северо-восток. Длина скелета «от темени до конца пальцев ног» отмечена в 2 аршина 6 вершков (1,69 м. – *Т.Т.*). Особенным оказалось положение нижних конечностей: кости левой стопы лежали поверх костей правой. У костей левой руки, в области локтя был обнаружен железный наконечник стрелы. В стороне от скелета, слева, встречен глиняный горшок, орнаментированный по венчику. Между вторым и третьим погребенными, но ближе к костям ног третьего были найдены две трубочки из металла, сплав которого Н.С. Гуляеву не удалось определить.

На расстоянии 2 сажень 1 аршина (4,98 м. – *Т.Т.*) от третьего погребения, на той же глубине, были обнаружены «очень иструхшие» кости четвертого скелета. Николай Степанович указал его длину 1 аршин 2 вершка (0,8 м. – *Т.Т.*). На расстоянии «...почти 2 сажени» (4,27 м. – *Т.Т.*) (в черновом варианте отчета указано «...1/2 сажени») от этого детского погребения был встречен маленький неорнаментированный «погребальный горшочек». По неосторожности рабочего он был разбит, но затем восстановлен Н.С. Гуляевым.

К завершению работ раскоп достиг более 3,5 сажени (7,47 м. – *Т.Т.*) в ширину и в глубину «до подошвы кургана». Анализируя результаты, Николай Степанович пришел к заключению, что было вскрыто «...семейное погребение (отца, матери, ребенка и, вероятно, слуги) и при этом крайне бедных людей» (РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 210. Л. 6).

21 июня рабочие под руководством Н.С. Гуляева приступили к раскопкам на дюне, расположенной в 45 саженьях (96 м. – *Т.Т.*) севернее первой. Высота этого объекта достигала 3 аршин 9 вершков (2,53 м. – *Т.Т.*). Николай Степанович отметил его как «курган 2-й». На глубине 1 аршина 11 вершков (1,2 м. – *Т.Т.*) от поверхности был обнаружен скелет чело-

века в вытянутом положении на спине. Длина скелета от «теменной кости до конца пальцев ног» – 2 аршина 9 вершков (1,82 м. – *Т.Т.*). В области соединения костей ключиц встретился «...предмет украшения с ушками кверху и к низу раздвоенный» (РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 210. Л. 7). По обеим сторонам черепа найдены два медных, «величиною в пятикопеечную медную монету», кольца, которые, по мнению Н.С. Гуляева, могли служить головным украшением. Ниже ребер, в области пояса, была встречена «медная пряжка». С левой стороны скелета находился железный, плохо сохранившийся меч длиной 1 аршин 2 вершка (0,8 м. – *Т.Т.*). При упаковке, несмотря на осторожность, меч распался на три части. Ниже костей пальцев левой руки были обнаружены пять железных наконечников стрел.

Продолжая работы 22 июня, на расстоянии 2 сажени 1 вершка (4,31 м. – *Т.Т.*) к северу от первого погребения на глубине 1 аршина 9 вершков (1,11 м. – *Т.Т.*) от поверхности кургана было обнаружено второе захоронение. Кости скелета оказались очень плохой сохранности. Умерший был ориентирован головой на северо-восток. Сопроводительный инвентарь отсутствовал. Расширение и углубление раскопа, а также просеивание грунта не дало результатов (РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 210. Л. 7).

Следует упомянуть, что дневниковая запись Н.С. Гуляева о раскопках, осуществленных 22 июня на данном объекте, содержит несколько иную информацию. Там указано, что «два медных кольца или серьги величиной в медную пятикопеечную монету» обнаружены по сторонам черепа во втором захоронении. При описании первого погребения отмечен только лишь предмет украшения, встреченный в области соединения ключиц. Упомянуто и третье захоронение, расположенное параллельно предыдущим, «... в двух аршинах» (1,42 м. – *Т.Т.*) влево от второго погребения. Скелет человека был обнаружен в вытянутом положении на спине. Длина скелета – 2 аршина 2 вершка (1,51 м. – *Т.Т.*). Сопроводительный инвентарь не обнаружен. Николай Степанович указал, что общая площадь раскопа достигала на данном объекте 8 аршин (5,69 м. – *Т.Т.*) в длину, 3 аршина (2,13 м. – *Т.Т.*) в ширину, грунт был вынут на глубину 10 вершков (0,45 м. – *Т.Т.*) (ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 236. Л. 39).

23 июня рабочие приступили к раскопкам нового объекта, который зафиксирован Н.С. Гуляевым как «...небольшой овальный курган, имевший в окружности 22 сажени» (46,93 м. – *Т.Т.*) (РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 210. Л. 7).

Курган вскрывали траншеей, ориентированной с севера на юг. На глубине 3/4 аршина (0,53 м. – *Т.Т.*) были встречены «сильно иструхшие» кости скелета лошади. При просеивании обнаружили «...перержавленные удила, обломки каких-то железных скреп, вроде заклепок, и много мелких бесформенных обломков». На глубине 1 аршина 5 вершков (0,93 м. – *Т.Т.*) найдены мелкие фрагменты неорнаментированного глиняного горшка. На 2 вершка (8,9 см. – *Т.Т.*) глубже встречены плохо сохранившиеся кости человеческого скелета. При просеивании грунта выявили несколько бесформенных обломков ржавого железа.

24 июня объектом раскопок Н.С. Гуляев избрал небольшой холмик, у подножия которого он заметил выдутые ветром обломки костей. Холм вскрывали траншеей, ориентированной с севера на юг. Раскоп начали с вершины холма, воспринимаемой как центральную часть кургана. На глубине 1 аршина 2 вершка (0,8 м. – *Т.Т.*) были обнаружены плохо сохранившиеся кости скелета лошади. На том же уровне на расстоянии 1,5 аршин (1,06 м. – *Т.Т.*) от скелета животного был обнаружен большой глиняный горшок типа корчаги. На глубине 3/4 (аршина (?), 0,53 м. – *Т.Т.*) ниже скелета лошади встречен глиняный горшок, орнаментированный по краю венчика. Ниже были обнаружены кости скелета человека, уложенного набок, головой на северо-запад (РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 210. Л. 8).

Из дневниковых записей Н.С. Гуляева следует, что 25–26 июня была исследована дюна, располагавшаяся с СВ на ЮЗ, на расстоянии одной версты (1,06 км. – *Т.Т.*) к югу от д. Большая Речка. При снятии грунта на глубине 9 вершков (0,4 м. – *Т.Т.*) от дневной

поверхности был встречен слой «тонкого дерева, покрытого местами берестой». Затем на глубине 1 аршина 4,5 вершка (0,91 м. – Т.Т.) от дневной поверхности обнаружен верхний край деревянного сруба. Николай Степанович зафиксировал следующие размеры сруба «...в длину с юго-запад на северо-восток 3 аршина 3,5 вершка (2,29 м. – Т.Т.), в глубину противоположного направления 3 аршина 2 вершка (2,22 м. – Т.Т.)» (ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 236. Л. 40). В середине и по краям сруба имелись стойки из древесины сосны. Надеясь обнаружить предметы домашнего обихода, Н.С. Гуляев распорядился выбрать грунт с правой и левой сторон сруба двухсаженными (4,27 м. – Т.Т.) траншеями. Однако раскопки оказались безрезультатными. Николай Степанович отказался от дальнейших работ, и объект был засыпан.

Датированные черновые записи свидетельствуют, что археологическое обследование окрестностей д. Большая Речка Н.С. Гуляев осуществлял и в последующие дни. Еще 26 июня были предприняты раскопки объекта, обозначенного как «курган 6-й» (РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 210. Л. 15). 27 июня Н.С. Гуляев обратил внимание на участок, расположенный к юго-востоку от деревни. Рабочие раскопали здесь несколько «курганов», но не обнаружили никаких археологических находок (ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 236. Л. 42). Однако более информативные архивные документы, которые позволили бы полно осветить результаты последних дней летних работ Н.С. Гуляева, пока не обнаружены.

Следует отметить, что результаты летних исследований 1912 г. не удовлетворили археолога-любителя. В отчете Н.С. Гуляев отметил, что ему «...не посчастливилось напасть на богатые погребения, а... отрывал лишь одних бедняков» (РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 210. Л. 8). Тем не менее Николай Степанович отказался от раскопок на тех выдувах, с поверхности которых были получены интересные, на его взгляд, подъемные материалы, такие как фрагменты керамики «с изящным орнаментом», украшения из бронзы, различные наконечники стрел и т.д. Николай Степанович полагал, что большая часть археологических предметов уже была собрана с этой территории местными крестьянами. Поэтому археолог-любитель прежде всего осуществлял раскопки «...нетронутых курганов, находящихся на валу», принимаемом им за остатки древнего городища, так как рассчитывал получить представляющие научный интерес материалы «поздних погребений», а при дальнейшем послойном снятии грунта надеялся «...открыть глубже и более древние погребения» (РЭМ. Ф. 1 Оп. 2. Д. 210. Л. 9).

В сентябре 1912 г. Н.С. Гуляев вновь обследовал окрестности д. Большая Речка. Он обратил внимание на выдув, расположенный к северу от зимней дороги в деревню. Ранее Николай Степанович осуществлял здесь сборы обломков керамической посуды и костей. Рабочие сообщили ему, что несколько лет назад на выдуве деревенские мальчики якобы нашли «...маленький медный плуг». Находку перенесли к дороге и отсюда ее забрали проезжавшие крестьяне. По распоряжению Н.С. Гуляева к раскопкам по краям выдува рабочие приступили 21 сентября. Оказалось, что фрагменты керамики и обломки костей «...навалены кучей в каком-то хаотическом беспорядке...» (ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2782. Л. 27). Так как данные находки были зафиксированы в верхних слоях грунта, Николай Степанович решил, что это – следствие прежних самовольных раскопок местных жителей. Во время работы было встречено «несколько медных бляшек и иголок». Согласно пометке на листе «Кроки местности раскопок пос. чисел VI/VII 1912 г. и 20-х чисел сентября 1912 г. Большереченское городище», иголки находились в восточной части выдува (РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 210. Л. 1).

22 сентября рабочие приступили к раскопкам кургана, расположенного на небольшом выдуве, где на поверхности встречались фрагменты железных изделий. Однако во время археологических работ, кроме беспорядочно разбросанных костей лошади, ничего не было обнаружено. Николай Степанович счел курган разграбленным. На следующий день

Н.С. Гуляев перенес раскопки на выдув, где прежде располагался курган, в котором археолог-любитель в 1903 г. обнаружил мужское погребение с железным мечом (Тишкина Т.В., 2005, с. 137). Николай Степанович отметил, что после работ 1903 г. курган был вновь вскрыт и разнесен до основания неизвестными лицами. Поэтому он смог обследовать лишь северный край выдува. Здесь были найдены беспорядочно разбросанные кости лошади, бусины, обломки серег, украшения конской сбруи и фрагменты железных предметов. Под руководством Н.С. Гуляева 24 сентября рабочие расчищали несколько разграбленных погребений (ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 236. Л. 43; 44). Однако конкретной информации о результатах данной работы пока не удалось обнаружить, можно лишь предположить, что раскопки осуществлялись на выдуве, отмеченном на листе «Кроки раскопок 5-го мая 1912 г.» под №2 (ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2782. Л. 38).

Для археологических работ 25–26 сентября был избран один из курганов, расположенных цепочкой у зимней дороги в д. Большая Речка. Объект находился в 50 саженях (106,68 м. – *Т.Т.*) к северо-западу от кургана, называемого «татарский могильник». Обследуемый курган имел форму эллипса и высоту в 4 аршина (2,84 м. – *Т.Т.*). Раскопки велись траншеей, проложенной по центру кургана с юга на север. Длину траншеи Н.С. Гуляев определил в 5 сажень (10,67 м. – *Т.Т.*), ширину в 2,5 аршина (1,79 м. – *Т.Т.*). К работе приступили сразу по четверо рабочих с южной и северной сторон (ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2782. Л. 28).

Первоначально был снят слой песка толщиной в четверть аршина (0,18 м. – *Т.Т.*), затем убраны дерн и курганная насыпь на глубину в 2 аршина (1,42 м. – *Т.Т.*). Вынимаемый из траншеи грунт просеивали. При раскопке центра кургана встречались отдельные куски древесного угля. На расстоянии в сажень (2,13 м. – *Т.Т.*) от южной границы траншеи был обнаружен край могильного пятна №1, а при углублении встречен человеческий череп. После расширения раскопа к востоку и зачистки были определены размеры могильного пятна: длина $2\frac{1}{7}$ аршина (1,52 м. – *Т.Т.*) и ширина $\frac{3}{4}$ аршина (0,53 м. – *Т.Т.*), расстояние от уровня поверхности кургана до дна могильной ямы составило $2\frac{1}{4}$ аршина (1,6 м. – *Т.Т.*). Умерший человек находился в вытянутом положении на спине. Иструхший и продавленный под тяжестью грунта череп был ориентирован на запад. Н.С. Гуляев определил длину скелета в 2 аршина 1,5 вершка (1,49 м. – *Т.Т.*). Кости позвоночника были изогнуты влево. Кости правой руки оказались согнуты в локте таким образом, что кости кисти касались таза. С левой стороны на костях таза находился железный нож, поверх его лежали кости левой руки. Несмотря на тщательное просматривание заполнения могильной ямы, вокруг и под костями скелета ничего не найдено.

На расстоянии 1 аршин 2 вершка (0,8 м. – *Т.Т.*) к северу от захоронения №1 было обнаружено захоронение №2. Расстояние от поверхности кургана до дна могильной ямы достигало 2,5 аршина (1,78 м. – *Т.Т.*). Кости скелета человека находились в вытянутом положении, их длина 2 аршина 2 вершка (1,51 м. – *Т.Т.*). Череп ориентирован на запад. Кости скелета имели плохую сохранность и рассыпались при расчистке. Поэтому Николай Степанович принял решение просеять заполнение могильной ямы. Эта работа оказалась безрезультатной.

Затем при дальнейших раскопках траншеи встретились кости ног человека. После расчистки участка было выявлено захоронение №3. Данное погребение находилось к северо-западу от захоронений №1 и №2 и располагалось по отношению к ним параллельно. Н.С. Гуляев определил расстояние от поверхности кургана до дна могильной ямы №3 в 2 аршина (1,42 м. – *Т.Т.*). Кости скелета свидетельствовали, что умерший человек находился в вытянутом положении и головой был ориентирован на запад. Длина скелета оказалась 1 аршин 1 вершок (0,76 м. – *Т.Т.*). Из-за плохой сохранности костей Николай Степанович отказался от их расчистки. Заполнение могильной ямы было просеяно.

Археолог-любитель закончил работу на указанном кургане 26 сентября во второй половине дня и перешел на другой объект, указанный в черновом варианте отчета как «... тот курган, где были расхищены три костяка» (ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2782. Л. 29). В северной части выдува было обследовано погребение под деревянным настилом. Как уже отмечено выше, в своих записях Н.С. Гуляев по-разному указывал даты раскопок данного объекта: и 5 мая и 26–27 сентября, без уточнения выполненного объема работ (ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 236. Л. 38; Ф. 2. Оп. 1. Д. 2782. Л. 29). Следует отметить, что в черновом варианте отчета содержатся сведения, дополняющие запись в дневнике раскопок. Так, Н.С. Гуляев указал, что в глиняном кувшине, обнаруженном к западу от погребения на глубине 1/5 аршина (0,14 м. – Т.Т.), находился «...маленький горшочек, напоминающий формой рюмку...», а южнее погребения, в выдуве, были найдены три костяных наконечника стрел (ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2782. Л. 29). 27 сентября 1912 г. Н.С. Гуляев завершил археологические исследования у д. Большая Речка.

Археологу-любителю было известно, что 13 октября 1912 г. Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, этнографическом и лингвистическом отношении планировал провести заседание по результатам летних полевых работ. К этой дате Н.С. Гуляеву следовало представить полный отчет о своих исследованиях. Однако он решил ограничиться лишь кратким сообщением о результатах археологических работ, пояснив в письме, что за недостатком времени не привел в порядок отдельные чертежи, не закончил план местности и не этикетировал часть археологических находок (ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 236. Л. 32).

Обследовавший в 1915 г. окрестности д. Большая Речка студент Томского университета В. Михайлов упомянул, что подробного отчета о раскопках Н.С. Гуляева «не видел» (Михайлов В.П., 1917, с. 4). Между тем он пользовался материалами, опубликованными Императорской Археологической комиссией (Отчет..., 1901, с. 82–85) и текстом доклада «О курганах в Алтайском округе и городище, открытом вблизи деревни Большереченской (она же Белокурова)», с которым Н.С. Гуляев выступал перед членами Общества любителей исследования Алтая. Об археологических находках В. Михайлову было известно со слов самого археолога-любителя. От Николая Степановича Владимир Михайлов получил остатки ткани, обнаруженные в одном из погребений. Впоследствии этот образец был передан в музей Томского университета (Михайлов В.П., 1917, с. 4).

После осмотра окрестностей деревни В.П. Михайлов отметил, что «исследования и раскопки Н.С. Гуляева прежде всего охватили только мыс, прилегающий непосредственно к дер. Большая Речка», а на параллельно расположенном по отношению к нему выдуве археолог-любитель «...делал разрез» (Михайлов В.П., 1917, с. 4, 8). На этой территории, по мнению М.П. Грязнова, размещались археологические пункты Ближние Елбаны-V (могильник сrostкинской культуры), Ближние Елбаны-IV (погребения карасукской эпохи, поселение фоминского этапа верхнеобской культуры) и прилегала дюна с археологическим памятником Ближние Елбаны-IX, содержащим курганное погребение XII–XIII вв. (Грязнов М.П., 1956, с. 10–12).

Для более конкретного датирования археологических объектов, раскопанных Н.С. Гуляевым в 1912 г., следует предпринять детальное изучение археологических предметов в составе собраний, хранящихся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Грязнов М.П., 1956, с. 28; Демин М.А., 1978, с. 129) и Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина.

Библиографический список

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. 161 с., приложение. (МИА. №48).

Демин М.А. Археологические исследования Н.С. Гуляева на Алтае // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук: №6. Вып. 2. Новосибирск, 1978. С. 126–130.

Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул: Алт. кн. из-во, 1989. 120 с.

Дэвлет М.А. Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 68 с., ил.

Михайлов В.П. Предварительное сообщение об археологических разведках городищ и курганов у дер. Большая Речка Легостаевской вол., Барнаульского уезда летом 1915 г. // Известия Томского университета. 1917. Т. 66. С. 1–13.

Отчет Алтайского Подотдела Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества. За 1903 год. Барнаул: Типо-Литография Главного управления Алтайского округа, 1904. 58 с.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1898 год. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1901. 190 с., ил.

Тишкина Т.В. Археологические исследования Н.С. Гуляева в 1903 г. // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 135–139.

В.В. Михалев, Т.В. Михалева, М.Ю. Здор

Омский государственный университет, Омск

МАТЕРИАЛЫ О ЛОШАДЯХ В АРХИВЕ М.П. ГРЯЗНОВА

(Музей археологии и этнографии ОмГУ)

Я глубоко убежден, что история лошади, равно как и других домашних животных, дает богатые, еще далеко не исследованные возможности – в некоторых случаях если не ключ, то нить Ариадны – для понимания многих спорных вопросов истории общества. Полное разъяснение которых может быть достигнуто лишь длительной систематической работой советских ученых, восстанавливающих прошлое Родины во всех волнующих и дорогих нам очертаниях.

*(В.О. Витт. Лошади Пазырыкских курганов
// СЛ. XVI. 1952. С. 205)*

Всего, как известно, не переделаешь, поэтому многие наработки, задумки остаются целыми кипами отдельных листочков «в столе» или в качестве пометок на полях книг о мелькнувшей мысли. В этой связи еще раз обращаем внимание коллег на омскую часть архива археолога М.П. Грязнова.

Довольно часто в публикациях об алтайских погребениях «ранних кочевников» в числе материалов представлен корпус остеологии лошадей, описание снаряжения верховых коней, украшений узды и седел. Дополнением к этой теме предлагаем в настоящей работе сведения из архива Музея археологии и этнографии Фонда III (материалы личного архива М.П. Грязнова)*.

* Мы знаем, что Михаил Петрович владел французским языком, немного немецким. В библиотечном разделе Фонда нам встретились отдельные оттиски из журналов в основном на немецком языке, три оттиска на английском, пять напечатанных иероглифами (в частности два из них Сю Такахамы: «Луристанская бронза» и «Кинжалы Сычуана и Юннаня»). На некоторых изданиях стоят дарственные автографы авторов.

Несколько подробнее остановимся на немецкоязычной литературе. Это журнал «Космос» (от 12 декабря 1969 г.), подписанный одним из авторов представленных там статей: «Herrn Kollegen Gryzznow mit freundlichen Gryssen uberricht vom Vervasser. A. Rieth» («Дорогому коллеге Грязнову с дружеским приветом от автора. А. Ритч»). Его статью «Geschichter aus Gips und Ton» («Лица из гипса и глины») о «доисторических погребальных масках с верховий Енисея в Сибири» сопровождают две записки М.П. Грязнова:

1. Книга Рита о масках – находки у Пшеницыной.
2. Замечания по тексту.

Далее мы бы хотели обратить внимание на пять оттисков статей на немецком языке доктора Вольфганга Амшлера и три из них подписаны им самим («Überreicht vom Verfasser» – «С уважением от автора»):

«Über das Vorkommen der letzten Wisente im Kaukasus und in der Mongolei» aus «Der Zeitschrift Zuchtungskunde. Band 5, Heft 4. Gottingen, 1930» – «О факте существования последних зубров на Кавказе и в Монголии» из журнала немецкого биологического общества. Геттинген.

«Die wissenschaftlichen Ergebnisse einer Tierzuchtexpedition des Verfassers in den Sibirischen Altai im Sommer 1930» aus «Zeitschrift für Zuchtungsreiche B Tierzucht und Zuchtungsbiologie einschliesslich Tierernährung, Band XXII, Heft 2. Berlin, 1931» – «Научные выводы экспедиции автора по Алтаю летом 1930 г. Предварительное сообщение. Берлин, 1931 (Об алтайских лошадях, крупном рогатом скоте, овцах, козах. – В.М., Т.М., М.З.)

«Farbgenetische Studien am Altaipferde» aus der «Zeitschrift Zuchtungskunde. Band 6, Heft 7. Gottingen, 1931» – «Изучение мастей алтайских лошадей».

«Beitrag zur Rassen und Abstammungsfrage der Hausziege sowie zur Erforschung der Urzentren der Haustierwerdung» aus «Biologia Generalis. Band VII, Lieferung 3. Wien und Leipzig, 1931» – «К вопросу происхождения домашних животных и исследование центров их возникновения» из журнала «Биология».

«Die Yakzucht im sibirischen Altai» aus «Deutschen Landwirtschaftlichen Tierzucht. N.37, Gannover» – «Яки в сибирском Алтае» из журнала «Немецкое народнохозяйственное животноводство».

В связи с упоминанием этого исследователя, хотелось бы сделать некоторое отступление от заявленной темы. Дело в том, что указанные работы Вольфганга Амшлера явились результатом его экспедиционных работ на Алтае от имени Сибирской Академии сельского

Приведем этот отрывок:

«Берлинец Паллас и шваб Гмелин, оба будучи на службе у Русской Академии, сообщали уже в конце 18 века о сказочных первобытных временах верховий Енисея. ... В 1921 году военнопленный Мергерт так изыщно писал об этом: «Курган на кургане в беспорядочной массе, окруженные огрубелыми от непогоды камнями, они сами похожи на стадо окаменевших животных. Кладбище на кладбище на многие километры. Исследование накопившихся за многие столетия могил сегодня еще не закончено. Целый ряд советских ученых за последние 50 лет концентрировали свое внимание в этой области археологии: Клеменц, Теплоухов, Киселев, Грязнов, Кызласов». К этому Михаил Петрович пишет свои комментарии:

– «берлинец Паллас» – но ведь после Голландии и Англии он в 26 лет переехал в Россию и до конца своей жизни (в течение 44 лет) жил и работал в России;

– «шваб Гмелин» – да, шваб: приехал в Россию в 18 лет, проработал в ней 20 лет, затем уехал в Германию, выхлопотал дополнительную отсрочку на год и не вернулся. Его «Путешествие по Сибири» в России не печаталось, так как содержит резкие и необоснованные выпады против населения России;

– «военнопленный Мергерт» – при чем тут «военнопленный»? Он ведь не пленный немец, не пленен немцами и вообще к Германии не имеет никакого отношения.

Есть также в числе немецкоязычной литературы в библиотеке М.П. Грязнова два журнала «Aus Grabungen und Funde» (Band 8, Heft 6, 1963 и Band 29, Heft 6, 1984) – это библиографические выпуски археологической литературы за 1962–1963 и 1983–1984 гг.

Кроме этого, внимание привлекает отдельный оттиск статьи Аренда «Beitrage zur Entstehung des Spangenharniches. Ein altturkischer Waffenfund aus Kertsch» из журнала «Zeitschrift für Historische Waffen- und Kostumkunde» (1932 г.), подписанный: «Уважаемому Михаилу Петровичу от автора. А. Аренд».

Следующий оттиск – статья профессора Д.Д. Букиничя «Neues über Anau und Namasga-Tere» из «Eurasia Septentrionalis Antiqua. V» (год издания не указан, но, судя по сноскам автора об используемой литературе, – это конец 1920-х гг.

хозяйства (Омск). Немецкий исследователь Амшлер одно время работал в этом знаменитом сибирском исследовательском центре⁷.

В 1930 г. была попытка привлечения зарубежных ученых для работы в Омском сельскохозяйственном институте. По предложению профессора Я.С. Зайковского – тогда декана факультета молочного скотоводства Института молочного хозяйства – пригласили немецкого профессора частной зоотехнии (животноводства) Иоганна Амшлера (род. 1893 г.), работавшего в то время в Вене. Через Главпрофобр и Маслопром с ним был заключен договор для работы в институте на три года. Он прибыл в Омск и начал читать лекции. Но, как было указано в картотеке персоналий в Музее истории института, «профессор кафедры частной зоотехнии (18.05.1930–01.03.1932) плохо знал русский язык. Институт ходатайствовал о расторжении договора». Историк В.Н. Червоненко, опубликовавший хроники первого на просторах от Уральских гор до Тихого океана сельскохозяйственного высшего учебного заведения, также отмечал, что профессор Амшлер плохо владел русским языком, студенты его почти не понимали. Кроме того, его частые поездки в Германию, а также научные командировки (на Алтай) фактически привели к срыву курса. Тогда институт и Омский трест Маслопром стали просить Москву о расторжении договора с этим ученым. После длительной переписки он был уволен в марте 1932 г., не принеся пользы ни как преподаватель, ни как исследователь (Червоненко В.Н. Очерки истории Омского сельскохозяйственного института (1918–1993). Омск, 1994. С. 61).

Подвергнем сомнению резкость последнего тезиса и приведем выполненный нами перевод одной из работ, непосредственно касающейся рассматриваемой темы алтайских лошадей. Иначе, видимо, действительно подобный пространный экскурс в историю 1930-х гг. оказался бы бесполезным.

Амшлер. Лошади (перевод).

Практически ни одна из современных работ об эквидах (от лат. *Equus*) не обходит своим вниманием исследований В.О. Витта по этой проблематике. Около 20 лет, как известно, занимался изучением захоронений лошадей в алтайских курганах В.О. Витт. По мере поступления материала (с 1930 г.) исследователь собирал данные. В 1948 г. он принимал участие в экспедиции, раскопавшей Пазырыкские курганы 3 и 4, а в 1950 г. закончил обработку остеологических и краниологических коллекций курганов 5 и 6. Краткой сводкой работ 1930–1950-х гг. явилась статья «Лошади Пазырыкских курганов», увидевшая свет в журнале «Советская археология» (1952 г.) (кстати, и эта работа находится в библиотечном разделе Фонда М.П. Грязнова с подписью от автора: «Глубокоуважаемому Михаилу Петровичу Грязнову на добрую память. 20.7.1952»).

«...остатки шерстного покрова, гривы и хвосты дают возможность определить масти лошадей. Бросается в глаза совершенное отсутствие распространенных ныне в этой зоне мастей. ...Гнедые и близкие к ним по окраске лошади встречаются как исключение. В подавляющем большинстве своем лошади Пазырыкских курганов были рыжей масти, различных оттенков, от темно-рыжей, почти бурой, до светлой, золотистой.

Ни в одном случае не пришлось констатировать каких-либо белых отметин на голове и ногах, отметин, столь обычных в настоящее время именно у рыжих лошадей. Легко

⁷ Кстати, фамилия этого исследователя будет упомянута Е.Е. Кузьминой в ее работе о коневодстве и культе коня у народов Старого Света. Правда, в связи с несколько курьезной ситуацией: «В Средней Азии земледельцам Южного Туркменистана – носителям анауской культуры – лошадь в эпоху энеолита и ранней бронзы была, видимо, не знакома. В остеологических материалах с поселений III – I-й половины II тысячелетия до н.э. лошадь отсутствует. Кости из Анау, описанные А. Амшлером как принадлежащие лошади, оказались ослиными». При этом Е.Е. Кузьмина ссылается на мнение других авторов, в частности, – В.И. Цалкина (Кузьмина Е.Е., 1977, с. 35).

При этом оговоримся, что написание «А. Амшлер», видимо, является опечаткой. В отгисках статей, которыми мы оперируем, указано полностью «Wolfgang Amschler».

объяснимо, почему древние всадники избегали лошадей с белыми отметинами. Пока человек не овладел искусством ковки, качество и крепость копытного рога лошади имели совершенно исключительное значение. У лошадей с белыми отметинами на конечностях копытный рог – светло окрашенный и ломкий» (Витт В.О., 1952, с. 166).

Хвосты пазырыкских лошадей сохранили во многих случаях их прижизненный убор. Они были либо перехвачены узлом посередине, либо даже заплетены в косы. Иногда очень искусно (Витт В.О., 1952, с.167).

В распоряжении исследователя к 1950 г. была более или менее полная серия костных остатков 56 половозрастных лошадей из шести Пазырыкских курганов и из кургана Шибе и 13 экземпляров молодых лошадей из тех же захоронений. Кроме того, использовались отдельные кости (не полные скелеты) не менее чем от 8 взрослых и 10 малолетних лошадей из рядовых погребений (Арагол, Катанда, Бийск-Сростки, Куям) (Витт В.О., 1952, с. 170).

Рассматривая вопрос, как выглядели в жизни верховые кони Алтая, автор замечает следующий исторический сюжет – по богатству погребального инвентаря курганы №1 и 2 намного превосходят курганы №3 и 4. Следов культурной связи со странами юга и запада в курганах №1 и 2 гораздо больше, чем в курганах №3 и 4, хотя и курганы №1 и 2 не отличались каким-либо особым, исключительным богатством. Они должны были сильно уступать в этом отношении большим неисследованным еще курганам Катунской долины близ Туяхты, как те в свою очередь, вероятно, уступали курганам прииртышских степей, до конца разграбленным бугровщиками еще в XVIII в. (Витт В.О., 1952, с.190.)

Кстати, о соотношении количества лошадей в погребальных комплексах разных памятников есть сведения и в архиве М.П. Грязнова. В частности, в Деле №7, где находятся рабочие материалы к докторской диссертации «Пазырык» – это черновики и каталог карточек Пазырыкской коллекции из раскопок 1929 г. (авторство М.П. Грязнова), содержащий описи деревянных, керамических, кожаных, войлочных, металлических предметов. В том числе на листе 145 следующий список: «Число верховых коней в могилах Шибе (14), Пазырык (1 – 10, 2 – 7, 3 – 14, 4 – 14, 5 – 5), Башадар (1 – 10, 2 – 14), Катанда (22), Берель (16)».

Не соглашаясь с выводами В.О. Витта о местном происхождении высокопородных лошадей в условиях Горного Алтая, М.П. Грязнов говорит, что это «...вряд ли правильное утверждение». И все-таки, настаивая на прежней версии среднеазиатского импорта верховых коней, автор уточняет, что это была «помесь среднеазиатской лошади типа ахалтекинской с местной степной породой» (Грязнов М.П., 1959).

В другой своей работе М.П. Грязнов также настаивает на «импортном» происхождении погребенных алтайских лошадей: «Лучшие из них принадлежали прославленной в древности среднеазиатской породе лошадей, потомками которой являются замечательные современные туркестанские скакуны. Эти кони привезены были на Алтай из Средней Азии. Остальные представляли собой помесь среднеазиатской лошади с местной алтайской – низкорослой, большеголовой, но сильной и выносливой, подобной современным степным табунным лошадям Монголии и Казахстана» (Первобытная культура, 1956, с. 15).

Именно такими М.П. Грязнов и рисует контуры лошадей при реконструкции седел и масок Пазырыка. Действительно, трудно представить себе низкорослую, большеголовую, мохнатую алтайскую лошадку с пышной погребальной маской. Конечно, М.П. Грязнов хотел видеть тонконогую с длинной изогнутой шеей скакуна (см. приложение).

Вполне естественно, что материалы архивов личного происхождения (архивы ученых) содержат фрагментарные материалы по той или иной интересующей нас проблематике, и вряд ли стоит пояснять – почему. И тем не менее ценность сведений, оставленных

ученым в его архивном наследии, несомненна на любом этапе развития науки, и зависят они лишь от степени подготовленности исследователей, их уровня интеллекта и научной честности при востребовании этих материалов.

В числе других сведений, связанных с «темой лошади», в архиве МАЭ ОмГУ в журнале «Советская археология» (1973. №4) между 66 и 67 страницами (статья В.И. Бибикова «К интерпретации остеологического материала из скифского кургана Толстая Могила»), лежал листок, исписанный почерком М.П. Грязнова. Это беглые записи по расчетам конины, употребленной в ходе поминальной тризны, на основании остеологического материала из кургана Аржан. В нашем пересказе эти отрывочные цифры выглядят так: «1 конь – 150 кг. Судя по остеологическим остаткам в кургане Аржан было около 300 лошадей. В Толстой могиле пировало по подсчетам 2,5–3 тыс. человек. В Аржане, если из расчета по 3 кг на человека, то в тризне было задействовано около 13500 человек; если из расчета по 7 кг – 5800 человек».

Напомним, что темой докторской диссертации М.П. Грязнов выбрал Пазырык. Естественно, что значение захоронений лошадей, «участие коня» в погребальном обряде не могли быть обойдены вниманием*.

Данный архив – это черновые результаты раздумий археолога, некоторый срез современных ему исторических знаний по волнующим его вопросам. Вместе с тем современные направления археологических и исторических изысканий показывают, что значительная часть актуальных в 1920 – 1960–1970-х гг. (время активной научной деятельности М.П. Грязнова) проблем и на сегодняшнем этапе развития науки – в перспективной разработке (раскопки на Алтае, в Казахстане, споры о Сибирской золотой коллекции, проблематика скифо-сибирского мира и ранних кочевников, а также «раскопки» в музеях и архивах и пр.). Хотелось бы заметить, что все тематические подборки (по отдельным памятникам, регионам, эпохам, народам и пр.) излагают источники XIX – начала XX вв., которые не используются современными учеными или вообще являются основательно забытыми. Материалы интересны еще и тем, что вполне пригодны к общению с ними; это на стиле оформления бумаг, каких-то выписок, тезисов, рисунков отразился характер самого М.П. Грязнова – неторопливость, основательность, скрупулезность. Например, он фиксировал сведения о раскопках краеведов и профессиональных археологов, материалы которых не были опубликованы. Практически для всех зарисованных предметов, будь то материалы крупных коллекций или отдельные случайные находки, М.П. Грязнов, как правило,

* В Д. 42 хранится выписка об утверждении М.П. Грязнову ученой степени доктора исторических наук из протокола Высшей аттестационной комиссии №24 от 22 декабря 1945 г. на основании защиты диссертации «Пазырык. Погребение племенного вождя».

В Музее археологии и этнографии ОмГУ со времени его оформления в 1974 г. и к моменту поступления в его Фонды архива М.П. Грязнова в 1985 г. до 1994 г. (начало работы в качестве заведующего МАЭ ОмГУ В.В. Михалева) сменилось около десятка директоров (заведующих) и около 20 лаборантов. Таким образом, можно констатировать, что к делопроизводству архива было причастно так или иначе по долгу службы и в меру своих архивных и документоведческих навыков не менее десятка человек. От этого архивное наследие, учитывая 1) его раздробленность на две части (Омская и Петербургская), 2) переезд части архива в Омск (само перемещение – это, пожалуй, никто не будет отрицать, сродни пожару), 3) разборка, как правило, незаинтересованными или далекими от проблем архивоведения лаборантами МАЭ – все это в конечном итоге сказалось на современном состоянии Омской части архива. Однажды пронумерованные листы в делах не дают возможности их излагать по порядку номеров, так как до этого они были тематически перепутаны. Кроме того, одни и те же темы могут попадаться в разных делах, но мы не посчитали себя вправе еще раз что-то менять внутри самих подборок, так как неизвестно, почему следующим образом скомпонованы те или иные бумаги: или в результате работы самого М.П. Грязнова, или за счет перемещения некоторых бумаг вследствие переезда части архива в Омск, или в случае оформления документов в фондах МАЭ.

давал сопроводительные записи, в составе коллекций какого музея предметы находятся и за каким номером числятся экспонаты. Для многих рядом на полях документа идут пояснения о состоянии предмета, наблюдения о способе изготовления, орнаментации и т.п. Следовательно, сибирские археологи имеют уникальную возможность в случае обращения к материалам рассматриваемого архива «побывать в запасниках» других музеев своего региона и «столиц».

Библиографический список

Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // *Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура)*. М.: Наука, 1977. С. 28-52.

Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // *Советская археология*. М., 1952. №3.

Грязнов М.П. Связи кочевников Южной Сибири со Средней Азией и Ближним Востоком в I тысячелетии до н.э. // *Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии*. М.; Л., 1959.

Первобытная культура. Путеводители по выставкам / Сост.: М.П. Грязнов, О.И. Давидан, К.М. Скалон. М., 1956. Вып. 2.

Приложение

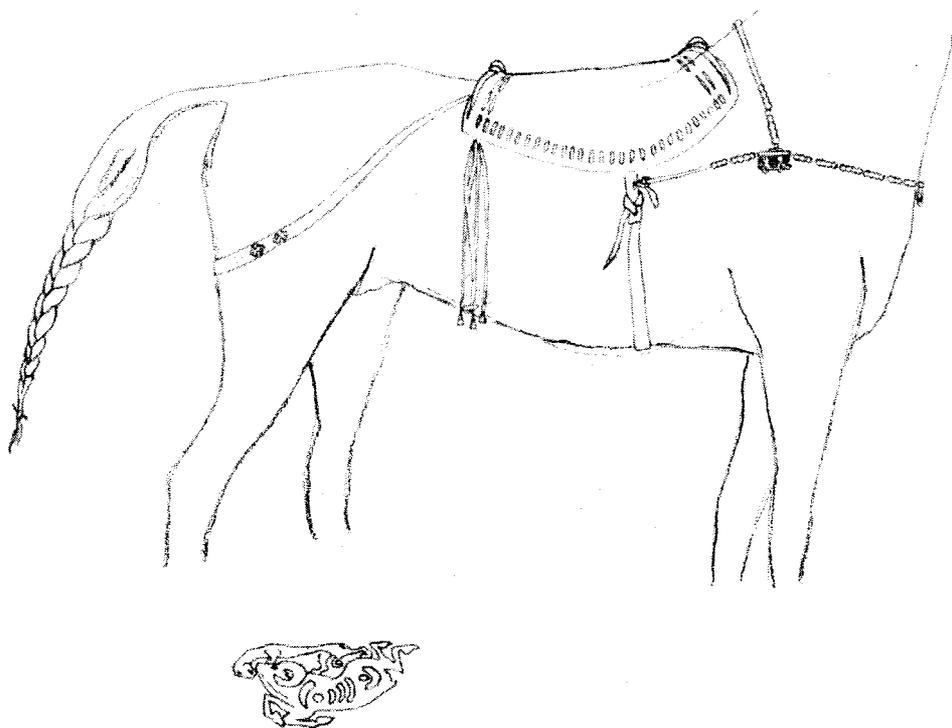

Рис. 1. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 30. Л. 10. Седло №1

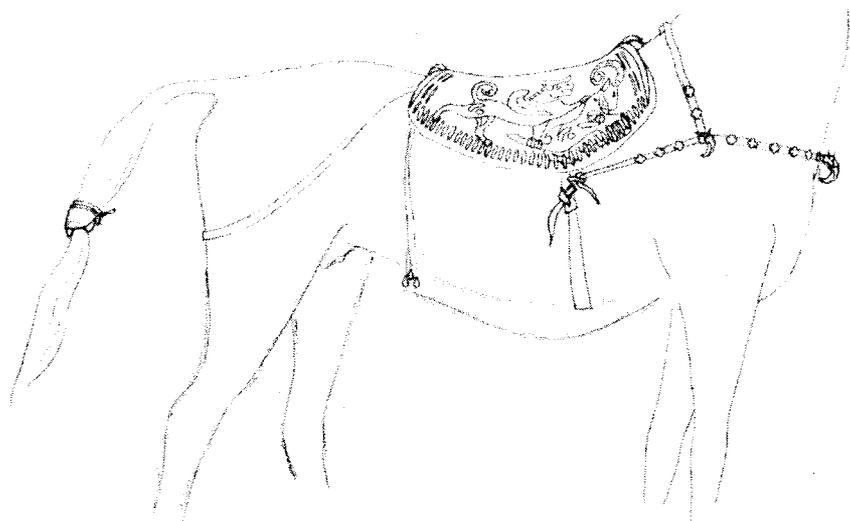

Рис. 2. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 30. Л. 11. Седло №2

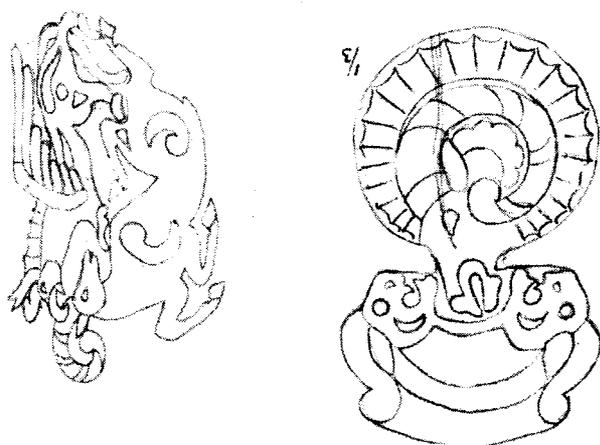
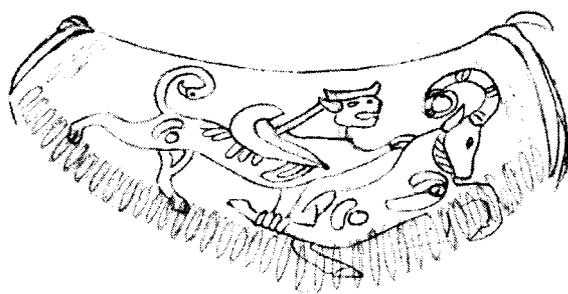

Рис. 3. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 30. Л. 32. Седло №2

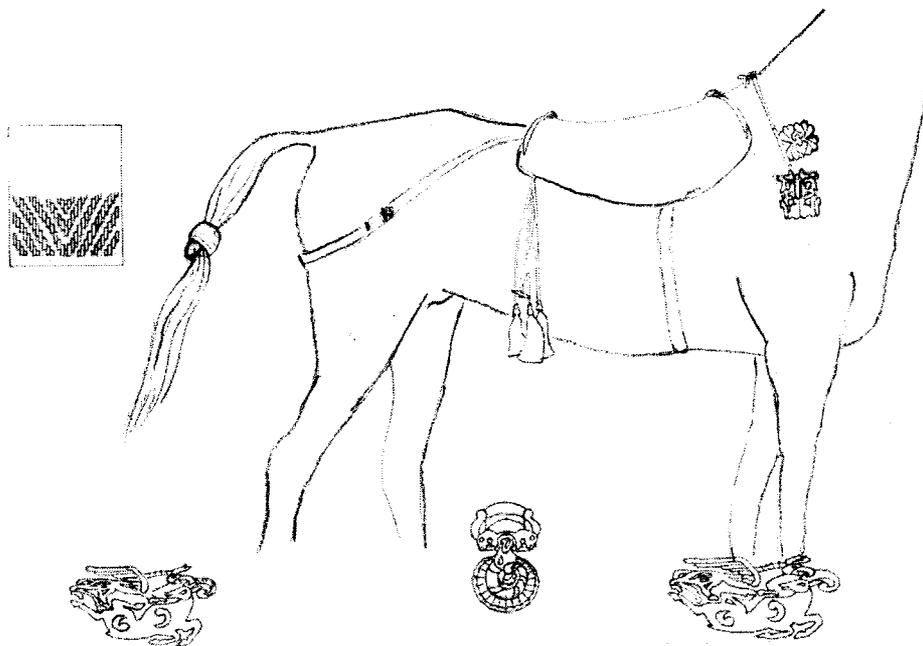

Рис. 4. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 30. Л. 12. Седло №3

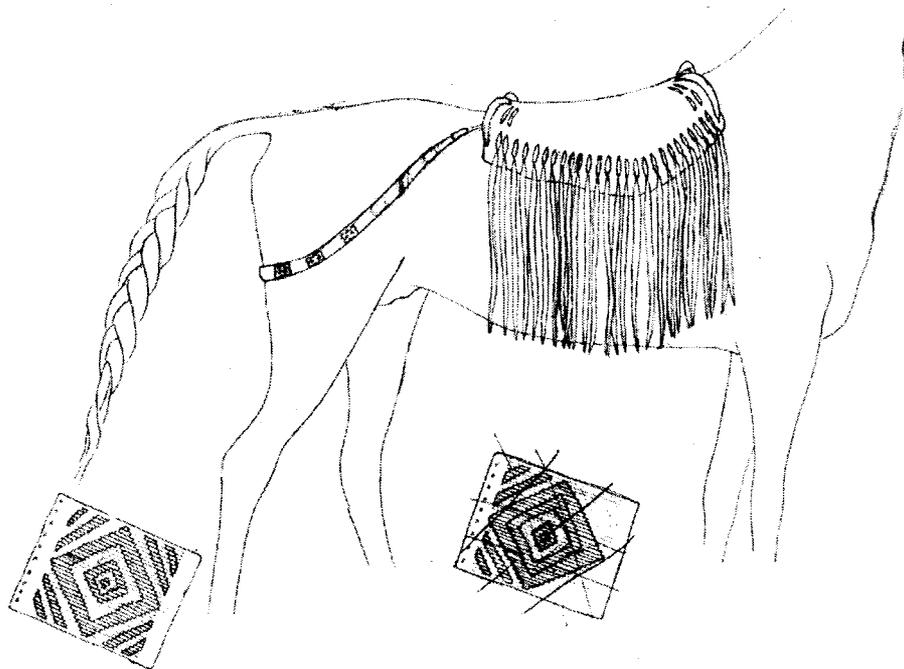

Рис. 6. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 30. Л. 13. Седло №4

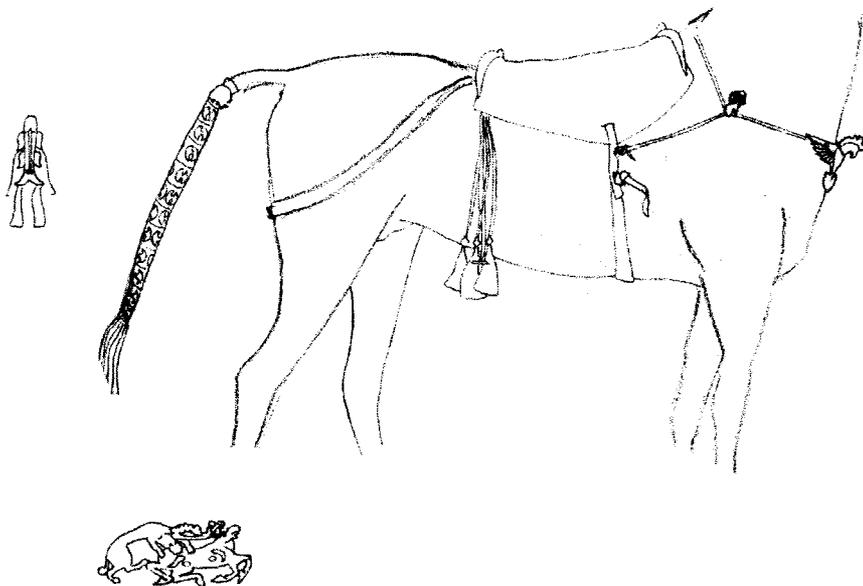

Рис. 7. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 30. Л. 15. Седло №5. Подпись карандашом: «Конь №2 XLVI.2»

Рис. 8. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 30. Л. 14. Седло №5

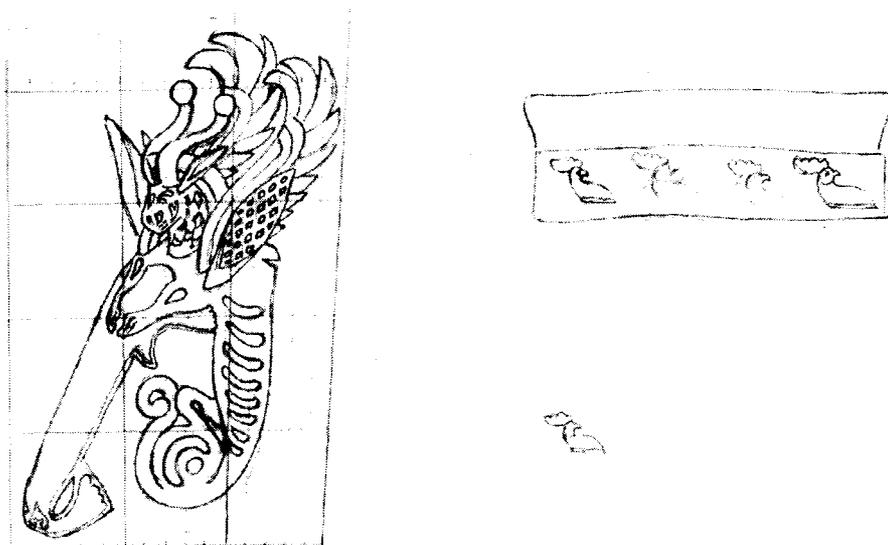

Рис. 9. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 30. Л. 16.

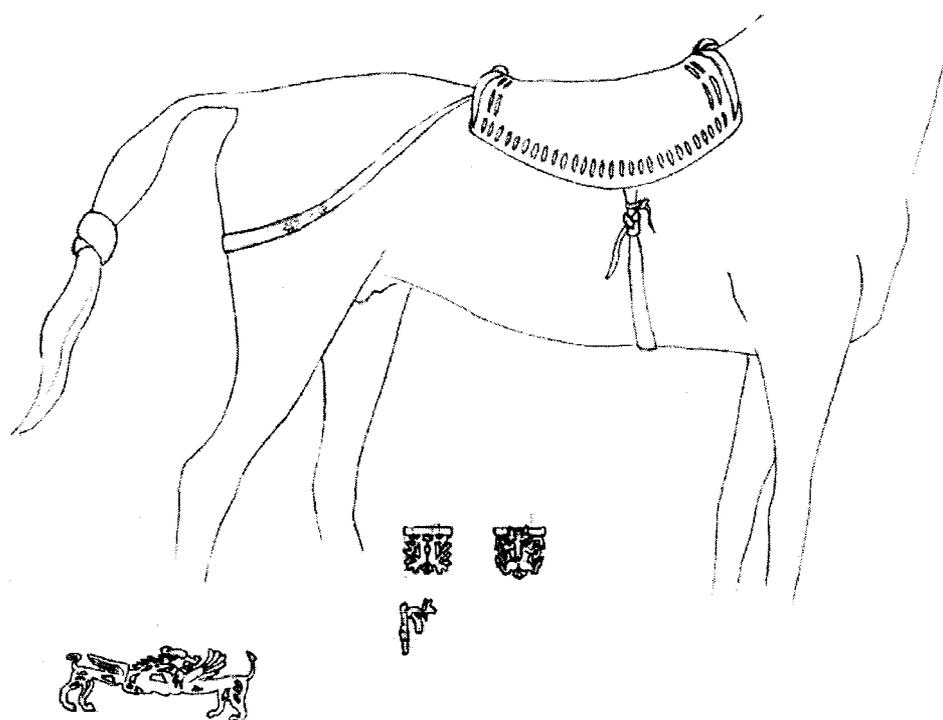

Рис. 10. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 30. Л. 17. Седло №6

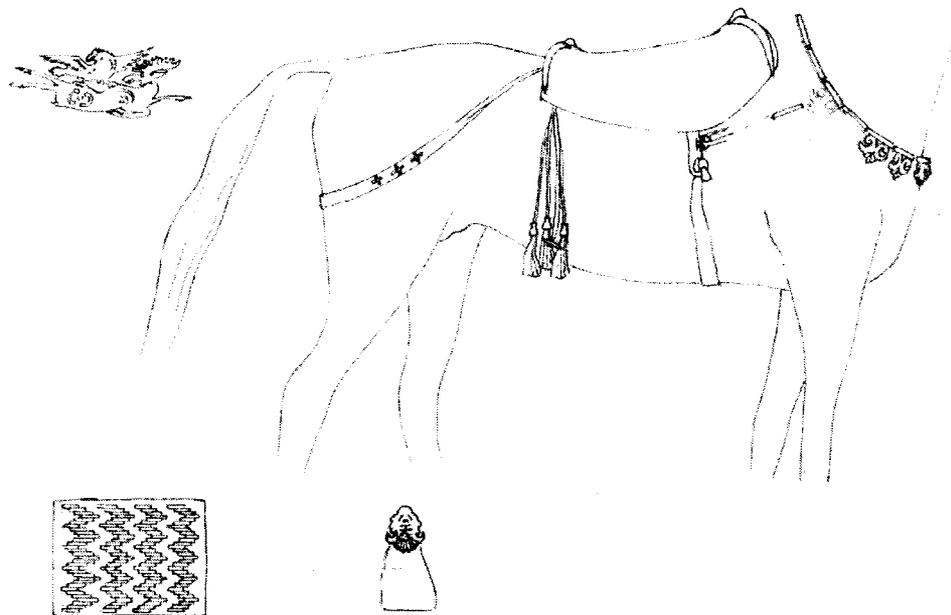

Рис. 11. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 30. Л. 18. Седло №7

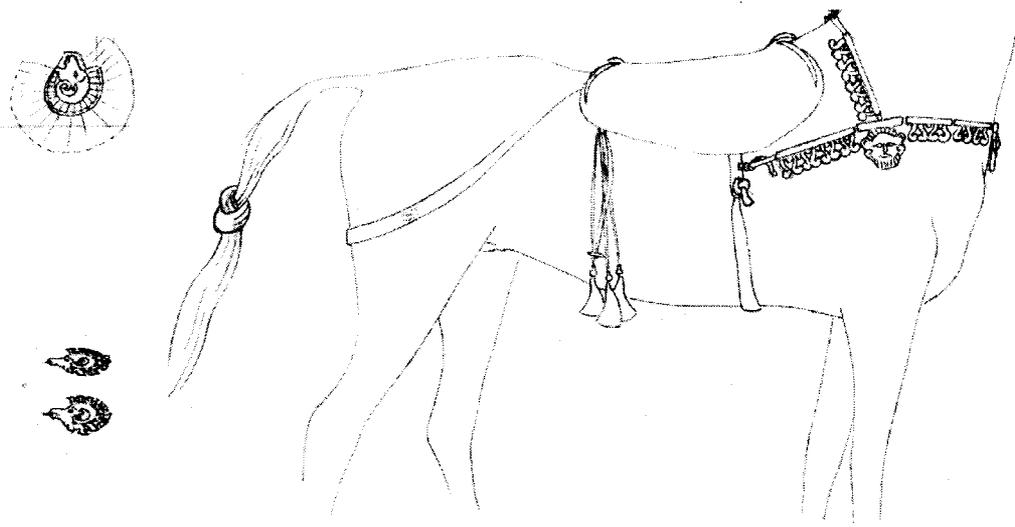

Рис. 12. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 30. Л. 21. Седло №8

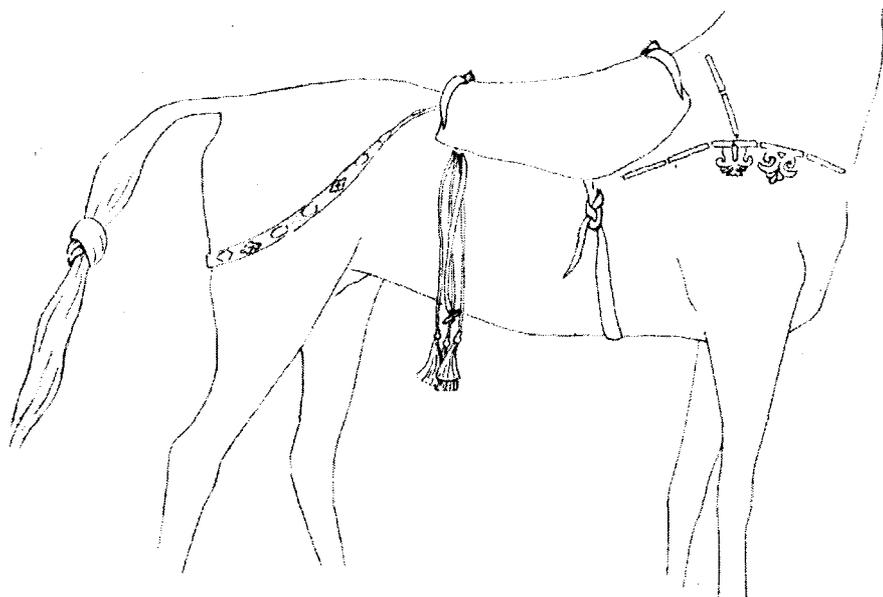

Рис. 13. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 30. Л. 19. Седло №9

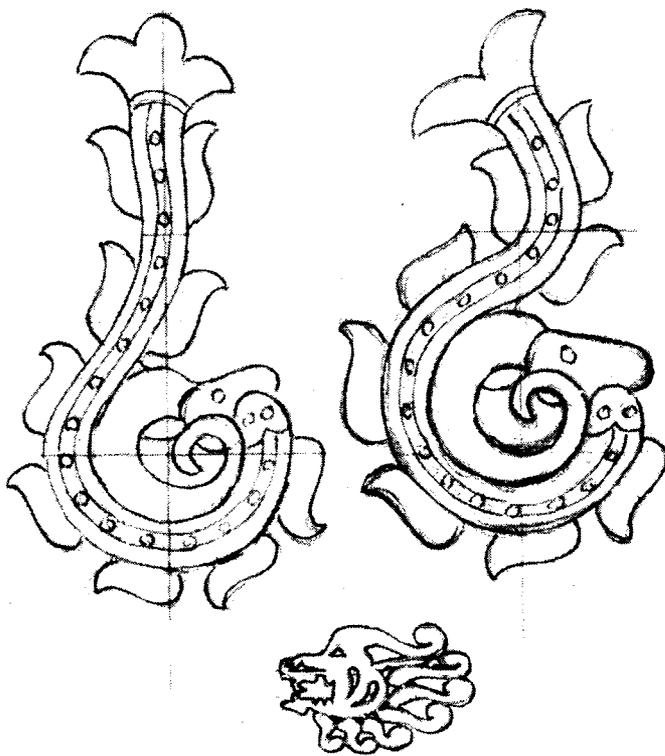

Рис. 14. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 30. Л. 20. Седло №9

Рис. 15. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 30. Л. 23. Седло №10

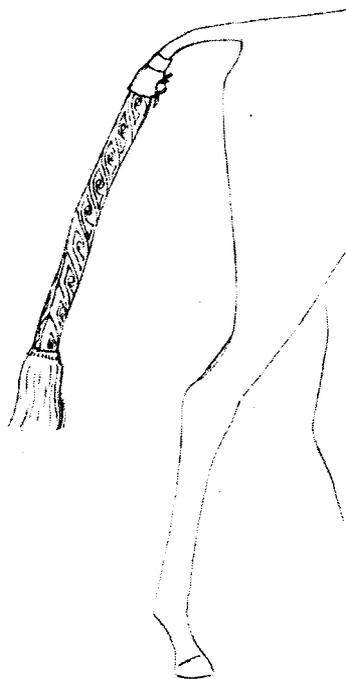

Рис. 16. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 30. Л. 24.
Надпись карандашом: «Нахвостник поднять немного»

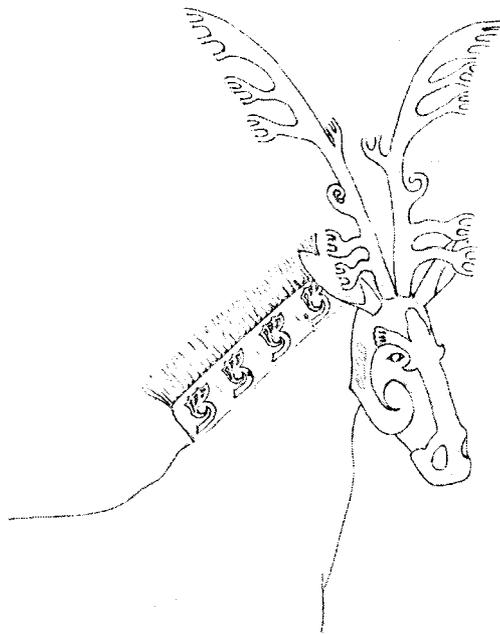

Рис. 17. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 30. Л. 25. Маска.
Выполнен тушью, карандашом

Рис. 18. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 30. Л. 26. Маска. Выполнен карандашом.
Сопроводительные записи: «Нахвостник, длина – 65 см,
с бахромой см 80, диам. 3–8 см. Длина 73 см, с бахромой – 92, d – 4,5»

ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДКАХ ИЗ ЧАСТНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

В научных изданиях уже неоднократно публиковались сведения о древних предметах, которые имеются у частных лиц, проживающих на территории Алтайского края. Происхождение и судьба таких изделий различны. Лишь некоторые из них передаются в государственные музеи и становятся всеобщим достоянием. Другие исчезают в руках неизвестных покупателей (например, см.: Чекрыжова О.И., Шамшин А.Б., 2001; Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., Грушин С.П., 2006) или оседают в антикварных коллекциях заинтересованных граждан. Часть вещей вообще пребывает в безызвестности, и специалисты не знают о существовании их. Появились подделки. Отмечены примеры открытой и подпольной торговли не только случайными находками, но и предметами, которые происходят из археологических объектов, ограбленных современными «бугровщиками». Такая ситуация свидетельствует о формировании рынка купли-продажи артефактов, которые имеют важное значения для науки и составляют историко-культурное наследие нашей страны. В этой связи необходимо дальнейшее наведение порядка в музейной и исследовательской сфере. Не является секретом, что археологические коллекции формируются у самих специалистов, а также у преподавателей истории, краеведов и других любителей старины. Как относиться к вышеуказанным процессам в условиях, когда принятые законы не работают, а соответствующие органы и учреждения не замечают происходящего или не понимают последствия обозначенных проявлений? Пока не будет выработан комплекс адекватных мер на незаконные действия сограждан и четкого отношения к частным археологическим собраниям, для исследователей важным моментом является многоплановая фиксация всех возможных сведений о находках. Иначе науку ждет частичная или полная утрата исторических источников.

Цель настоящей статьи заключается во введении в научный оборот двух ярких предметов эпохи раннего железа. Каждый из них имеет свою историю обнаружения. Публикация состоялась благодаря систематическому сотрудничеству с С.М. Кобзевым, который уже неоднократно содействовал пополнению музейных экспонатов. Часть вещей им была безвозмездно передана в АГКМ и в МАЭА АлтГУ (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2001, 2005; Абдулгаев М.Т, Фролов Я.В., 2006). Такая коллекция, хранящаяся в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ, имеет №187 и включает случайные находки различных периодов истории, происходящие с территории Алтайского края, Республики Алтай, Омской и Новосибирской областей.

Публикуемые изделия пока не попали в музейные собрания, но желательно, чтобы это случилось в ближайшее время. Иначе их ждет судьба предметов, которые исчезли вместе с «неизвестными покупателями».

Железный кинжал был случайно обнаружен барнаульским школьником С. Бодановым в Калманском районе Алтайского края. Во время похода, около с. Шадрино, подросток заметил и подобрал оружие. Вскоре после этого он решил продать кинжал. Для выяснения обстоятельств находки С.М. Кобзев и С. Боданов выехали на то место, где был поднят древний предмет. По словам коллекционера, указанный школьником пункт расположен между 34 и 36 км Змеиногорского тракта, примерно в 1,5 км направо от трассы, если ехать из Барнаула. Изделие было найдено на небольшом холме, у подножья которого имеется русло пересыхающей речки. С возвышенности хорошо видно село. Никаких выделяющихся археологических объектов поблизости не замечено.

Общая длина рассматриваемого кинжала составляет 29 см (рис. 1 и 2). Довольно хорошая сохранность железного предмета объективно свидетельствует о том, что он не

находился в погребении. Судя по имеющейся изогнутости, не исключено, что кинжал был воткнут в землю, а потом выпахан или каким-то другим образом извлечен со своего первоначального места. Возможны и другие обстоятельства повреждения, а также перемещения изделия. Длина клинка – 18,5 см, остальная часть приходится на рукоять. Перекрестье выражено лишь наибольшей шириной клинка и незатейливым дуговидным оформлением. Одно из лезвий было немного больше сточено, чем другое. Возможно, что эта часть использовалась вместо ножа или предназначалась для нанесения режущих ран. По центру клинка с двух сторон просматриваются утолщения в виде заметных нервюр. Такая конструктивная деталь обеспечивала прочность изделию при колющем ударе. Навершие рукояти кинжала оформлено в виде двух голов животных, обращенных в разные стороны и находящихся на одной условной «шее». Закругленные ребра рукояти имеют специально сделанные насечки, которые могли обеспечивать более удобное удержание оружия либо служили для наматывания кожаного ремня. С двух сторон рукояти есть по два параллельных углубления в виде канавок. Они ограничивают нервюры, являются конструктивной деталью и дополнительным оформлением. Особый интерес и спорное восприятие вызывает зооморфное навершие, сохранность которого можно считать относительно удовлетворительной. Одна сторона имеет более или менее выраженные детали, другая же позволяет различать только внешний контур. Поэтому сосредоточимся на рассмотрении видимых показателей, зафиксированных в прорисовке А.Л. Кунгурова (автор выражает ему благодарность за исполнение графических работ для данной статьи). На первый взгляд, кажется, что на кинжале изображены головы грифонов – характерная черта для многих изделий скифо-сакского времени. Однако более пристальный анализ позволяет сомневаться в однозначной трактовке данных образов, так как в каждом случае выявляются детали головы барана с закрученными рогами. В то же время фиксируется загнутый клюв и другие атрибуты стилизованного изображения хищной птицы. Именно такие аналогии имеются среди изделий, найденных в Верхнем Приобье и в Горном Алтае (см., например: Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 14.-4; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003, рис. 34.-10; и др.). Различного рода размышления приводит к компромиссному заключению о возможном отражении синкретичного образа грифоно-барана.

Абсолютной аналогии рассмотренному предмету найти не удалось. Отметим то изделие, которое позволит определенным образом начать решать проблему хронологии и культурной принадлежности публикуемой вещи. В этом плане интерес представляет часть железного кинжала, обнаруженная случайно у станции Укладочной, неподалеку от г. Барнаула – в 30 км к северо-северо-востоку (Могильников В.А., 1997, рис. 36.-6). Следов археологического памятника там также не было зафиксировано, но отмечено, что место представляет собой «дюноподобное возвышение». Сходство заключается в том, что навершие и перекрестие обозначены стилизованными головами барана, обращенными в разные стороны, а также в некоторых деталях оформления рукояти и клинка. Приведенное В.А. Могильниковым (1997, с. 42–43) описание и отмеченные аналогии позволили датировать предмет из окрестностей станции Укладочной V–IV вв. до н.э. и отнести, судя по всему, к каменной археологической культуре.

При сравнительном анализе кинжал из Шадрино выглядит типологически более ранним, чем рассмотренный выше предмет (см., например, оформление клинка и места соединения его с рукоятью на бронзовых кинжалах: Самашев З.С., Жумабекова Г., 1993; Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., Грушин С.П., 2006). Сочетание имеющихся форм и деталей дает возможность предполагать датировку изделия раннескифским периодом или VI–V вв. до н.э. Для более весомой аргументации требуется проведение дополнительного и всестороннего изучения.

Второй публикуемый предмет – медный котел (рис. 3 и 4). Сведения о нем поступили от С.М. Кобзева в январе 2006 г. Немного позднее изделие было доставлено на кафедру

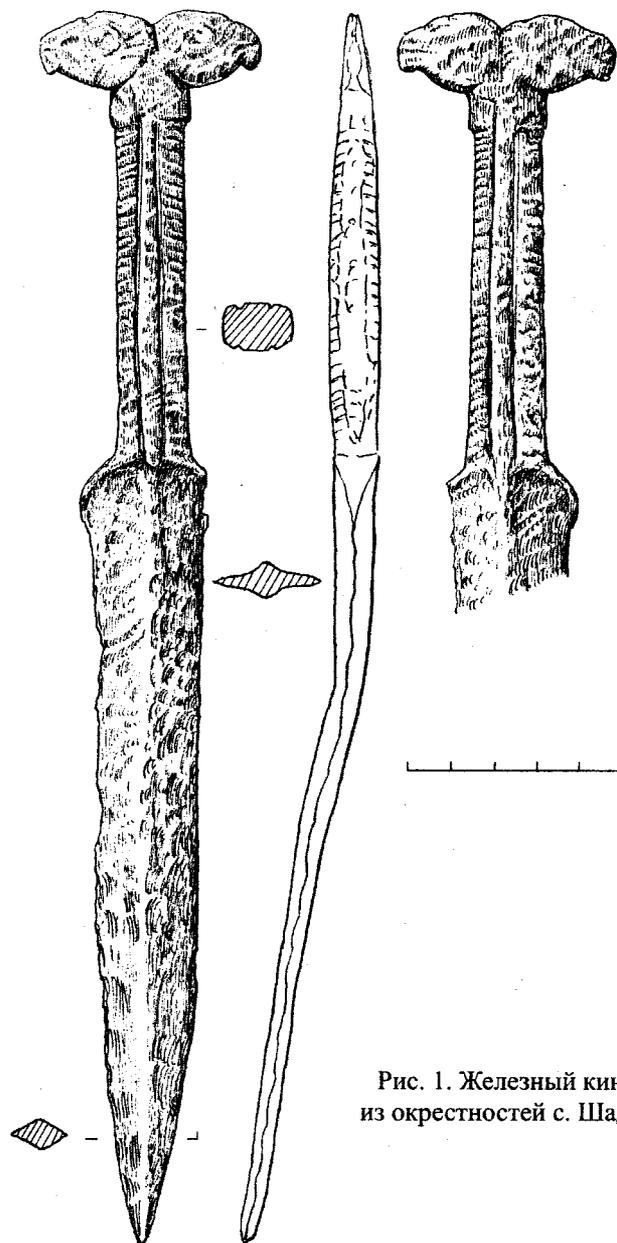

Рис. 1. Железный кинжал
из окрестностей с. Шадрино

археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ для атрибуции. Удалось его зарисовать и сфотографировать со всех сторон, а также получить некоторую информацию о происхождении и истории обнаружения. Оказалось, что котел поступил из Бийска. Бывший владелец сообщил следующие непроверенные сведения. Якобы металлический сосуд был обнаружен «два года тому назад» при проведении строительных работ на одной из турбаз в с. Манжерок (Республика Алтай). Экскаватором (?) была разрушена древняя могила. После того как котел оттуда изыали, строители сообщили о случившемся начальству. О данном происшествии вроде бы написали в одной из местных газет. Котел оказался у бульдозериста, который и продал его.

Параметры находки следующие: наибольшая высота без ручек – 16 см, а с ними – 18,5 см; диаметр по венчику около 13,3 см (13х13,4 см); высота поддона – 4,6–4,8 см, диаметр его около 6,6 см (6,4х6,7 см). Ручки и поддон как бы «впаяны» в тело котла. Вероятно, все основные детали выливались одновременно в сложной форме. В поддоне имеется перемычка, которая связана с процессом изготовления емкости. Интерес представляют многочисленные заплатки. Снаружи их десять, а внутри – семь. Одна из них закрывает сразу четыре отверстия. В днище котла есть и не заделанная дырочка. Одна из заплаток, возможно, образована из какого расплющенного предмета. Венчик котла отогнут наружу, ручки с внешней стороны имеют желобок. Поддон постепенно расширяется, а его нижний край слегка отогнут, что сделано для лучшей устойчивости сосуда. Внутри емкости, по всей видимости, была какая-то органика. Она сохранилась под большой заплаткой.

Для определения состава металла, из которого сделан котел из Манжерка, в Лабораторию научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа было направлено четыре пробы. Очень маленькие образцы брались с поддона, ручки и от двух заплаток. Рентгенофлюоресцентный анализ дал следующие результаты (аналитик С.В. Хаврин):

1. Ручка котла – медь (Cu) – основа; мышьяк (As) – 2–4%; сурьма (Sb) – менее 1%; висмут (Bi) – менее 0,5%; олово (Sn) – менее 0,5%; свинец (Pb) – менее 0,4%; серебро (Ag) и никель (Ni) – следы.

2. Поддон – Cu – основа; As – 2–3%; Sb – менее 1%; Bi – менее 0,3%; Sn, Ag, Pb, Ni – следы.

3. Заплата большая – Cu – основа; As – 2–3%; цинк (Zn) – 1–2%; Sb – 1–1,5%; Bi – менее 0,5%; Ag, Pb, Ni – следы.

4. Заплата малая – Cu – основа; Zn – 1–3%; Sb – 1–1,5%; Bi – менее 0,3%; As, Ag, Pb, Ni – следы.

Полученные данные свидетельствуют о том, что котел был сделан из меди. Наличие небольшого количества примесей может указывать на их присутствие в руде. Немного отличаются показатели проб от заплаток. По всей видимости, при ремонте, вернее при устранении литейного брака, был использован несколько иной металл. В общем, изделие выполнено некачественно. Кроме многочисленных заплаток, отметим неказистый вид и пористость поверхности. Есть и другие изъяны. Котел, скорее всего, использовался в ритуальных целях, а не для хранения и приготовления пищи.

Медные котлы в Южной Сибири теперь известны с раннескифского времени. При раскопках кургана Аржан-2 в Туве найдены два таких изделия (Чугунов К.В., 2004, с. 26). В Горном Алтае подобный предмет зафиксирован в женском погребении хуннского времени на памятнике Яломан-II (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003; 2005а, рис. 1.-12). Аналогии ему имеются на Иволгинском археологическом комплексе (Давыдова А.В., 1996) и Дырестуйском могильнике (Миняев С.С., 1998). В связи с этим обозначим интересную и пока никем не разрабатываемую проблему сходства ряда изделий материальной культуры раннескифского времени Алтая и хунну. Кроме котлов, отметим колокольчики, элементы конского снаряжения и другие изделия.

Рис. 2. Вид кинжала и его частей

Рис. 3. Детали металлического котла из Горного Алтая

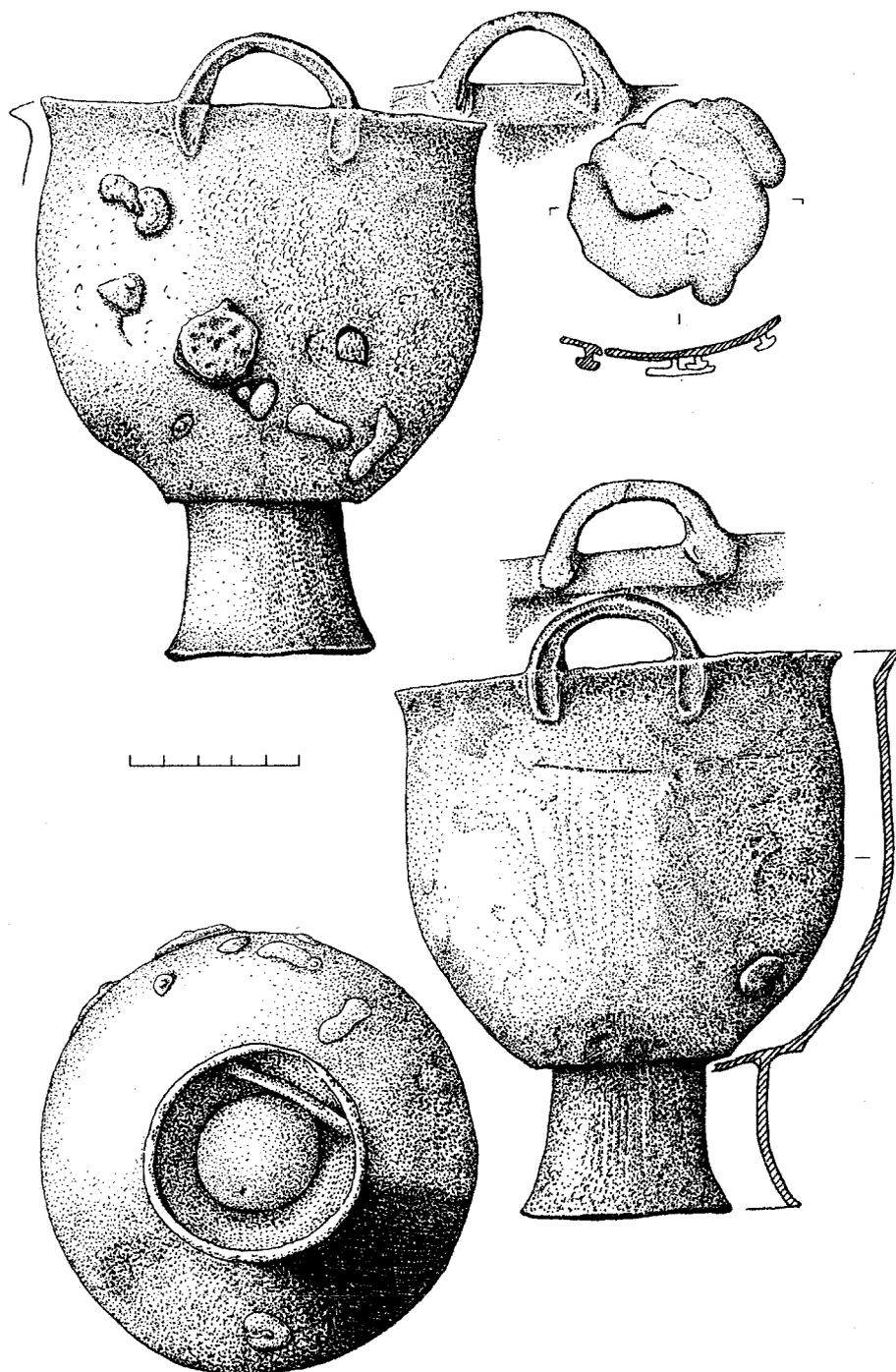

Рис. 4. Медный котел из Манжерка

Более четкие соответствия публикуемого изделия просматриваются с находкой из Балыктыюля (Сорокин С.С., 1977, рис. 4.-1). В связи с этим предварительно можно датировать найденный в Манжерке котел развитым (бело-бомским) этапом булан-кобинской культуры – II – I-й половиной IV вв. н.э. (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005б, с. 161).

В заключение необходимо указать, что данная статья рассчитана главным образом на введение в научный оборот двух важных археологических находок. Более обстоятельный анализ этих изделий еще предстоит сделать.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т., Фролов Я.В. Случайные находки эпохи раннего средневековья из северных предгорий Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2006. Вып. XV. С. 150–153.

Ведакин С.Д., Кунгуров А.Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плесы-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 88–115.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Новые сведения о случайных находках предметов вооружения // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2001. Вып. XII. С. 160–165.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Средневековые находки оружия с Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. XIV. С. 44–47.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т.: Иволгинский могильник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 176 с. (Археологические памятники сунну. Вып. 2).

Киришин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.

Киришин Ю.Ф., Шульга П.И., Грушин С.П. Случайные находки бронзовых предметов в северо-западных предгорьях Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 45–53.

Миняев С.С. Дырестуйский могильник. СПб.: АзиатИКА, 1998. 233 с.: ил. (Археологические памятники сунну. Вып. 3).

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половины I тысячелетия до н.э. М.: Пушинский центр РАН, 1997. 196 с.: ил.

Самашев З.С., Жумабекова Г. К вопросу о культурной атрибуции некоторых случайных находок из Казахстана // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных наук №5(191). Алматы: Гылым, 1993. С. 23–33.

Сорокин С.С. Погребение эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1977. Вып. 18. С. 57–67.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Т. IX, ч. I. С. 488–493.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Яломан-II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГУ, 2005а. Ч. I. С. 327–333.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, Изд-во Алт. ун-та, 2005б. 200 с.+ вкл.

Чекрыжова О.И., Шамшин А.Б. Случайная находка зооморфного кинжала из Рогозихи // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2001. С. 172–175.

Чугунов К.В. Аржан – источник // Аржан. Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб.: Славия, 2004. С. 10–39.

Д.Г. Савинов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург

К ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ТЕСИНСКИХ «ЛАБИРИНТОВ»

Одним из важнейших достижений в изучении памятников древнего искусства Центральной Азии и Южной Сибири стало выделение стилей (или изобразительных пластов), характерных для той или иной исторической эпохи – окуневского, карасукского, сейминско-

турбинского, раннескифского (аржано-майэмирского), пазырыкского, тагарского, таштыкского. В этом ряду долго оставался не заполненным период хуннского времени (тесинский этап, по периодизации археологических культур Среднего Енисея). Впервые достоверные рисунки, относящиеся к этому времени, были обнаружены в 1988–1989 гг. при раскопах «грунтового» могильника Есино-III на юге Хакасии и тогда же атрибутированы в качестве самостоятельной изобразительной традиции (рис. 1.-4, 5) (Савинов Д.Г., 1994б; 1995). В отличие от сюжетно-фигуративного искусства тагарской эпохи, они представляют собой геометрические изображения с очень сложной и насыщенной символикой, условно названные «лабиринтами».

После открытия серии подобных изображений на каменных плитках из могильника Есино-III и на отдельных стелах этого времени аналогичные рисунки, правда, пока в небольшом количестве были открыты и в других местах. Так, похожие гравировки нанесены – «уже после сооружения кургана и оползания насыпи» – с внешней стороны на двух плитах ограды баиновского кургана на могильнике Бырганов-V (Лазаретов И.П., 1995, с. 58, рис. 6). Тесинские «лабиринты» включены в сложные многофигурные композиции в петроглифическом комплексе у д. Абакано-Перевоз. По мнению автора, «это спирали и многочисленные кривые линии, очень сильно напоминающие тесинские “лабиринты”» (Русакова И.Д., 1997, с. 102, рис. 7, 9). Показательно, что некоторые из геометрических рисунков местонахождения Абакано-Перевоз сопряжены со схематично выполненными антропоморфными фигурами, как будто действующими в одном «семантическом поле» (рис. 1.-3). То же самое было зафиксировано раньше в изображениях, нанесенных на плитах оград тагарских курганов могильников Тустух-Кель (рис. 1.-2) (Худяков Ю.С., 1980, рис. 8.-3) и Есино-X, курган №1 (рис. 1.-1) (материалы автора). Изображение на плите из могильника Есино-X послужило одним из оснований для выделения «идеограмматического» стиля в рисунках на курганных плитах из Минусинской котловины (Савинов Д.Г., 1994а, с. 132–133, табл. 24).

Рис. 1. Изображения «лабиринтов» на каменных плитках, курганных камнях и в петроглифах Минусинской котловины: 1 – Есино-X (материалы автора); 2 – Тустух-Кель (по: Худяков Ю.С., 1980); 3, 6 – Абакано-Перевоз (по: Русакова И.Д., 1997); 4, 5 – Есино-III (по: Савинов Д.Г., 1995)

Отдельные «лабиринты» известны в наскальных изображениях Горного Алтая (Черемисин Д.В., 1997, рис. 19) и Северной Монголии (Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D., 2001, pl. 328, 430, 457). Из других наиболее интересных находок отметим две. На поселении Усть-Парная (на севере Хакасии) наиболее поздние материалы сборов относятся к первым векам н. э. (Красниенко С.В., Субботин А.В., 1997, с. 53–54), найден плоский окатанный камень с подобным прочерченным изображением (рис. 2)*. На другом конце восточной части Евразийских степей очень похожее изображение было процарапано на блоке облицовки святилища Байте-III на Устюрте (рис. 3). Авторы публикации трактуют его как «культовую сценку: всадник и пеший перед лабиринтом» (Дженито Б., Ольховский В.С., Самашев З.В., Франкфор А.-П., 2000, рис. 8). Действительно, сходство между этими рисунками – из святилища Байте-III и тесинскими «лабиринтами», располагающимися на одном и том же («хунно-сарматском») хронологическом срезе, удивительно. Принадлежность их, как и других подобных изображений, к одному изобразительному пласту сомнений не вызывает.

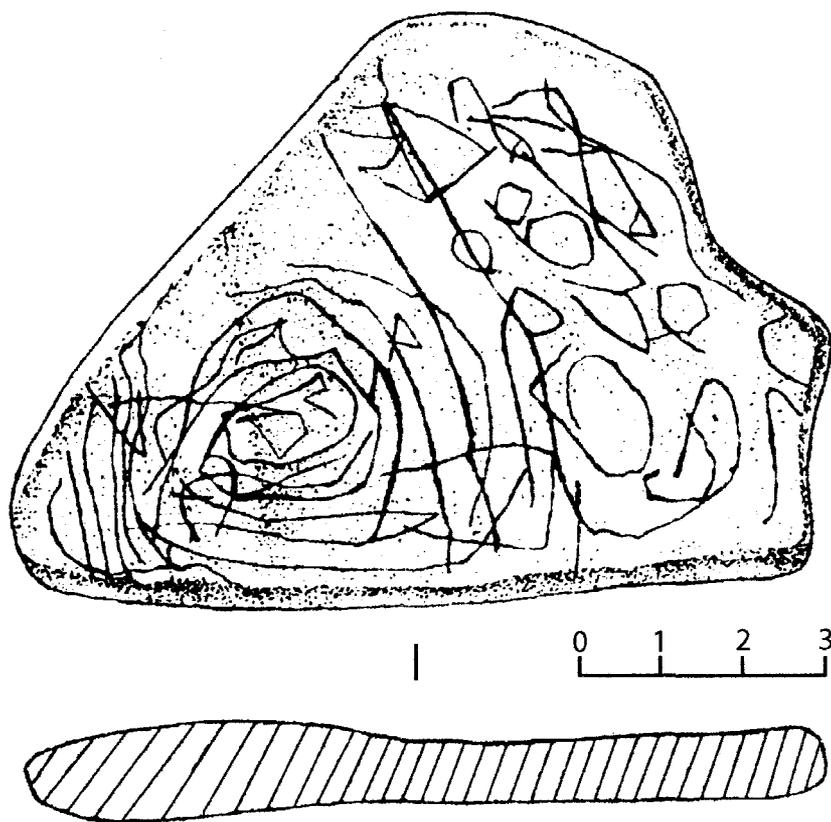

Рис. 2. Изображения на каменной плитке из поселения Усть-Парная.
Случайная находка (по материалам С.В. Красниенко и А.В. Субботина)

* Приношу глубокую благодарность С.В. Красниенко и А.В. Субботину за разрешение опубликовать эту интересную находку.

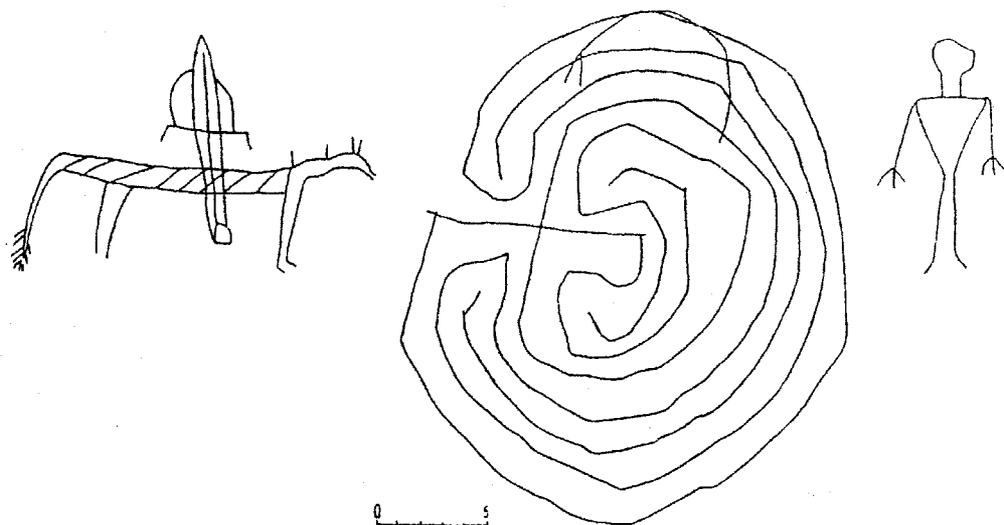

Рис. 3. Изображение «лабиринта» из святилища Байте-III
(по: Дженито Б., Ольховский В.С., Самашев З.С., Франкфор А.-П., 2000)

Наиболее сложный вопрос, возникающий при изучении тесинских «лабиринтов» – определение семантики подобных изображений. Ясно, что это своего рода идеограммы, набор условных обозначений, своеобразная «запись» какого-то ритуала, мифа и т.д. Однако судить об их конкретном внутреннем содержании даже с какой-то степенью достоверности трудно. По изображениям на есинских плитках нами было выделено несколько изобразительных тем: 1. Противостояние равных по начертанию фигур, как правило, отделенных друг от друга и имеющих, скорее всего, антагонистический характер. 2. Закрытое пространство («решетки» и лабиринты»), часто с обозначенным «входом», но не имеющее «выхода», с внутренними перегородками, создающими «тупиковые» ситуации при продвижении по этому замкнутому пространству. 3. Спирали, в общей системе знаковых обозначений соответствующие пещере, углублению, чреву, изображению «того мира», что подтверждается изображением расположенных рядом змееобразных линий (змей?), имеющих охранительное значение. 4. Планиграфические изображения, отображающие, скорее всего, идею пути в прямом значении этого слова, как запрограммированного маршрута передвижения со всеми перипетиями и, вероятно, благополучным исходом. Каждая «тема» соответствует ситуации нахождения (или продвижения) определенного, чаще всего не видимого, «лица». Поскольку есинские плитки с изображениями так или иначе связаны с погребениями, таким «лицом» в первую очередь могла быть душа умершего человека, проходящая в процессе реинкарнации длительный и сложный потусторонний путь (Савинов Д.Г., 1995, с. 28–30).

Близкое прочтение есинских изображений предложено Е.А. Окладниковой. «По внешнему виду рисунки представляют собой плоскостную модель Вселенной в одной из наиболее распространенных и древних ее форм – так называемого лабиринта. Плиты с петроглифическими изображениями лабиринтов есинского могильника связаны с обрядом захоронения, и рисунки составляли часть погребального ритуала». В них «была заложена идея пути, путешествия души умершего в пространстве мира мертвых» (Окладникова Е.А., 1995, с. 193). Несколько иную трактовку предложила О.С. Советова (2005, с. 201),

рассматривающая их как отображение подвигов мифического героя: «Его подвиги начинаются с первого испытания – преодоления лабиринта, который обозначен в виде спирали с характерными для лабиринта перемычками-тупиками... Внутренние перегородки создают «тупиковые» ситуации при условном продвижении по этому замкнутому пространству». При этом «лабиринт часто ассоциируется с западней-ловушкой, способной запутать героя, погубить его». Наличие около некоторых «лабиринтов» антропоморфных фигур как будто подтверждает такое предположение. Однако между этими двумя версиями нет противоречия – так или иначе речь идет об изображении «пути» и достижении какой-то «цели». На современном этапе изучения вполне возможны и другие интерпретации.

Публикуемый в данном сборнике статье Н.И. Рыбакова новый памятник тесинского этапа – святилище Оргинек – имеет выдающееся значение. По условиям нахождения это первое бесспорное святилище, с которым связано нанесение подобных изображений. А по насыщенности (наполненности) рисунков представленный здесь изобразительный ряд не имеет аналогов среди всех известных ранее изображений подобного рода. Явная последовательность расположения изображенных фигур, в том числе находящихся среди геометрических рисунков схематических антропоморфных, зооморфных и орнитоморфных персонажей, позволяет предполагать наиболее полную и адекватную запись мифологического «текста», фрагментарно представленного в отдельных рисунках типа тесинских «лабиринтов». Предложенная Н.И. Рыбаковым космогоническая интерпретация содержания этого мифологического «текста» вполне имеет право на существование, хотя, конечно, остаются возможности и иного подхода к этим сложнейшим и еще во многом загадочным рисункам.

Библиографический список

Дженито Б., Ольховский В.С., Самашев З.С., Франкфор А.-П. Исследование древних святилищ Арало-Каспийских степей: итоги и перспективы // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000. С. 7–20.

Красниенко С.В., Субботин А.В. Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). СПб., 1997.

Лазаретов И.П. Изображения на плитах из могильника Бырганов-V (Хакасия) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово, 1995. С. 57–60.

Окладникова Е.А. Модель Вселенной в системе образов наскального искусства Тихоокеанского побережья Северной Америки. СПб., 1995.

Русакова И.Д. Новый памятник наскального искусства на Енисее (писаница у д. Абакано-Перевоз в Хакасии) // Наскальное искусство Азии. Кемерово, 1997. Вып. 2. С. 101–112.

Савинов Д.Г. Развитие стилия изображений на плитах курганов тагарской культуры // Проблемы археологии. Вып. 3: Памятники древнего и средневекового искусства. СПб., 1994а. С. 123–136.

Савинов Д.Г. Могильник Есино-III на юге Хакасии (предварительное сообщение) // Изучение древних культур и цивилизаций: Материалы к пленуму ИИМК РАН. СПб., 1994б. С. 63–68.

Савинов Д.Г. Тесинские «лабиринты» (по материалам могильника Есино-III) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово, 1995. С. 22–32.

Советова О.С. О своеобразии изобразительного искусства посттагарской эпохи // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия: Сб. докл. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения С.В. Киселева). Красноярск, 2005. С. 200–202.

Худяков Ю.С. Работы Хакасского отряда в 1975 году // Источники по археологии Северной Азии (1935–1976 гг.). Новосибирск, 1980. С. 97–122.

Черемисин Д.В. Петроглифы левого берега реки Чуи (Горный Алтай) // Наскальное искусство Азии. Кемерово, 1997. Вып. 2. С. 78–86.

Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D. Mongolie du Nord-Ouest Tsagoon Salaal boga Oigor // Répertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale. Paris, 2001. T. V, fasc. №6.

Н.И. Рыбаков

Союз художников, Красноярск

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ТЕСИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (СВЯТИЛИЩЕ ОРГИНЕК В МЕЖДУРЕЧЬЕ ИЮСОВ)

Мифы о первопредках и мифических временах «первотворения» составляют духовное наследие истории племени (этноса народа).

Миф объясняет и санкционирует существующий порядок, объясняет человеку его самого (его появление) и окружающий мир...

Культурный мир всегда является священным.

С.А. Токарев, Е.М. Мелетинский, 1980

Слияние двух рек Черного и Белого Июсов образует стрелку – хребет Арга-таг, протянувшийся с востока на запад, где за котловинами озер Ошколь и Черное он примыкает к главному хребту Кузнецкому Алатау. В устьях этих рек раскинулись суходольные степи: Ошкольская, Курганная (пойма Черного Июса и р. Печища), заболоченная Оргинек (пойма Белого Июса). С начала XVIII в. в пределах первых двух степей открыты многочисленные памятники культуры, датированные эпохами ранней и поздней бронзы, железным веком и кончая средневековьем. Здесь проезжали и работали исследователи: Д.Т. Мессершмидт, Ф.И. Стралленберг (1722 г.), Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин (1839 г.), П.С. Паллас (1768–1774 гг.), М.А. Кастрен, Н.Н. Костров (1854 г.), В.В. Радлов (1863 г.), И.-Р. Аспелин (1887 г.), А.В. Адрианов (1907–1909 гг.), а в середине и в конце XX в.: Л.Р. Кызласов (1971–1983 гг.), Н.В. Леонтьев (1974–1975 гг.), Д.Г. Савинов (1978; 1979), Я.А. Шер (1991 г.), Ю.С. Худяков (1986 г.), М.Л. Подольский (1987 г.) и многие другие. Видимо, трудно привести тот или иной участок данного района, не охваченный в свое время изучением специалистами, но ряд неожиданных находок последних лет может говорить о том, что не все еще здесь пройдено и изучено.

Осенью 2004 г. и весной 2005 г. автором были обнаружены новые памятники в районе степи Оргинек, южных отрогов стрелки (хребет Арга-таг), нижнего течения р. Кизилки (левый берег), имеющих важное культурно-историческое значение и заслуживающих внимания специалистов: могильники устья Кандеевского лога (карасукская, тесинская культуры и погребения эпохи средневековья (определения И.Л. Кызласова); там же непонятное четырехстороннее сооружение – погребение (?) с нанесенными руническими текстами на трех обрамляющих его плитах и, наконец, в 2 км западнее лога Кандеевского – писаница (тесинская культура), получившая название «Святылище Оргинек», или образное – «Каменная книга». Дата открытия данного памятника – 4 апреля 2005 г. – засвидетельствована полевыми материалами автора во время совместной с И.Л. Кызласовым разведывательной поездки, а также краткосрочной работы в этой местности в конце июня – начале июля 2005 г.

Единственное упоминание об этих глухих местах мы находим у А.В. Адрианова, судя по его дневниковым записям (архив ТГУ), но не представленным в отчетах за 1907–1909 гг. Возвращаясь из пятидневной поездки с верховий Белого Июса в одиночку верхом на коне, левым берегом, и проезжая через пункты Батанаков, Малый Ключик, Большой Ключик, он наткнулся на писаницу в устье Кандеевского лога, первого скального яруса горы Ключинской, которую кратко отметил в своих записях. Но, скорее всего, эта находка не представляла, по его мнению, какой-либо научной ценности и поэтому сведения о ней не появились в отчетах. Кроме того, как теперь ясно, у него не было времени на обследование близлежащих

скальных обнажений верхней террасы р. Кизилки. В 1986 г. в 12 км от Кандеевского лога на северо-восток вел раскопки Л.Р. Кызласов (Чульский чаатас–Малый Ключик. – *Н.Р.*). Через этот пункт пролегла главная дорога многих исследователей по направлению Божье озеро – Сулек – Барбаков – Подкамень – Малый Ключик – Большой Ключик, переправа – Белый Июс и далее в пределы озер Белё, Шира, но, к сожалению, никто из них не проследовал южнее, в сторону от Малого Ключика, видимо, по причине известных труднопроходимых путей по заболоченной местности.

Местонахождение святилища. Река Кизилка имеет протяженность всего 25 км, начинаясь от болот, лежащих между Белым Июсом и горой Колдушей (из поздней топонимики жителей д. Подзаплот), или иначе – напротив известных гор Ошпа и Тарбик, (направление от последних – на запад 12–14 км). Впадает Кизилка в 7–8 км (переправа) от начала Чулыма. Левая сторона поймы реки представляет собой гористое формообразование, соответственно от истоков: гора Колдуша, гора Сохатин, две горы Лысые, гора Ключинская и далее мелкосопочник до конца стрелки. Сохатин, безусловно главная из них, с размещенной наверху крепостью (эпоха бронзы?) являлась священной горой во времена позднего средневековья и этнографического времени, вплоть до современности (полевые материалы автора). Под горой Колдушей отмечено место захоронения колдуньи-шаманки. Теперь же в связи с находками последних лет можно предполагать, что и вся гряда, включая горы Лысые и Ключинскую, являлась священным местом с глубокой древности. Все южные склоны этих гор имеют скальные обнажения в один-два, а местами в три яруса, открывая пласты красно-девонского песчаника, размещенные горизонтально или с некоторым наклоном внутрь, к материковой плоскости. Известно, что ряд святилищ, обнаруженных ранее (гора Тюря – А.В. Адрианов (1907 г.), Печищенский памятник с быком – Н.В. Леонтьев (1974–1975 гг.), святилище с быками и оленями – Второе Сульфатное (не представленное в научных изданиях)), имеет в основе своей конструкции вид природной ниши с козырьком. Отметим, что и расположенная поблизости знаменитая Сулекская писаница могла иметь козырек: у подножия плоскостей с рисунками лежат огромные плиты, чьи размеры по сломам соответствуют размерам скальных плоскостей писаницы, видимо, в древности обвалившихся вниз по причине стихийных явлений.

«Святилище Оргинек» также имеет вид естественно образованной ниши с козырьком (рис. 1), размещенной в первом нижнем ярусе скальных обнажений второй Лысой горы. Святилище находится в 1,7 км на юг от горы Сохатин, в 500–600 м от заболоченных берегов речки Кизилки, в 3 км от деревни Подзаплот, между двумя проселочными дорогами направлений: Подзаплот – заповедник «Хакасский» и Подзаплот – Кожухово. Под козырьком размером 4x5 м в глубине располагаются две наклонные плоскости, обращенные друг к другу наподобие раскрытой книги под углом 105°; левая плоскость – 1,3x2,4 м, правая – 1,2x2,3 м. Обе плоскости заполнены изображениями, по-видимому, представляющими единую композицию. Сохранность памятника удовлетворительная, кроме нижней кромки плоскостей, слегка обрушенных, так как они находились в открытой зоне, незащищенной козырьком. Выбивка рисунков осуществлена острым ударным инструментом глубиной до 7 мм. Ширина деталей (линий) до 3,5–4 см. Под плоскостями, у их нижнего основания, находится плита размером 1,5x0,7 м, размещенная с легким наклоном вправо и внутрь, как постамент. Вправо и ниже, в трех-четыре шагах – еще одна плита размером 0,5x0,9x0,3 м, лежащая строго горизонтально, очевидно, выломанная из скалы и уложенная здесь же. Полагаю, что данная плита есть жертвенник, который входит как составная часть в этот уникальный комплекс. От святилища до подножия горы – 20–25 м. Здесь других камней нет; сухой склон имеет только растительно-травяной покров.

Рис. 1. Святилище Оргинек. Левый берег Кизилки. Междуречье Июсов

Краткое описание изображений. Первое общее впечатление: концентрические круги, знаки, символы, многочисленные переплетения, лабиринты, спирали, антропоморфные и зооморфные фигуры и т.д. Наиболее выразительным участком всей композиции является изображение с кругами на левой плоскости, явно организованное в единый целостный «узел». С него, очевидно, и следует начинать рассмотрение всей композиции.

Левая плоскость (рис. 2), площадь изображения 1,1x1,5 м. От стыка плоскостей на расстоянии 4–5 см выбит круг, далее влево – овальной вытянутой формы два круга друг в друге – большой и малый. Над ним антропозооморфное изображение существа, вытянутое в том же направлении, справа налево и чуть вверх, с головой птицы, имеющее узкое тело, заканчивающееся внизу неопределенной формы утолщением (хвостом?). В верхней части показаны расставленные руки-крылья с характерной деталью – пальцы-перья веером, по пять штук соответственно на каждой руке. Фигуру сверху окружают около пятнадцати колец-ячеек, спаянных или соединенных друг с другом как гирлянда. Справа от фигуры и вверх два-три птицеподобных существа меньших размеров, каждый с крыльями, расправленными под разными углами, и знак «Овна» (?). Выше от гирлянды спаянных колец-ячеек – небольшая антропоморфная фигура без признаков пола с раскинутыми руками. Непосредственно через нее одна часть композиции соединяется с другой. Между третьим и четвертым кругами (от центра) размещены изображения. Наиболее ясный и читаемый из них – солярный знак-свастика. Ниже – антропоморфная фигура в состоянии адорации, туловище которой покоится на семи отрезках-ножках, соединенных в месте соприкосновения с туловищем. Отрезки-ножки опираются на внешнюю концентрическую окружность. Далее по ходу выбит знак, напоминающий букву «У» (птица?). В верхней части – неясная фигура летящей птицы, и поверх нее – современная выбивка, инициалы «У.К.» и «Р.К.» – признак единственного вторжения в жизнь древнего святилища. По

внешней оболочке большого круга размещены несколько символических фигур: наверху – знак «Овен» и круг (солярный знак); внизу – расположенные симметрично изображения лапы птицы с четырьмя когтями и еще один такой же знак «Овен». Напротив этого знака – антропоморфная ушастая фигура (женского пола) с большой головой, наверху которой находится кисточка, отведенная вправо. Руки расставлены в стороны, на каждый по пять растопыренных пальцев. Рядом расположены отдельные знаки, напоминающие птицу, полумесяц и точки. Ниже на одной горизонтали находятся пять крупных знаков «Овна», или тамги, но уже трансформированные и с наличием дополнительных деталей.

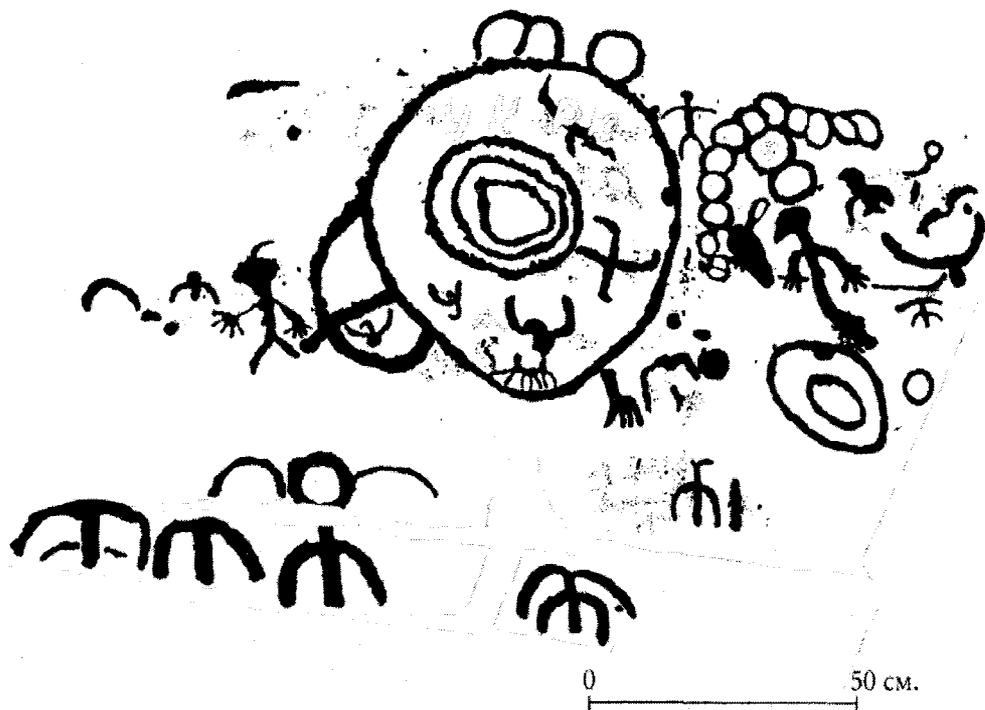

Рис. 2. Святилище Оргинек. Левая часть. Река Кизилка

Правая плоскость (рис. 3). Площадь изображения 1,2x2,1 м. На том же уровне (по характеру разворота текста книги) выбито очень сложное многофигурное изображение, где при тщательном рассмотрении выделяются два «узла». Первый (справа): сложное формообразование, состоящее из разорванных концентрических кругов и переплетений («проросшее яйцо»). Второй (слева) – трехъярусная горизонтальная композиция. Посередине находится четырехстороннее пространство, вверху – фигура роженицы, внизу – переплетения-гирлянды (темного мира?).

«Проросшее яйцо» – концентрические круги, но здесь они не ясно выражены, как бы смыкаясь и размыкаясь, включая пересечения и отрезки, рассыпаются или размыкаются, соединяясь вновь, окружая середину, в которой изображена антропоморфная фаллическая фигура верхом на зооморфном существе. Внизу слева вне оболочки выбито реалистическое изображение животного с рогами (барана). Сверху горизонтально расположены две зооморфные фигуры (олени-маралухи?); нижняя с рогами, верхняя – без рогов (здесь

вход во внутреннее пространство «яйца»). Над ними три фигуры меньших размеров: две крайние зооморфные (телята или овны) и между ними знак «Овен», расположенный на боку. Далее изображения читаются уже с большим трудом. Это какие-то дуги, соединенные в секции (начало лабиринта), подобия знака «Овен», либо лапа птицы. Изображения отдельных деталей антропоморфных и зооморфных фигур. Внутри «лабиринта» – различного рода переплетения, пробитые вертикальными «отростками», сочлененными с боковыми линиями, заканчивающиеся вверху крупной точкой с изображением «затенения» или, наоборот, «света», выбитого мелкой дробью наподобие широких лучей. В этом «растительном» мире с трудом распознаются «бутоны-цветения», «птицы» и «животные» (олени).

Рис. 3. Святилище Оргинек. Правая часть. Река Кизилка

Далее, как было отмечено, следует трехъярусная горизонтальная композиция, посередине которой находится вытянутое замкнутое пространство, заканчивающееся спиралевидным завершением. Внутри этого пространства (условно назовем его «оградой») – точки, полукольца, отрезки и две антропоморфные фигуры с подчеркнутыми признаками мужского пола. Здесь же пониже большая антропоморфная фигура с фаллосом, слева от нее – крупный круг, заполненный внутри, точки и отрезки; справа – изображение полумесяца. Над полумесяцем ряд полуколец, обрывков гирлянд и отдельные неровные горизонтальные линии, за которыми размещаются две антропоморфные фигуры (близнецы?). У одной из них (без признаков пола) в левой руке что-то вроде рогов или распростертых крыльев. Над ними справа изображение парящей птицы.

Нижний ярус представляет узкую полосу, на которой находятся круги разных размеров, удлинённые завитки-переплетения, соединенные в гирлянду. В верхней части они образуют фигуру, внешне напоминающую стоящего с опущенной головой животного. За-

канчивая описание, коснусь изображения третьего яруса, на котором расположена крупная антропоморфная фигура роженицы, лежащей на боку, нижняя часть туловища которой, окружена контуром «вод», с обозначенным плодом. Следует отметить, в 12–15 м вправо от описываемого святилища на одиночной плоскости (в верхней части) выбито изображение антропоморфной фигуры сидящей на корточках (той же роженицы?) и знака «Овен» под ней (рис. 4).

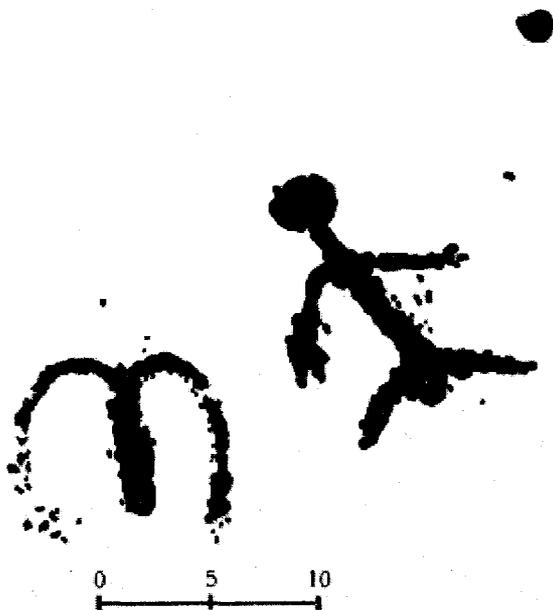

Рис. 4. Святилище Оргинек. Две фигуры. 10–12 м (восток)

Все рисунки святилища Оргинек можно считать относительно одновременными. Время их создания и, соответственно, период функционирования святилища определяются тесинским этапом (середина I в. до н.э. – II в. н.э.), по аналогии с «лабиринтами», выделенными Д.Г. Савиновым в качестве одного из компонентов изобразительной традиции хуннского времени после раскопок могильника Есино-III на юге Хакасии, где были найдены многочисленные каменные плитки с подобными изображениями (Савинов Д.Г., 1994; 1995).

Интерпретация. Тагаро-таштыкский период (тесинская культура) в истории древних народов степных и подтаежных районов приенисейских территорий и Минусинской котловины отличался как период сложных этнических перемещений, взаимовлияний, а неоднородность, смешанность состава племен наложили отпечаток на религиозно-мифологические представления населения, воплощаясь в наскальном искусстве. «...Но произведения народной фантазии, содержащие в себе наивно олицетворяющие объяснения фактов реального мира» (Токарев С.А., 1990, с. 550), вовсе не так наивны и просты. Они несут информацию времени в изобразительной метафоре, метонимии и определенных кодах зашифрованного текста, мотивируя знаком, символом и другими средствами условно поэтического изложения. Позволю предложить одно из суждений по поводу семантики рассмотренного выше материала, полагая при этом, что в определении содержания заложенного «текста» возможны и другие варианты интерпретаций.

Идеи космогонических творений обычно включают антропонические мифы, как составную часть сотворения человека, пытаясь ответить на вопрос: как и откуда произошел мир, как появились на земле люди. Не попытка ли выразить языком «каменной», но священной записи подобного вопроса-ответа представлена в памятнике «Святылище Оргинек»? Святылище, как уже было сказано, естественного происхождения (счастливая находка древних обитателей междуречья Июсов) своеобразный порог «земного мира», через который, видимо, доступнее пройти и достучаться до «плоти» и «духа» Матери Земли и получить ответ, отделившись от профанного мира. Сама конструкция «сооружения» отражает явную структуру трехчастной модели мира в представлениях народов Древней Сибири и Центральной Азии: округлых очертаний навес-козырек напоминает небесный свод, горизонтально развернутые «записанные» плоскости с жертвенником – земную твердь, а подножие и каменистый склон, устремленный в низины к воде – намек на преисподнюю. В заполнении писаных плоскостей выделяется несколько рядов символов, знаков и других изображений, повторяющихся неоднократно, особенно знак овна и птицы.

«Овен» – знак производительной жизнеутверждающей силы природы, а также весны и рассвета, когда солнце входит в созвездие Овна (21 марта), выбит во многих местах сакрализованного пространства разворота «книги». Он представлен в различных ипостасях, как символ небесного гаранта творения, символ «Хварны» – благодати, удачи, победы (Луконин В.Г., Борисов А.Я., 1968, с. 36). Он влияет на объединение разнородных явлений миропорядка. В списке тамг тюркского мира (Гродеков Н.М., 1889, прил. 2) приводится тамга типа «овен с кругом наверху», почти полностью совпадающая с одним из знаков на данной писанице (внизу под концентрическими кругами) и определенная исследователем как родовая тамга «Султан. Белая кость».

Священная птица. Приведена в сюжете семь раз, символ воплощения божества творца-демиурга, обладающего человеческой природой. Она может менять свой облик от условно-метафоричного до вполне понятного изображения очертаний реального существа, т.е. птицы (орел или ворон?).

Антропоморфные изображения (до десяти фигур). Участники творения двоятся (женское-мужское), появляются в акте творения в одиночку как главные божества на основании установленных в древности ассоциаций сходства птицы и человека способом появления из яйца-зародыша, дающего в последующем – на грани довременного и настоящего – жизнь первой паре людей. Судя по приведенному выше описанию сакрализованного двухстворчатого пространства, четко намечается обладающая ценностью высшей сакральности та разделительная ось (линия стыка плоскостей), которая, очевидно, является изначальной точкой, центром Мира и, следовательно, может служить местом начала «прочтения текста». «...Все было в состоянии неизвестности, все холодное, все в молчании... и пространство неба было пусто... не было ни человека, ни животного, ни птиц...» («Пополь-Вух», Центральная Америка). В мире «стихий молчания» изначально был первоэлемент-желание, плавающий в Хаосе вод океана. Он имел муже-женское начало, но не был сотворенным, а появился «ниоткуда, из ничего». Такова широко распространенная ранняя концепция творения. Мы видим здесь сведение всего сущего к единому и выведение всего из единого...

То же самое заложено в иконографии памятника «Святылище Оргинек» через мотив зародыша-божества. Он же дает нам, очевидно, понятие мифологического образа Вселенной и начала жизни. Тот первый, малый, выбитый круг от стыка плоскостей (левая плоскость) может являться изображением зародыша, а рядом с ним, левее (два круга, один в другом), – двумя божествами, бинарной оппозицией несущих муже-женское начало, слитых воедино Неба и Земли, внутри которых зарождается Птица. Любопытная деталь: внут-

ри пространства внешнего круга прилепленное к нему утолщение – «малое тело», не есть ли оно «зародыш-начало»? А над ним порожденная фигура существа – птицы.

Возможно, что в этих деталях изображений левой плоскости и заложен ответ на большинство вопросов о появлении и предназначении памятника. «...В хаосе кипела мутная влага, которая была окружена... как цыпленок в яйце... твердый (как первый человек). Существо (? – *Н.Р.*) Пань-гу был подобен цыпленку, выведенному из хаоса двумя силами» (Позднеев Д.М., 1897–1898, с. 16). Или: «...из хаоса выделяются воды, породившие огонь – Хираньягарбха (золотой зародыш)... через год из него возникает Брахма, разбивая оболочку и создавая из ее частей небо и землю» (Трапезников В.А., 1982, с. 592).

Почти во всех формах мировоззрения порядок сотворения мира соответствует следующей идеальной схеме: «хаос – небо и земля – солнце, месяц, звезды – время – растения – животные – человек и т.д.» (Топоров С.А., 1982, с. 7). Наш «текст» содержит вариант: «хаос – зародыш – небо и земля, птица – божество», который творит все четыре части вселенной (четыре круга друг в друге) и т.д. Такой порядок мироздания отражен в мифопоэтическом мышлении народов восточных культур стран Центральной и Юго-Восточной Азии, Сибири и Северной Америки. В связи с этим может быть предложена следующая последовательность «событий». На левой плоскости: начало – зародыш – соединение Бурой Земли и Голубого неба – появление творящего демиурга-Птицы при влиянии силы Овна. Далее рождение Мировой тверди – четырехугольной модели Вселенной, где Солнце определяет гармонию небесных тел. Появление Матери – Ушастого Божества (Умай?) супруги Неба (Тенгри?) хранительницы детей. На правой плоскости – появление Человека (первой пары людей) как осмысленной Цели творения в космическом мировом окружении. Здесь же культовые сцены – обряд жертвоприношения с лунницей-чашей при участии Верховного светлого божества (Ульгена? – большая антропоморфная фигура). И заканчивается священная «запись» изображением роженицы – Великой Матери, возлежащей на обновленной земле. Обилие же выбитых изображений зародышей-зерен, связанных в гирлянды – спирали левой и правой плоскостей, – мольба обладателей «родовой святыни» об изобилии приплода скота и единоплеменников. И как признак мольбы – вопрошение об изобилии приплода скота и единоплеменников – обладателями «родовой святыни» являются их тамги, выбитые в пределах всего пространства писаницы.

Знак-тамга (рис. 4), выбитый под фигурой роженицы, может быть идентифицирован как акцент смыслового порядка прочтения «текста», либо его «завершение», либо «начало». Полагаю, если знак-тамга определяет факт родоплеменной принадлежности, выраженной в графической форме тамгой типа «тарак», а небесная мать-роjenница явлена как родоначальница племени (объединения), то в семантическом аспекте эта иконографическая «пара» есть «завершение» композиции в целом – символ, имеющий характер адресата – посылка. В таком случае «началом» является левая плоскость изображения. Как было замечено выше, все три формы знаков-тамг – знак Овен, тамга Тарак, символ Сомы (последовательно: Луконин В.Г., Борисов А.Я., 1968, с. 36; Гродеков Н.М., 1889, прил. 2; Калалы-чыр 2, рис. 7.-2), имеют глубокие корни происхождения с древнейших периодов (Новгородова Э.А., 1989, с. 52) до позднего средневековья. Период наиболее активного тамгопользования приходится на позднескифское время, и понятие «тамга», по определению С.А. Яценко, есть «...прежде всего знак собственности определенного клана... скота и угодий и знак причастности человека или группы родственников к определению акции (обряды при заключении разного рода договоров, ... религиозных церемоний и т.д.)» (Яценко С.А., 2001, с. 22–23). Первоначально тамги (метка, знак, след), по мнению специалистов, были сакральными, магическими знаками (знаками тотемов). В «контексте» писанных плоскос-

тей выделяются несколько групп символов: знак – тамга, птица (творец-демиург), антропоморфные пары (близнецы), яйцо (зародыш-начало), лунарно-солярные символы, мать-роженица, представленная дважды, и т.д. Этот ряд символов сакрализованного пространства, целиком и полностью укладывается в знаковую систему мифологического сознания народов круга культур ведического мира Переднего Востока, Древней Индии, а также Средней и Центральной Азии и, очевидно, отражает идеи космогонических творений.

Библиографический список

- Гродеков Н.М. Киргизы и каракиргизы Сыр-дарьинской области. Ташкент, 1889. Т. 1.
Луконин В.Г., Борисов А.Я. Сасанидские геммы. Л., 1968.
Калалы-чыр 2. Культурный центр в Древнем Хорезме. М., 2004.
Новгородова Э. А. Древняя Монголия. М., 1989.
Позднеев Д.М. Лекции по истории Китая / Изд. А. Иванов, 1897–1898. С. 15–16.
Савинов Д.Г. Могильник Есино-III на юге Хакасии (предварительное сообщение) // Изучение древних культур и цивилизаций. СПб., 1994. С. 63–68.
Савинов Д.Г. Тесинские «лабиринты» (по материалам могильника Есино-3) // Древнее искусство Евразии. Кемерово, 1995.
Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990.
Токарев С.А., Мелетинский Е.М. Мифология // Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1.
Топоров В.Н. Космогонические мифы // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2.
Трапезников В.А. Хираньягарбха // Мифы народов мира М., 1982. Т. 2. С. 592.
Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.

А.А. Тишкин, Д.Н. Иванов, Д.В. Папин

Алтайский государственный университет, Барнаул

РАЗРАБОТКА ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ПОРТАЛА «АРХЕОЛОГИЯ АЛТАЯ»*

Актуальность разработки информационно-аналитического портала «Археология Алтая» обусловлена тем, что к настоящему времени накоплен гигантский пласт знаний по древней и средневековой истории крупного историко-культурного региона. Это произошло в значительной мере благодаря активным исследованиям сотрудников Алтайского государственного университета. В современных условиях, когда одним из главных критериев достоверности исторических реконструкций становится доступность источников для их всестороннего изучения, требуется не только систематизация новых и ранее известных сведений, но и более широкое внедрение в научно-информационную среду всего множества многоплановых данных. Среда «интернет» сама по себе не заменяет традиционных способов научного общения, но прекрасно их дополняет благодаря широкому развитию сетевых технологий. Поэтому разработка вышеобозначенного портала направлена на оперативное введение в научный оборот достижений отечественной и зарубежной археологии по изучению Алтая и сопредельных территорий, на популяризацию знаний и информирование широких слоев научной общественности об основных проблемах исследований.

В настоящее время археология достаточно широко представлена в русскоязычном сегменте сети Интернет. Отметим в первую очередь сервера, созданные в научно-иссле-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №06-01-12138в «Информационная поддержка археологических исследований на Алтае»).

довательских организациях, музеях и вузах России. Большинство этих интернет-проектов представляют обзорную информацию по тематике работы своей организации или археологии региона. В этом плане создаваемый в АлтГУ web-портал реализуется исходя из традиционных подходов и целей.

Задача данной статьи заключается в обсуждении структуры планируемого ресурса, который будет иметь статическое и динамическое наполнение огромной информацией. Для четкой систематизации накопленной в настоящее время обширной информации в рамках рассматриваемого проекта необходимо формализовать данные и обеспечить их хранение в базе данных. Затем нужно создать все необходимые условия для эффективного использования всего предлагаемого массива сведений.

Основой информационного содержания портала является набор модулей, каждый из которых предоставляет конечному пользователю ресурса данные из определенного раздела сформированной базы. Предварительный набор таких модулей может быть следующим:

- Персоналии.
- Археологические экспедиции.
- Археологическая карта Алтая.
- Фотоальбом.
- Полевая археологическая практика.
- Электронная библиотека по археологии Алтая.
- Конференции.
- Защита диссертаций.
- Издания.
- Изучение археологических эпох.
- Подготовка специалистов в области археологии.
- Отечественная археология.
- Зарубежная археология.
- Каталог интернет-ресурсов.

Основная концепция разрабатываемого археологического ресурса заключается в том, что перечисленные выше модули не являются абсолютно самостоятельными разделами портала, а тесно взаимосвязаны между собой по некоторым пересекающимся характеристикам. Так, например, из раздела «Археологические экспедиции» для выбранной экспедиции можно получить данные об ее участниках в разделе «Персоналии», из которого в свою очередь можно узнать публикации исследователей либо издания, относящиеся к данной экспедиции из раздела «Электронная библиотека». Таким образом, каждый модуль ресурса можно представить как некоторый «вертикальный срез» информационной базы, связанный с другими данными.

Структура ресурса может быть представлена следующим образом.

Стартовая страница с названием «Информационно-аналитический портал «Археология Алтая» будет иметь ряд различных активизируемых разделов: «История археологических исследований на Алтае», «Краткие данные о проекте», «Участники проекта», «Сведения для контактов» и «Карта сайта». Отдельное место на ней займут «Новости портала» и система поиска.

Раздел «История археологических исследований на Алтае» предполагает размещение иллюстрированного текста и представление научной школы по археологии, руководителем которой является д.и.н., профессор Ю.Ф. Кирюшин.

Модуль «Персоналии» основан на обширном списке исследователей, занимавшихся и занимающихся археологией Алтая. Для каждого ученого или краеведа предполагается

персональная страница с отражением многоплановых показателей биографического, публикационного и другого характера.

В разделе «Археологические экспедиции» можно получить информацию о ранее существовавших или ныне работающих в регионе полевых экспедициях. Здесь же будут размещены данные о результатах раскопок.

Наиболее сложным для выполнения с технологической точки зрения является раздел «Археологическая карта», так как необходимо увязать картографический материал с существующей базой данных об археологических памятниках Алтая и нанести ее на соответствующую топооснову. Выполнение поставленной задачи позволяет сделать общедоступной огромный массив информации, необходимый в первую очередь в области сохранения историко-культурного наследия.

Одно из центральных мест в портале будут занимать модули, связанные с представлением конкретной научной продукции: «Издания» и «Электронная библиотека по археологии Алтая». Если в первом разделе предполагается разместить краткие библиографические сведения об изданиях, то второй будет содержать публикацию полнотекстовых версий печатных работ в формате PDF, по видам: монографии, сборники научных трудов, материалы конференций, библиографические указатели, авторефераты кандидатских и докторских работ, учебные издания и т.д. Такой подход позволит оперативно вводить в оборот информацию как о новых научных публикациях, так и о работах, ставших библиографической редкостью. Именно электронные версии изданий 20–30-летней давности, содержащие порой уникальный материал, позволят повторно ввести их в научный оборот, но на качественно ином уровне.

Кроме сугубо научных проблем, большое внимание в портале отводится и учебной подготовке специалистов, аспирантов, магистров и бакалавров в области археологии. Полевой подготовке посвящен раздел «Археологическая полевая практика», включающий в себя программу и методические рекомендации, технику безопасности, экспедиции и объекты, где она организуется, а также неформальную сторону этого процесса. «Подготовка специалистов в области археологии» направлена на освещение учебно-научной деятельности студентов и аспирантов и соответственно оформлена по разделам: спецкурсы, учебно-исследовательская работа (УИРС и спецсеминары), бакалавриат, магистратура, аспирантура, докторантура, учебные планы, учебные и учебно-методические издания.

Непосредственная информация по археологии Алтая будет аккумулирована в модуле «Археологические эпохи». На основе принципов археологической периодизации будут размещены данные по соответствующим этапам древней истории. Предполагается дать полную и развернутую характеристику археологических культур с привлечением иллюстративного и фотографического материала, персоналии исследователей, значимые памятники, этапы исследования, список соответствующих публикаций, экспедиции и полученные результаты, т.е. максимально привлечь те данные, которые необходимы для отображения соответствующего современного научного знания по конкретной эпохе. Система перекрестных ссылок позволит не только переходить в нужный раздел практически с любого этапа работы в портале, но и позволит максимально сжато использовать имеющуюся информацию. Например, в разделе «Ранняя бронза Алтая» пользователь не только получит информацию об археологических культурах региона и материалах, исследованных памятниках, авторах раскопок, но и может перейти в модуль «Электронная библиотека по археологии Алтая», где будут размещены публикации по рассматриваемым археологическим объектам, авторефераты диссертаций, связанных с этим периодом, выступления на конференци-

ях или посмотреть раздел «Археологические экспедиции», где будут отражены соответствующие данные.

В силу того, что модуль «Археологические эпохи» взаимосвязан со всеми остальными, его можно рассматривать как «горизонтальный срез» данных, на основании которого появляется возможность составить некоторое множество отдельных подразделов, посвященных разным периодам истории. Важной особенностью таких тематических ресурсов будет являться единая структура, построенная на основе главных информационных модулей, что позволит объединить все материалы в единый археологический портал. Стержнем портала будет основной ресурс, структура которого рассмотрена в данной статье.

Реализуемая работа направлена прежде всего на то, чтобы сделать доступными разработки современных археологов, осветить многообразие изучаемых проблем, дать полный ракурс проводимой исследователями работы и полученных научных результатов, систематизировать и каталогизировать имеющуюся информацию. Ресурсы предназначены для преподавателей и сотрудников научных учреждений исторического профиля, а также для всех интересующихся древним прошлым нашей страны. Одновременно с научно-популярным значением данный проект является объектом, аккумулирующим научные, учебно-образовательные, библиографические и другие материалы. Он наглядно демонстрирует возможности информационных технологий в образовании (наглядное справочное пособие для специализирующихся студентов, аспирантов), а также востребован для науки в виде огромного массива источников.

Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул

ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ УЧЕБНИКА ПО АРХЕОЛОГИИ

В 2005 г. вышло пятое, переработанное издание учебника «Археология», автором которого является Анатолий Иванович Мартынов. Книга рекомендована тогдашним Министерством образования РФ для студентов вузов, обучающихся по специальности «История».

В связи с тем, что рецензируемый учебник не имеет других аналогов, в отличие от многочисленных пособий по отечественной истории, то сравнивать его приходится с предыдущим изданием (Мартынов А.И., 1996). Однако наиболее важным является отражение соответствия базового учебника с «Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования». В данном документе определено место и значение предмета, а также рекомендованное к изучению общее содержание курса, в котором должны быть представлены *«...способы существования человека в различной экологической среде, материальные остатки жизнедеятельности людей, их типология и методы изучения, общие черты и характерные особенности жизни древних обществ, формирования этнокультурных миров от эпохи палеолита до раннего средневековья»*.

Следует отметить, что по сравнению с предыдущим новое издание существенно расширено и переработано. Появились дополнительные параграфы, приведено множество иллюстраций, в том числе цветных. Отдельно представлена часть I «Введение в археологию». Действительно, этот раздел нужен. Он выполнен в достаточно содержательной форме и с возможным расширением информационной базы путем привлечения дополнительных учебных пособий (Мартынов А.И., Шер Я.А., 1989, 2002; Авдусин Д.А., 1980; и др.), а также других книг, обозначенных в списке литературы. Исходя из практики преподавания курса, имеющиеся издания по археологии (Тишкин А.А., 2002, с. 29–31) необходимо рекомендовать студентам для самостоятельной работы, для которой отводится все больше и больше места в учебном процессе. Например, в тематическом плане курса «Археология» в АлтГУ из 72 выделенных часов 28 – лекции, 14 – семинары и 30 – самостоятельная работа (Тишкин А.А., 2002, с. 6). В целом новое издание учебника А.И. Мартынова оформлено качественно и привлекательно. Текст написан понятным для студентов языком. Важным моментом является определение места археологии в системе исторического образования и среди других наук.

Теперь осветим проблему соответствия с требованиями Государственного стандарта. В учебнике последовательно и емко отражены способы существования людей в различной экологической среде на разных этапах исторического развития. Данную задачу автор выполнил довольно хорошо. Причем в некоторых случаях рассмотрение вынесено в отдельные параграфы (например, часть II, глава 5, параграф 1 или часть V, глава 22, параграф 1). Хотя чаще всего такие данные отражены в зависимости от конкретной территории изучения и рассматриваемого периода.

Представленная всесторонняя характеристика материальных остатков жизнедеятельности людей занимает значительный объем рецензируемого издания. Сомневаться в достойном представлении этих сведений не приходится, так как книга написана профессионалом-археологом, посвятившим много времени серьезной исследовательской практике. Отражена и типология археологических памятников (часть I, глава 1, параграф 2). О ме-

годах изучения имеется довольно краткая информация. Такой параграф в учебнике отдельно не выделен. Часть сведений разбросана по тексту. Правда, имеется ссылка на то, что о методах археологических исследований более подробно можно узнать из дополнительно рекомендованного учебного пособия (Мартынов А.И., Шер Я.А., 2002), где действительно всесторонне представлен необходимый материал. Тем не менее процедура археологических исследований в учебнике представлена, и изложена она понятным языком. Очень важен появившийся в новом издании параграф о периодизации и хронологии (часть I, глава 2). В настоящее время актуальность этой темы не вызывает сомнений.

Общие и характерные особенности жизни древних обществ представлены в соответствующем для учебника объеме. Отражен и процесс формирования этнокультурных миров от эпохи палеолита до раннего средневековья и даже дальше. И в последнем А.И. Мартынов прав, так как границы археологии значительно шире, чем они обозначены в Государственном стандарте. Следует поддержать автора учебника и в том, что отдельные параграфы он посвятил древнему и древнейшему искусству. Полезен и приведенный словарь основных терминов (см. приложение 3).

Данный обзор позволяет сделать вывод о том, что рецензируемый учебник по своему содержанию соответствует необходимым требованиям и может быть использован в учебном процессе для преподавания курса «Археология» на исторических факультетах высших учебных заведений страны.

Можно было бы считать миссию успешно выполненной, если бы не ошибки фактического характера, наличие стилистических погрешностей и множество мелких неточностей. Укажем для примера лишь некоторые из них. На с. 165 размещена таблица «Энеолит Верхнего Приобья», на которой часть представленных вещей вообще не относится к энеолиту и к обозначенной территории. На с. 265 в списке литературы не совсем правильно представлены монографии, посвященные изучению скифской эпохи Горного Алтая. На первой странице цветной вклейки одна из фотографий отражает процесс раскопок тюркской оградки, а не могильника. К тому же исследования производил Вадим Владимирович Горбунов, а не В.В. Горбунова. Многие приведенные в учебнике рисунки не всегда связаны с текстом. Исследователи-профессионалы и «узкие специалисты» найдут ряд фактических и других ошибок, а также несоответствия с современными научными представлениями и сделанными открытиями. Недовольные отклики мы уже слышали, и сами не совсем согласны. Но нужно понимать, что учебник пишется не «по горячим следам» и не для того, чтобы отразить все имеющиеся концепции и представить огромное количество археологического материала. Такая книга рассчитана на студентов и носит пропедевтический, т.е. ознакомительный, характер. Автор выбирает для такой демонстрации показательные данные. Но даже для этого ему нужно разбираться во всех эпохах: от палеолита до позднего средневековья. Не каждый ученый имеет такой арсенал знаний. Для чрезвычайно критически настроенных исследователей можно порекомендовать написать учебник по археологии лучше или хотя бы попробовать это сделать.

Подводя итог краткому рассмотрению вышедшего издания, укажем, что учебник состоялся. Он нужен преподавателям и студентам и принесет свою пользу. Однако необходимы и другие разные учебники по археологии.*

Библиографический список

Авдусин Д.А. Полевая археология СССР: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1980. 335 с.

Мартынов А.И. Археология: Учебник. М.: Высш. шк., 1996. 415 с.: ил.

* Когда был готов оригинал-макет сборника с этой рецензией, из Москвы поступило сообщение о том, что в издательстве МГУ подготовлен к изданию учебник «Основы археологии» (под редакцией академика В.Л. Янина) и на него можно присылать заявки. Будем ждать выхода книги.

Мартынов А.И. Археология: Учебник. 5-е изд., перераб. М.: Высш. шк., 2005. 447 с.: ил.

Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Высш. шк., 1989. 223 с.

Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования: Учеб. пособие. 2-е изд. испр. и доп. М.: Высш. шк., 2002. 240 с.: ил.

Тишкин А.А. Программа и учебно-методические материалы к курсу «Археология». Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 56 с.

Л.С. Марсадолов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Об учебном пособии А.А. Тишкина, П.К. Дашковского

«ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СКИФСКОЙ ЭПОХИ АЛТАЯ»

(Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 238 с. + вкл.)

История научного исследования археологических памятников Алтая скифского времени насчитывает более 300 лет. Многие ученые внесли свой существенный вклад в изучение различных аспектов жизнедеятельности древних кочевников Алтая.

Авторы рецензируемого учебного пособия обобщили немногочисленные разрозненные археологические факты, что в целом способствует значительному расширению источниковедческой базы по этой теме. А.А. Тишкин и П.К. Дашковский отразили основные достижения археологов за прошедшие три века и, что особенно ценно, новейшие концепции ученых в области исследования скифской эпохи на Алтае, которые характеризуются быстрым и интенсивным накоплением как новых полевых археологических данных, так и многочисленных и часто противоречивых обобщений ранее накопленных источников.

К достоинствам вышеуказанного пособия можно отнести сведение воедино данных об археологических памятниках древних кочевых племен Алтая, о методах их исследования и, особенно, включение биографий ученых, внесших свой посильный вклад в их изучение.

Высказанные мною ранее замечания были учтены авторами в ходе подготовки рукописи к печати, поэтому основные положения и обобщения, рассматриваемые в рецензируемом пособии, ныне не вызывают принципиальных возражений.

Следует особо подчеркнуть, что данное учебное пособие неразрывно связано с выпущенными ранее хрестоматией и библиографией по скифскому периоду Алтая.

Учебное пособие А.А. Тишкина и П.К. Дашковского, основанное на анализе большого круга разнородных источников, вероятно, вызовет закономерный интерес не только у студентов, специализирующихся по археологии и истории, но и у широкого круга ученых.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГКМ** – Алтайский государственный краеведческий музей.
АКИН – Агентство по культурно-историческому наследию.
АлтГУ/АГУ – Алтайский государственный университет.
АН – Академия наук.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
АТР – Азиатско-тихоокеанский регион.
ГАГПИ – Горно-Алтайский государственный педагогический университет.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ДонНУ – Донецкий национальный университет.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
ИИФиФ – Институт истории, филологии и философии.
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет.
КСИИМК – Краткие сообщения ИИМК.
ЛО ИА – Ленинградское отделение Института археологии.
МАЭ – Музей антропологии и этнографии.
МАЭА – Музей археологии и этнографии Алтая.
МинОКН – Министерство образования, культуры и науки Монголии.
ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет.
РА – Российская археология.
РАН – Российская Академия наук.
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд.
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований.
РЭМ – Российский этнографический музей.
СА – Советская археология.
СВ – северо-восток.
СЗ – северо-запад.
СО – Сибирское отделение.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
СЭ – Советская этнография.
ТГУ – Томский государственный университет.
ЦХАФ АК – Центр хранения архивного фонда Алтайского края.
ЭО – Этнографическое обозрение.
ЮЗ – юго-запад.

Порядок оформления статей и других публикаций для очередных выпусков

Предполагаемая тематика разделов:

Теоретические и методические аспекты в археологии.

Использование естественно-научных методов в археологических исследованиях.

Новые археологические открытия в России и за рубежом.

Результаты изучения материалов археологических исследований.

Социальные реконструкции в археологии.

Рецензии, заметки, хроника и сообщения, библиографический обзор, персоналии.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ

А.А. Тишкин, С.В. Хаврин

Алтайский государственный университет, Барнаул;

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА ИЗДЕЛИЙ ИЗ ПАМЯТНИКА ЯЛОМАН-II (Горный Алтай)*

Статья представляется на русском языке общим объемом до 12 страниц (кегль 14, интервал полуторный, шрифт Times New Roman, поля: верхнее 2 см, нижнее 2,5 см, левое 2,5 см, правое 2 см; сноски внутри статьи (Иванов С.В., 2001, с. 8, рис. 5.-6-8), отдельно прилагаются библиографический список, выстроенный по алфавиту, и подписи к рисункам. Возможна публикация нескольких качественно выполненных иллюстраций.

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект №03-06-80384).

Образцы оформления библиографического списка

Для монографий: Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 176 с.: ил. (Археологические памятники сюнну. Вып. 2).

Для статей: Боковенко Н.А., Засецкая И.П. Происхождение котлов «гуннского типа» Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей // Петербургский археологический вестник. СПб.: Фарн, 2005. №3. С. 73–88.

Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения могильника «Олень-колодезь» // Российская археология. 2000. №1. С. 167–182.

Статьи для третьего выпуска **необходимо присылать до 1 июня 2007 г.** по электронной почте (tishkin@hist.asu.ru с пометкой «Теория и практика археологических исследований»), а также в конверте в распечатанном виде и на дискете по адресу: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, Алтайский государственный университет, каб. 211 (кафедра археологии, этнографии и источниковедения), Тишкину Алексею Алексеевичу.

Вопросы принимаются по телефону (3852)668158
Пожалуйста, соблюдайте правила оформления статей!

Научное издание

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Выпуск 2

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Редактор: Н.Я. Тырышкина
Технический редактор: А.А. Тишкин
Подготовка оригинал-макета: Д.В. Тырышкин

Подписано в печать 15.12. 2006. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Формат 70х100/16. Усл. печ. л. 18,0.
Тираж 400 экз. Заказ 1239

Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии ООО «Азбука»:
656099, Барнаул, пр. Красноармейский, 98а
тел. 629103, 627725
E-mail: azbuka@dsmail.ru